

**Александр Андреев
Максим Андреев**

ЭССЕЫ

Борис Савенков против Империи

Александр Андреев

**Эсеры. Борис Савинков
против Империи**

«Автор»

2025

Андреев А. Р.

Эсеры. Борис Савинков против Империи / А. Р. Андреев —
«Автор», 2025

Пройдет совсем немного времени после отчаянной борьбы Исполнительного Комитета “Народной воли” с самодержавием, и у миллионов подданных появится привычка к убийствам, организованная монархией. В Империи начнется война всех против всех, а потом одних против всех, а потом одного против всех, а потом почти всем, кто остался в живых, станет все равно, и это будет продолжаться множество лет почти до конца XX столетия российской истории. В начале XX века судороги издыхающей Империи сменяются конвульсиями, но никто ее не пожалеет и никто не спасет. Мы проваливаемся в прошлое и видим, как морозным днем 4 февраля 1905 года в набитом полицейскими Кремле одиноко мерзнет член Боевой Организации Партии социалистов-революционеров Иван Каляев. У него в руке небольшая коробка, в которой обычно боевики носят бомбы. Совсем скоро мимо Ивана должна проехать карета с московским генерал-губернатором и императорским дядей.

© Андреев А. Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Вы же сами этого очень хотели!	5
Победоносцев над Россией простер совиные крыла	8
Серое время и смена караула	33
Атака самодержавия	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Максим Андреев, Александр Андреев Эсеры. Борис Савинков против Империи

Вы же сами этого очень хотели!

Министр внутренних дел империи орал на подчиненных. Над огромной страной уже много лет стоял ор. Заходились и надрывались в крике большие и малые начальники, или те, кто очень хотели ими казаться. Когда у человека нет нравственного стресса и культура ниже низшего предела, всегда хочется орать.

Министр орал потому, что жандармы и полицейские в который раз халатно отнеслись к своим служебным обязанностям. Сатрапная сволочь должна была еженедельно проверять больницы империи, в которые поступали больные легочным туберкулезом, чахоткой. Ей болели многие революционеры, быстро зарабатывая чахотку в равелинах, казематах, на каторге и в ссылке, с помощью заботливого тюремного начальства. Медицинскую помощь в империи большинству подданных оказывали никак, и бежавшие из сибирских и северных тюрем больные борцы с самодержавием могли обратиться за помощью только к знакомым врачам или в больницы больших городов. Вместе с докторами их должны были везде, всегда, опять и снова и навсегда встречать жандармы.

В этот раз министр волновался не зря, хотя и не знал об этом, а только интуитивно догадывался. В одной из столичных больниц у известного пульмонолога несколько дней проходил курс лечения от чахотки настоящий гроза империи, вместе с товарищами по оружию создавший страшную Боевую Организацию Партии социалистов-революционеров, поднявшей грозное знамя “Народной воли” и объявившей себя ее наследницей. Министр приказал разослать во все охранные отделения и жандармские управления империи розыскные листы на этого человека. Он никак не мог вспомнить настоящую фамилию этого политического преступника из тайной организации, членов которой все чаще и чаще называли эсерами. Адъютант услужливо подсказал – Гершуни. Помощник главного имперского министра внутренних дел, конечно, не знал и никогда не мог даже предположить, что совсем скоро боевики этого Гершуни прямо в лоб застрелят его высокого начальника прямо в здании знаменитого Государственного Совета Российской империи и подобные террористические акты быстро станут доброй эсеровской традицией.

Благодаря своей бесеребреннической-аскетической и отчаянно-отрешенной жизни, и, конечно, благодаря забавам властей, члены исполнительного Комитета «Народной воли» в конце XIX столетия стали идеалами настоящих людей и критерием чести и достоинства у многочисленной либеральной, оппозиционной и революционной молодежи империи. Рабочие уже почти сотен фабрик и заводов, студенты десятков университетов и институтов, журналисты и литераторы уже несколько лет спрашивали друг друга – кто поднимет залитое кровью боевое знамя «Народной воли» и под ним атакует монархию? В начале XX столетия они дождались ответа. С новым годом и с новым веком самодержавие поздравили новые революционные партии. В империи под грозное эхо «Народной воли» в атаку на монархию пошли социалисты-революционеры, анархисты и социал-демократы. Теперь это были опасные до жути и дрожи в коленках и неустрашимые до самозабвения профессиональные революционеры, не разговаривавшие с монархией, а просто стрелявшие в нее часто и много. И имя теперь им было легион.

Во время правления Александра III с 1881 года в первую очередь начались гонения на писателей и журналистов, чье творчество и деятельность всегда оставалась почти единственной трибуной имперского общества. Полосу 80-х и 90-х годов называли сумеречной и хмурой, как

книги великого Антона Чехова «В сумерках» и «Хмурые люди». Великий Лев Толстой назвал эпоху Александра III безвременьем и заявил, что «Так жить нельзя!» он писал, почему над Москвой все время гудят гудки фабрик и заводов. У рабочих не было часов и гудки сообщали и приказывали им, как жить – в пять часов утра за заводской станок, в восемь часовой перерыв, работа до двенадцати, обед, потом работа до четырех часов вечера, затем в подвал. Так, как думал и на всю империю говорил Лев Толстой, которого называли духовным царем России, думали многие и многие подданные. Он называл самодержавие «возрастающим злом, совершаемым в организованной форме, с помощью закона, безнаказанным, и поэтому считающим себя добром», а зависимых от монархии людей «несчастливыми, несчастье которых не во внешних условиях, а во в них самих». Толстой писал, что у народа почти исчез инстинкт самосохранения и необходимо срочно изменить мироощущение каждого человека. Антон Чехов говорил, что надо по капле выдавливать из себя раба, и заявлял, что «одно лишь убеждение, что восьмидесяти лет не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти томов», а время Александра III считал «больным». Максим Горький ставший зеркалом эпохи, сказал, что «не знает в русской истории момента более тяжелого, чем этот». Не выдержал известнейший юрист и чиновник Анатолий Кони: «Всем самовольно и совершенно бесконтрольно управляют министры, случайные люди, без заслуг в прошлом, без достоинств в настоящем. Картина не привлекательная и ничего не обещающая в будущем. Безумнейшие и подлейшие деяния, лицемерие всех и фраза, фраза, фраза. Люди новой формации получали звания сенаторов за услужливость и почтительность. Они приносили с собой крайнюю узость взглядов, буквоедство и черствость. Мне приходилось сталкиваться то с безмерным самолюбием и самомнением, то с бездушием, то с коварством, то с двуличием, то с откровенной подлостью. Мы живем в серое время. Серые лишенные оригинальности люди действуют вокруг нас и своей массой затирают выдающихся людей. Остывшие в своем своекорыстии чиновники и пустые болтуны рассуждают об углероде и кислороде, когда в окне пожар. Мы переживаем странное и страшное время. Общество вырывается из пеленок, в которых его насильственно держали многие годы, усыпляя его ум и атрофируя в нем чувство собственного достоинства. Но, вырываясь, оно хочет сразу бегать, еще не умея не только ходить, но даже стоять на ногах».

Когда вражда между монархией и миллионами подданных перешла в кровавую резню, ее суть опять и опять выразил Лев Толстой, статью которого «Не могу молчать» в 1908 году перепечатали сотни европейских и американских газет, но совсем не российских:

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильно, одна в Одессе.

И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год не переставшие казни, казни, казни.

Нельзя так жить. Я, по крайней мере, так жить не могу и не буду.

Я буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России, и вне ее, чтобы, одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы».

В 1910 году Анатолий Кони писал о деятельности подавлявшего первую русскую революцию председателя Кабинета министров империи Петра Столыпина: «Действия Столыпина не только незаконны, не только компрометируют царя, но просто глупы, ввиду своих неудачных последствий. Это правительство использует одну статью закона для того, чтобы обойти другую, и создает соблазнительный пример для всех граждан государства».

В строящихся и строившихся тюрьмах умирали и умирали люди, опасные для самодержавия. Вера Фигнер писала о том, как сходил с ума в шлиссельбургских застенках один из руководителей Военной организации «Народной воли» Николай Похитонов:

«Все население тюрьмы, измученное проявлениями болезни Похитонова, скоро пришло в крайне нервное состояние. Все ждали, что вот-вот сам он сделает что-нибудь непоправимое или с ним сделают что-нибудь ужасное.

Дальнейшее пребывание Похитонова в общей тюрьме стало казаться невыносимым даже для самой жандармерии. Болезнь прогрессировала: мания величия, революционный бред, припадки буйства и стремление к самоубийству переплелись в самую острую угрожающую форму сумасшествия, когда для обуздания припадков уже нельзя было не прибегать к физической силе. Ему мучили галлюцинации, и он делал беспрестанные попытки к самоубийству, требовавшие неусыпного надзора. Он то пел псалмы, то неистово кричал и впадал в буйство, то умолял разmozжить ему голову. Он перестал осмысливать окружающее, речь становилась бессвязной и состояла из бессмысленного набора слов. Положение, наконец, сделалось совершенно нестерпимым, и департамент полиции уступил и разрешил перевести в психиатрическое отделение Николаевского военного госпиталя в Петербурге.

Когда Похитонову сообщили о предстоящем отъезде, он не мог усвоить этого, хотя понял, что ему предстоит что-то хорошее, оно представлялось ему то в виде несметного количества миллиардов рублей, которые стекаются ему отовсюду; то в виде поклонения, которые воздадут ему все живущие и раньше жившие цари и короли; то в виде наступления царства божьего, о котором он все время бредил. Однажды при мысли об этом царствии он пришел в такой экстаз, что не хотел ждать и просил тотчас дать ему топор, чтобы раскроить черепа всем окружающим, тогда все сразу очутились бы в раю.

В феврале 1896 года Похитонова увезли из Шлиссельбурга. Двенадцать лет назад Николай Данилович вступил в каземат молодым, привлекательным человеком с любознательным и развитым умом, с живым и деятельным темпераментом. А теперь его увозили и даже обещали показать родным – в каком виде?! Это не был уже человек: разум погас, логика исчезла, ни мысли, ни чувства, ни даже правильных инстинктов».

В апреле 1897 года сумасшедший Похитонов умер.

До того времени, пока почти вся империя сошла с ума, оставалось менее десяти лет.

Победоносцев над Россией простер совиные крыла

17 октября 1888 года над империей грянул гром. Александр III с семьей и свитой возвращался из Крыма в столицу империи. Громадный императорский поезд из множества тяжелых вагонов летел с непозволительной скоростью. Состав был в два раза тяжелее, чем такой же товарный, и два паровоза везли его очень быстро, забыв о том, что на Харьковско-Курской дороге рельсы были положены легкие, шпалы – из плохого дерева, а насыпь была не из щебенки, как полагалось по проекту, и даже не из песка.

Тяжелый поезд расшатывал путь и в любой момент мог выбить рельс. Один из руководителей дороги Сергей Витте срочно и детально сообщил министру путей сообщения, что быстрое движение очень тяжелого поезда с двумя товарными паровозами почти неизбежно кончится разрушением.

Скорость императорского поезда тут же уменьшили до положенной. Император сделался недоволен и сказал приближенным: «Никто на других дорогах мне не уменьшает скорость, а на этой вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская». Инспектор движения императорских поездов А. Гаубе тут же заявил, что железнодорожный путь в образцовом порядке. Машинистам пообещали что-нибудь подарить за молодецкую езду и скорость царского поезда увеличили даже выше, чем была. Недалеко от Харькова у станции Борки в начале второго часа 17 октября на уклоне насыпи летевший на скорости шестьдесят километров в час царский поезд выбил рельсы и завалился под откос. На дороге остался только первый паровоз с поднятой правой стороной, второй паровоз почти лег набок, и за ним вповалку громоздились вагоны. 21 человек из свиты погиб и еще 36 были сильно ранены. Стенки царского вагона-столовой, где обедала царская семья, вместе с амортизационными тележками взгромодились почти друг на друга и сложились в пирамиду, на которую упала крыша. Александр III с семьей невредимые вылезли в какую-то дырку. К месту крушения подали экстренный поезд и всех отвезли на Лозовую, где отслужили благодарственный молебен.

Слухи о том, что крушение царского поезда это дело рук «Народной воли» опроверг возглавивший следствие обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената Анатолий Кони. Он доказал, что виновником не первой кровавой железнодорожной катастрофы стало Министерство путей сообщений, набитое халатностью, хищениями и жадой наживы любой ценой.

Это следствие не стало новостью для императора, хорошо знавшего, что его взорванный отец был как-то причастен к безобразному воровству у казны и плохому строительству железных дорог с их концессионными махинациями, хотя, кажется, и не знал высказывания военного министра Д. Милютина: «Остается только дивиться, как самодержавный повелитель восьмидесяти миллионной людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия». Поезд Александра II уже сходил с рельс у Жмеринки, но все обошлось, и царь со свитой пешком пришел на станцию. На станции Бирзула Александра II вообще забыли и отправили поезд без самодержца. Император никого не наказал, говорят, по добродушию характера.

В ноябре А. Кони доложил Александру III о результатах следствия. Он сказал, что по царскому приказу состав был перегружен и шел слишком быстро с чрезвычайной нагрузкой на рельсы, что участок дороги Тарановка – Борки находился в аварийном состоянии, что при строительстве дороги украли все, кто мог, и все, что мог, что насыпь была из запрещенного шлака и что шпалы были гнилые. Кони не забыл сказать, что по распоряжению Его Императорского Величества были отключены тормоза, потому что царя раздражал тормозной звук. Прокурор нарисовал Александру III впечатляющую картину выдачи железнодорожных концес-

сий, хищничества правления дороги, растления служебного персонала казнокрадством, попустительства министра путей сообщения. Царь спросил, кто виновен в крушении и Кони ответил: «Сплошное неисполнение всеми своего долга, из-за бюрократического устройства наших центральных управлений, стоящих очень далеко от действительной жизни».

Решение по делу, как обычно у царя, неформально принимал обер-прокурор Синода Константин Победоносцев. Несколько человек сменили чиновные кабинеты, министр путей сообщения стал членом Государственного совета с сохранением министерского оклада, кто-то получил выговоры. Александр III наложил резолюцию на доклад Победоносцева: «Как? Выговор – и только? И это все? И это все? Удивляюсь! Но пусть будет так». Царь и сам говорил, что «министр внутренних дел может быть, и понимает, что докладывает, но я его не понимаю; министр путей сообщения не сам не понимает, ни я его не понимаю». При предпоследнем царе все высшие государственные посты в империи заняли члены императорской семьи и чиновники-сановники, умевшие только приближенно прислуживать. Казнокрадство уже давно в монархии стало нормой – кто тронет родственников и друзей царя всея Руси? Революционное подполье регулярно и подробно в газетах и прокламациях рассказывала подданным о сиятельных мздоимцах. Время правления Александра III совершенно справедливо называли контрреформами. Царь восстановил предварительную цензуру, ввел сословные принципы в школах и вузах, отменил автономию университетов и ввел институт земских начальников. Александр III восстановил превосходство дворянства перед народом и не стеснялся сказать: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» он лишил независимости земства, установил контроль над судопроизводством, увеличил русификацию присоединенных к империи западных белорусских, украинских и польских земель. Победоносцев готовил многие императорские решения и написал Александру III с 1881 по 1894 год почти четыреста писем с рекомендациями. Контрреформы власти отправили в оппозицию почти всю интеллигенцию империи, которой овладело неверие в наличии у самодержавия здравого смысла. Революционеры стали называть империю «тюрьмой народов». Александр III в трезвом уме и твердой памяти сам включил взрыватель колоссальной бомбы, которая вскоре подорвала всю династию вместе с империей, которая во главе с императорами на всех парах летела в кровавый 1917 год.

Главным органом государственного управления империи при Александре III, как, впрочем, и в течение всего XX века, стало Министерство внутренних дел. В августе 1880 года в его недрах был создан в виде почти отдельного ведомства огромный Департамент полиции, которому, как и градоначальникам, подчинялись обычная полиция, корпус жандармов и охранные отделения.

Каждый город империи был разделен на большие части и меньшие кварталы и околотки. Главой полиции в крупных городах был обер-полицмейстер, в губернских – полицмейстер. Им подчинялись частные приставы, квартальные и околоточные надзиратели, городовые и постовые-стражники. Уездную полицию возглавлял исправник, которому подчинялись стантовые приставы и урядники. В ведении полиции были все преступления, кроме политических, правонарушения, охрана общественного порядка, все уголовные и гражданские дела, контроль за точным исполнением населением верноподданнического долга, за правильным производством дел, преследование беглых и военных дезертиров, контроль за сбором податей, правильностью строительства, состоянием дорог, сохранением добрых нравов, прекращение ссор, драк, буйства, донесение по начальству о чрезвычайных происшествиях, истребление опасных хищных зверей, контроль за уборкой урожая. Полиция осуществляла гласный, негласный, временный и пожизненный надзор за ссыльными, не имевшими права менять места жительства.

Департамент полиции стал центральным органом по заведованию общей полицией, политическим сыском и надзором. Его главной частью стал Особый, позднее Политический отдел. Главной задачей Департамента полиции было предупреждение и пресечение всех видов преступлений. В его ведении находились полицейские учреждения, корпус жандармов, охранные

отделения, адресные столы и пожарные команды. Общее руководство Департаментом полиции и корпусом жандармов осуществлял товарищ-заместитель министра внутренних дел, непосредственно Департаментом руководил директор, которому подчинялись девять делопроизводств и особый отдел.

Первое делопроизводство, распорядительное, заведовало общими делами и личным составом. Второе делопроизводство, законодательное, заведовало составлением полицейских инструкций, циркуляров, законопроектов. Третье делопроизводство, важнейшее и секретное, заведовало всеми делами политического розыска: надзором за политическими партиями и организациями, наблюдением и борьбой с ними, а также с массовым движением, руководством всей внутренней, гласной и негласной, и заграничной агентурой, охраной царя, отпуском средств на агентов; давало справки о политической благонадежности, заключения по уставам различных обществ и клубов. Четвертое делопроизводство наблюдало за ходом политического дознания в губернских жандармских управлениях, осуществляло надзор за рабочим и крестьянским движением, за деятельностью легальных обществ, организаций, земств и городских органов самоуправления. Пятое делопроизводство ведало гласным и негласным надзором. Шестое делопроизводство следило за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ, за фабрично-заводским законодательством, выдачей справок о политической благонадежности лицам, поступившим на государственную и земскую службу. Седьмое делопроизводство наследовало функции Четвертого делопроизводства по наблюдению за дознанием по политическим делам. Восьмое делопроизводство заведовало сыскными отделениями, органами уголовного розыска. Девятое делопроизводство заведовало делами, связанными с войной, контрразведкой, надзором над военнопленными.

С 1 января 1898 года важнейшие дела Третьего делопроизводства были переданы в особый отдел. Он ведал внутренней и заграничной агентурой; вел негласное наблюдение за корреспонденцией частных лиц и членов императорской семьи и высших сановников государства, подозреваемых в нежелательных связях; наблюдал за политическим настроением во всех слоях общества, за деятельностью политических партий и всевозможных организаций, вел регистрацию произведений нелегальной печати, ведал политическим розыском.

У Особого, а затем Политического отдела было семь отделений. Первое занималось общими делами и перепиской. Второе ведало эсерами, Третье – большевиками и меньшевиками, Четвертое занималось буржуазными организациями национальных окраин России, Пятое разбирало шифры, Шестое занималось следствием, Седьмое выдавало справки о политической благонадежности.

В ведении Департамента полиции находилась особая агентура, гласная и негласная. Департамент имел особый денежный секретный фонд, не подлежащий государственному контролю.

С 1880 года Корпус жандармов перешел в ведении Департамента полиции МВД, хотя шефом корпуса стал лично министр внутренних дел. Во всех губерниях и краях империи существовали жандармские управления, руководившие политическим сыском в регионах, и ведение следствия по государственным преступлениям и политическим делам. В 1880 году большие жандармские дивизионы стояли в Петербурге, Москве, Варшаве, сто двадцать три команды располагались в крупнейших городах империи, жандармский полк и лейб-гвардии жандармский эскадрон находились в армии. Жандармы боролись с массовым рабочим и крестьянским движением, осуществляли сыск революционных организаций, сопровождали особо опасных арестантов, осуществляли внешнее оцепление, вели поимку беглых и рекрутов, собирали сведения и готовили царские доклады о настроениях различных сословий. В жандармерии и в полиции, и в охранных отделениях офицеры получали двойное жалование.

Охранные отделения были созданы в Петербурге в 1866, в Москве и Варшаве – в 1880 годах. К началу XX века существовали почти тридцать охранных отделений, местных органов

Департамента полиции, ведавших политическим надзором и сыском. «Отделения охранения общественной безопасности и порядка» формально входили в состав канцелярии полицмейстеров и градоначальников, но в то же время сохраняли все права самостоятельного учреждения, подчиняясь Департаменту полиции. С начала XX века охранные отделения сосредоточились на розыске революционеров, которых для проведения следствия передавали жандармам. Их основной задачей являлся политический сыск революционных организаций и революционеров. Непосредственный арест и дознание по собранным охранными отделениями материалам осуществляли жандармские управления. Отделения имели обширную специальную агентуру – агентов наружного наблюдения, филеров и секретных агентов, сотрудников, сексотов в «обследуемой зоне».

Основной частью каждого охранного отделения была канцелярия, подразделявшаяся на несколько столов. Отделения имели филиалы на всех почтах, вокзалах, которые назывались отделениями секретной цензуры, или «черными кабинетами», ежегодно перлюстрировавшими десятки тысяч частных писем подданных. Гением охранных отделений, создавших их сеть по всей стране, стал полковник Сергей Зубатов, в тридцатилетнем возрасте ставший начальником Московского охранного отделения, в 1902 году возглавивший Политический отдел Департамента полиции МВД, что и привело его к самоубийству в марте 1917 года.

Охранные отделения и Департамент полиции неоднократно предупреждали Зимний дворец, что в феврале 1917 года в империи грянет революция и их доклады, кажется, даже просматривали. В самые первые дни Февральской революции перед зданием Департамента полиции МВД день и ночь горели костры из документов, фотографий, политических дел, в самом Департаменте почти все шкафы были взломаны, некоторые службы полностью уничтожены. 4 марта 1917 года указом Временного правительства политический сыск в империи был упразднен и только поэтому многочисленные неуничтоженные материалы Особого, Политического отдела дошли до нашего времени.

За время правления Александра III по политическим делам преследовались почти тридцать тысяч подданных, из которых многие были народовольцами. По суду осуждены были только пятьсот человек, но почти двадцать тысяч человек были осуждены и сосланы без всякого суда, административно.

С сентября 1881 года Александра III охраняла «собственная Его Величество охрана» во главе с генералом Петром Черевиным, которому подчинялись сотни сотрудников секретной части, дворцовой полицейской команды, гвардейцев почетного конвоя и железнодорожной инспекции. Всю свою жизнь Александр III прожил под усиленной охраной, находившейся с ним во время всех выездов, расставленной во всех царских резиденциях и парках. Охранники постоянно проверяли все императорские чердаки, допуская туда только трубочистов, пожарных и мастеровых в сопровождении. С чердаков резиденций агенты наблюдали за округой. Агенты стояли во всех коридорах и у всех подъездов, всех входов и выходов. Агенты следили за подвалами, за печами, чтобы царь случайно не угорел. Всех рабочих, входящих по делу во дворец, агенты тщательно осматривали, все посетители сопровождалась до места встречи. Контроль за охраняемой территорией велся тотальный. Александр III говорил, что ему «тошно и невыносимо гулять и кататься при такой обстановке». Царь каждый вечер сообщал Черевину, что он будет делать на следующий день и кто будет с ним встречаться и сопровождать. В его поезде обычно были салон-вагон для царя и семьи, вагон-буфет, кухня, багажный, для свиты, для прислуги. Каждый раз Александр III просил своего верного начальника охраны не говорить, куда и когда он едет. Царь всегда и везде заботился о своей личной безопасности. Железную дорогу из Петербурга в Москву во время императорских поездок могли охранять десятки тысяч солдат. Улицы городов, по которым он ехал, оцеплялись войсками, все дома обыскивались на предмет нахождения бомб и революционеров, а владельцы этих домов давали подписку, что их жилища не будут выглядывать в окна во время проезда царя. Агенты секрет-

ной части, агентуры, должны были по всему маршруту царя знать всех временных и постоянных жильцов домов, гостиниц и меблированных комнат, следить за всеми случайными прохожими, и у подозрительных устанавливать место жительства и личность. На содержание царской охраны из казны тратились очень большие суммы в десятки тысяч рублей. Царских охранников даже расселяли жить в домах по царским маршрутом, давая им команду обращать особое внимание на живущих в подвальных этажах, в фасадных квартирах, на предприятия и лавки, знакомится с прислугой жильцов, хозяевами лавок, трактиров, с дворниками и швейцарами домов на царском маршруте, на любые в них строительные работы. Агенты охраны под видом полицейских вручали прописываемым в этих домах жильцам их паспорта, проверяя их по приметам известных революционеров. Если во время царского проезда на маршруте были случайные прохожие, агенты должны были находиться у них сзади и справа, чтобы успеть схватить при покушении, блокировать всех прохожих с сумками, узелками, проверять людей на скрытые под одеждой твердые предметы. Подобных агентов на нескольких маршрутах были сотни. Когда царь уезжал в Крым или в Финляндию на отдых, многие из агентов прикомандировывались к охранному отделению, где изучали фотографии и приметы революционеров, их приемы и методы борьбы, занимались джиу-джитсу, выполняли филерскую работу. На Александра III могло быть покушение только 1 марта 1887 года, но в напряжении он находился почти всегда.

Все главные нити слежения за империей с конца XIX столетия находились в охранных отделениях, должностные инструкции которых четко определяли, как бороться с инакомыслящими:

«Главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура, и ее задача заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличения их членов для привлечения судебным порядком.

Все остальные силы и средства розыска органа являются лишь вспомогательными, к которым относятся:

1. Жандармские унтер-офицеры и полицейские надзиратели в розысках органах, которые, как официальные лица, производят выяснения и допросы, но секретно, под благовидным предлогом.
2. Агенты наружного наблюдения, или филеры, которые, ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их.
3. Случайные заявители, фабриканты, инженеры, члены МВД, фабричная инспекция и прочие.
4. Анонимные доносы и народная молва.
5. Материалы, добытые при обысках, распространяемые прокламации, революционная пресса.

Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный, находящийся в обследуемой среде, даст несоизмеримо больше материала, для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором могут официально вращаться заведующие розыском. То, что даст общество, всегда станет достоянием розыска органа, через губернатора, прокуратуру, полицейских чинов, с которыми постоянно соприкасаются заведующие розыском. Поэтому, секретного сотрудника, находящего в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может».

В период правления Александра III в 1881–1894 годах всемогущая имперская демократия в полном объеме смогла осуществить любимое ей государственное давление на подданных. Чиновники, сановники, вельможи, дворяне в своем большинстве любые изменения в управлении воспринимали как покушение на идею российской государственности, отдавая первенство государству, а не человеку. Попытки привести государственный строй империи хоть в какое-то соответствие с требованиями времени давно закончились, и в стране началась эпоха контр-

реформ, попытавшаяся исторической паузой остановить время. Победоносцев всеми силами отстаивал незыблемость самодержавия.

Теперь любого подданного арестовать, без суда сослать на пять лет и навсегда, судить военным судом. Даже губернаторы могли закрывать газеты, журналы, заводы, фабрики, лавки, университеты, институты, приостанавливать работу земств и городских дум. Александр III по команде Победоносцева изменил городское самоуправление, земства, суд, образование и печать.

В городах вдруг почти не стало выборов, и расширились правительственные полномочия, естественно, в ущерб городскому самоуправлению. Новое городское положение 1892 года ввело высокий имущественный ценз, сокративший число избирателей в три раза. В документе не стало главного раздела, что городские думы и управы действовали самостоятельно. Городской голова, председатель городской думы, утверждался царем и генерал-губернаторами, а не населением. Низшие сословия были вытеснены из управления дворянством.

Земство, как система местного всесословного самоуправления в уездах, фактически перестало существовать. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года двух выборных земских гласных из трех могли избирать только дворяне. Имущественный ценз для избирателей был значительно повышен, крестьяне вообще потеряли право выбирать земцев. Крестьяне теперь выбирали уполномоченных выборщиков, из которых губернатор назначал гласных. В июле 1889 года было принято «Положение о земских участковых начальниках», по которому каждый уезд разделялся на земские участки без губернских и уездных городов, на которые министром внутренних дел назначались земские начальники только из потомственных дворян, владевших недвижимой собственностью и только по представлению губернатора: «Земскому начальнику принадлежит надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления, за состоянием мирских капиталов, за ссудо-сберегательными кассами и сельскими банками, утверждение приговоров сельских сходов, попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян, исполнение обязанности мировых судей, дела по спорам и искам, о восстановлении нарушенного владения, о потравах». В руках земского начальника сосредоточилась вся административная власть над органами крестьянского общественного управления. Упразднились уездные крестьянские присутствия и мировые суды. Земские начальники запросто не обращали никакого внимания на общинные обычаи и традиции.

По закону «Об изменениях постановлений о присяжных заседателях» 1884 года обширные полномочия получили полицейские чины, формально назначавшие состав присяжных, ограничивалось право отвода и замены присяжных, уменьшалось их количество в губерниях, удваивался их имущественный ценз. Губернаторы получили право исключить любого присяжного из списка без объяснений. Из ведения суда присяжных были изъяты не только политические дела, но и дела о насильственных действиях против должностных лиц. Публикации в газетах отчетов о политических процессах запрещались.

В образовании была ликвидирована университетская автономия, осуществлялось возрастающее чиновное давление на демократическое студенчество и прогрессивных профессоров, свернуто женское образование, произошел фактический возврат к сословной школе. Студенчество считалось главным источником вольнодумства, республиканских идей и смут. Университетский устав 1884 года запретил все студенческие объединения, столовые, кассы взаимопомощи. Все преподаватели утверждались министром просвещения, а всей университетской жизнью руководил государственный попечитель учебного округа. Были значительно уменьшены льготы по студенческим отсрочкам от шестилетней службы в армии. Был принят вызвавший колоссальный общественный резонанс циркуляр «о кухаркиных детях», по которому ограничивался прием в гимназии «детей кучеров, поваров, прачек, лакеев, мелких лавоч-

ников и тому подобных людей, детей которых, за исключением разве необыкновенно одаренных, вовсе не следует выводить из среды, к которой они принадлежат».

В университеты, институты, гимназии сокращался прием еврейских детей. Низшие имперские сословия старались всеми силами обходить «рекомендующий циркуляр» и учили своих детей как могли и где могли.

В 1882 году были приняты «Временные правила печати», колоссально усилили цензуру, требовали раскрывать псевдонимы авторов. Чиновники могли закрыть любые газеты и журналы и лишить редакторов и издателей права продолжать свою профессиональную деятельность. В 1884 году был закрыт ненавидимый самодержавием журнал «Отечественные записки» великих Николая Некрасова и Михаила Салтыкова-Щедрина, и главным официальным органом стала газеты «Московские ведомости» Михаила Каткова, бывшего либерала, при Александре III ставшего хранителем монархических устоев. С середины 1880-х годов имперская самодержавная пирамида ничего в стране не оставляла без своего несусветного контроля. Сильная государственная власть была объявлена единственным условием самосохранения империи и общества. Всесильный обер-прокурор Синода создал идею национальной государственности империи. Западные парламентские демократии порочны, потому что идут в ногу со временем, что не совпадает с интересами всего народа. Народ сам в себе несет закон, а государство за него этот закон формулирует и следит за его исполнением. Точка зрения государства, имперской самодержавной монархии, единственно правильна и оспариваться не может. Поэтому совершенная по определению имперская государственная власть, неизмеримо высшая европейских политических моделей, прекрасно блюдет благо народа и его права. Реформы должны только следовать за жизнью, а не менять ее. Современники называли эпоху контрреформ Победоносцева и Александра III глухими, кандалными годами, болезненно-выжидательного спокойствия и затишья. Столпам самодержавия в силу их умственных способностей не приходило в голову, что прогресс невозможно остановить и жизнь все равно возьмет свое, если нужно, то с кровью. Контрреформы дали империи совершенно противоположный ожидаемому результат. Земство было настроено против самодержавия, городские буржуа требовали у него все новые и новые права, в университетах усилился дух свободолюбия, количество либеральных газет ежегодно увеличивалось, как и число либералов. Империя мертво катилась к убийственным социальным потрясениям начала XX века. В этих конкретных имперских условиях росли и воспитывались люди, которые вскоре станут вершить судьбы самодержавия и самой монархии.

Теперь все общество четко знало и понимало, что устранение самодержавия не приведет к отмене самодержавия. Победоносцев и Александр III вели оголтелую борьбу против революционеров, оппозиционеров, инакомыслящих и их пособников и подстрекателей либералов, попустительствовавших подрывным радикалам. Консервативно-косные узколобые мероприятия самодержавия создавали тотальный монархический контроль государственной и общественной жизни империи. Александр III уже в 1881 году словами Победоносцева заявил, что конституции Западной Европы – это орудие всякой неправды и интриг, «непригодная для России фальшь, ведущая к нашему несчастью и гибели». Он тогда же сказал, что Россия сильна только благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию между царем и его народом.

Были выпущены законы, консервирующие общину в деревнях, затрудняющие переселение крестьянства на новые земли, ограничивались автономия Финляндии, ужесточалась антипольская политика, ухудшалось отношение к мусульманскому имперскому югу. Стабилизация самодержавия достигалась свертыванием всех прав подданных, усилением дворянства и несусветной бюрократии, стагнации общества, неконституционностью, своеволием, произволом, дворянской, казачьей, крестьянской корпоративностью, азиатским типом государственности, в котором неправовая система управления замыкалась на монаршую волю.

Во времена Екатерины II количество чиновников едва превышало десять тысяч бюрократов. Александр III имел их почти полмиллиона. Полицейско-чиновное государство думало, что надежно законсервировало само себя, но это была неправда. В российскую историю вмешались идеи и экономика. Монархистов в конце XIX века атаковали социалисты и у любителей консервированного самодержавия больше не было никаких шансов не только победить, но и выжить.

Дело было не только в личностях царя и Победоносцева. Полууступки феодализма совсем не устраивали накатывавшийся на империю капитализм. Помещичьи имения выдыхались, крестьянские хозяйства активно расслаивались на богатых и бедных, финансы, промышленность, торговля не устраивала половинчатость самодержавия. Консервативная оппозиция заявляла: «Вот к чему привели эти реформы». На докладе М. Лорис-Меликова 1881 года Александр III написал: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством». На вершине бюрократической пирамиды укрепились чиновники, чуждые прогрессу, науке и культуре, вдруг вынужденные считаться с реальным положением дел в экономике, в которую уже ворвался капитализм.

Крестьянская свобода 1861 года стала главной причиной слабости мужицкого земледелия. В пятнадцати нечерноземных губерниях десятки миллионов ревизских душ потеряли пять процентов, а в двадцати черноземных губерниях двадцать пять процентов земель, принадлежащих им до отмены крепостного права. На западе империи в девяти губерниях по политическим соображениям крестьяне получили земли больше, чем имели. Десять процентов крестьян получили землю щедро, сорок – хорошо и достаточно, а половина – мало. Каждый третий крестьянин с семьей после 1860-х годов обрекался на полуголодное существование. Больше всего нуждающихся в земле было в перенаселенных Петербургской, Олонецкой, Костромской, Калужской, Пермской, Смоленской, Минской, Витебской, Ковенской, Курляндской, Киевской, Волынской, Черниговской губерниях. После отмены крепостного права у крестьян резко возросла рождаемость, что еще уменьшило количество наделов на душу населения, редко превышавшихся три десятины на человека. Ситуация начала меняться только после 1905 года, когда на рынок было выброшено большое количество дворянских земель, но земельный голод все равно постоянно давил на быстро растущее деревенское население. Власти открыли крестьянский Поземельный и дворянский Земельный банки, и миллионы десятин начали переходить из рук в руки. В 1900 году двадцать процентов крестьян имели половину пахотных земель империи и процесс расслоения крестьянства все убыстрялся и убыстрялся. Цены на землю, доступную только сильным крестьянским хозяйством, постоянно росли и с 1893 года по 1902 год увеличились вдвое, а к 1914 году почти втрое и составляли в среднем сто тридцать рублей за десятину. Черноземье стоило намного дороже – до четырехсот рублей за десятину под Полтавой. Долги крестьян банкам постоянно росли, как и недоимки казне.

Там, где была наибольшая избыточность населения, большое количество крестьянской земли сдавалось в аренду, поскольку бедные семейства почти не могли вести самостоятельное хозяйство. Стоимость аренды почти сравнялась с получаемым от нее доходом, и безземельные крестьяне массово уходили в города на фабрики и заводы, в отхожие промыслы, на восток империи. Казна активно сдавала в аренду пашни, сенокосы, выгоны, леса, но их все равно не хватало. Богатые багатели и уходили с земли в город, не имея ни лишних рук, ни рабочего скота. Сильные хозяйства поднимали их производительность и доходность. Развитию сельского хозяйства мешали почти полное отсутствие обрабатывающей и перерабатывающей промышленности на месте производства, отсутствие дорог и колоссальная чересполосица в совершенно причудливой форме.

Большой экспорт и рост внутреннего рынка зерна стал уничтожать натурально-хозяйственный деревенский уклад почти на всей территории империи. Богатые хозяйства увеличи-

вали урожаи, удобряли землю, использовали усовершенствованные орудия обработки земли. Безлошадные и однолошадные крестьяне продавали или сдавали землю в аренду и уходили искать покупателя на свой труд. К началу нового XX века около двух тысяч винокуренных производств перерабатывали на спирт большое количество ржи, картофеля. Триста сахарных заводов производили из свеклы почти сто миллионов пудов сахара. Крестьянские хозяйства к этому времени уже четко разделились на безземельные, мелкие, средние и крупные. Кроме сахарных и винокуренных заводов появляются маслобойни и крахмальные производства, промышленное огородничество, садоводство, табаководство. Богатые уже не хотели покупать или арендовать землю у бедных, а просто отбирали ее обманом или силой, нарушая имущественные права владельца. С начала XX века в деревне начались крестьянские беспорядки, подавляемые силой. Внешне дело обстояло вполне благополучно, но копившееся и копившееся недовольство бедной деревни клекотало все больше и больше. Голод 1891 года еще не был забыт, как новый неурожай 1900–1901 годов создал на земле невозможные условия существования. Причину голода бедные крестьяне видели в недостатке у них земли и потребовали передать часть помещичьих земель, скота, хлеба: «или отдайте, или сами возьмем». Сначала голодные крестьяне просто приходили в помещичьи усадьбы и просили хлеба и земли, потом начали их громить и поджигать. Горели помещичьи дома и поля, силой выяснялось, кому принадлежит спорная земля.

Монархия не стала выяснять причины волнений, потом нападений. Тяжелые, голодные условия крестьянской жизни она стала объяснять «злонамеренными слухами и антиправительственной пропагандой». Когда количество волнений еще выросло, самодержавие сквозь зубы заговорило, что «хозяйственное положение крестьян, переживших за последние годы несколько недородов, было не вполне удовлетворительно». Одновременно на волновавшихся крестьян бросили войска и выдрали их розгами, вымоченными в соленой воде. Казачьи нагайки исполосовали тысячи мужиков, но не выжгли крестьянскую правду. На пристрастных судах все-таки выяснилось, что волнения происходили из-за малоземелья и неурожая. Участников «беспорядков» массово осудили, на неучастников наложили контрибуцию, аграрная политика, само собой, изменена не была. Настроение крестьянства стало крайне напряженным. Оно стало самоорганизовываться и выдвигать из своей среды умелых агитаторов, хорошо учившихся у народников. Крестьяне стали интересоваться нелегальной литературой. Департамент полиции доложил в Зимний, что все волнения носят социальный характер и что после судов крестьяне молчат, никому не перечат, о прошлом не говорят и никого не выдают: «Подавленные беспорядки могут повториться в иных местах. Ограничиваться одними репрессиями невозможно. Население прикрыло собой всю введенную в его среду преступную литературу, затаив в себе все внушенные ему мысли и идеи».

То, о чем мечтала «Народная воля», с помощью капитализма и самодержавия, стало быстро совершаться в крестьянстве, но на Зимний дворец полицейский доклад не произвел ни какого впечатления, и все осталось по-старому.

Монархия разослала по империи циркуляры, чтобы губернаторы на сходах предостерегали крестьян слушать агитаторов, и мужики даже в неволновавшихся губерниях узнали, что в империи были волнения и действовали агитаторы. В обществе отметили, что самодержавный циркуляр дал работу крестьянской мысли. Волнение 1903–1904 годов охватили уже большее количество губерний, чем год назад. Крестьяне уже не ходили в усадьбы и к земским начальникам. Они бойкотировали помещиков, отказывались от работы, требовали изменить их заработки. Начались убийства самых одиозных помещиков, взаимное раздражение и ненависть быстро росли, опять горели усадьбы, хозяйственные постройки, мельницы, крестьяне вывели свой скот на помещичьи поля и стали сечь помещиков розгами. Самодержавие назначило Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, но чиновники не стали слушать сельскохозяйственных экспертов, а просто лихо освоили бюджетные деньги, выделенные

на создание губернских и уездных комитетов для выяснения сельских нужд. Общество само показало Зимнему дворцу то, что вызывает крестьянские волнения – малоземелье, бюрократический гнет, финансовая эксплуатация, высасывающая все мужицкие доходы. Монархии было все равно, и весной 1905 года деревню охватило массовое волнение, вместе с городскими восстаниями начавшее первую русскую революцию.

Локальные крестьянские волнения со своими конкретными нуждами и целями охватили большую территорию и превратились в грозное движение. Департамент полиции доложил Зимнему, что за несколько лет крестьяне умственно выросли, изменилась их психика, они стали глубже относиться к жизни и острее чувствовать житейскую неправду. Монархия мобилизовала несколько сотен тысяч крестьян на русско-турецкую войну и обучила их обращаться с оружием. Одновременно малоимущие хозяйства были лишены так необходимых им рабочих рук, поскольку богатые крестьяне откупились от призыва. Крестьяне быстро делились на батраков, зажиточных и середняков. Батраки стали говорить, что источником их социального гнета является частное землевладение.

Начались массовые самовольные вырубki лесов и потравы помещичьих лугов, затем самовольные сенокосы и уборки хлебов, запашки помещичьей земли, потом погромы усадеб, поджоги господских домов. Дворян грабили бедняки, середняки и богатые, которые на своих лошадях увозили больше всех остальных. Крестьяне выкуривали помещиков и захватывали их земли. Быстро распространялись сельскохозяйственные забастовки. Часто волнения начинали богатые крестьяне, увлекая за собой бедняков и середняков, больше всех остальных захватывал чужое, помещичье имущество. Зажиточное крестьянство грабило помещиков и одновременно защищало свою частную земельную собственность.

Трехлетние волнения 1905–1907 годов, наконец, были подавлены очень жестокими карательными экспедициями. Психология ненависти крестьянства к самодержавию, в наглой форме подчеркивавшему бесправное и полурабское положение десятков миллионов крестьян империи, было организовано именно к 1907 году. Через десять лет социалистическое «право на землю всех и каждого в отдельности» в империи было реализовано без учета мнения самодержавия. Раздражение крестьянства против монархии стало заменяться ненавистью именно в 1880-х годах, названных безвременными и глухими. Крестьянство быстро готовилось к участию в революции, которую должны были проводить рабочий класс и интеллигенция, в соответствии с планом Исполнительного Комитета 1880 года. Промышленный переворот 1890-х годов в России успешно создал этот рабочий класс, во всем мире названный пролетариатом.

В 1865 году подданные империи получили законодательное право на торговлю и промыслы. Аристократы, дворяне, купцы, мещане, рабочие, крестьяне получили свободу предпринимательства и право заниматься производственной и коммерческой деятельностью. В стране быстро создавалось сословие промышленников, открывались заводы, фабрики, банки, акционерные общества, торговые дома, газеты, издательства. Все больше и больше людей занимались предпринимательской деятельностью. Торгово-промышленная буржуазия к концу правления Александра III владела тысячами фабрик, заводов, мастерских, большинство которых возникло в 1880-1890-х годах. К тому времени число рабочих в империи достигло уже несколько сотен тысяч человек.

В 1882 году была создана Инспекция труда, которая ввела восьмичасовой рабочий день для подростков, запретила детский труд и работу ночью женщин и подростков. Одновременно с этим за участие рабочих в стачках и забастовках назначалась шестимесячная тюрьма. К этому времени забастовочное движение в империи стало принимать массовый характер.

В январе 1885 года тысяча ткачей фабрики Тимофея Морозова в Орехово-Зуеве, во главе с оставшимися на свободе членами созданного в 1879 году Степаном Халтуриным «Северного рабочего союза» Петром Моисеевым и Лукой Ивановым, остановили мануфактуру и выдвинули политические требования: «Полное изменение условий найма между хозяином и рабо-

чими по изданному государственному закону». Рабочие разбили контору и квартиру хозяина, в Орехово-Зуево были введены войска, арестовавшие шестьсот ткачей.

Через месяц на ткацкой фабрике началась вторая Морозовская стачка, продержанная четырьмя тысячами прядильщиков и ткачей Твери. Опять войска в бастующих городах произвели массовые аресты и в мае 1886 года в Петербурге начался суд, на который монархия решила допустить журналистов, чтобы выставить бастовавших рабочих заговорщиками и бунтовщиками.

Лучшие имперские адвокаты во главе с Федором Плевако показали Морозовскую стачку как справедливое возмущение рабочих произволом и угнетением их фабричными хозяевами и поддерживающими заводчиков властями. На суде все узнали об отсутствии нормальных условий ткачей, об изношенном оборудовании, неотапливаемых цехах, ненормированном рабочем дне, о грубых постоянных нарушениях на фабрике техники безопасности, о массовых злоупотреблениях фабричного начальства. Адвокаты называли ткачей белыми неграми, а виновниками стачки тех, «кто забыл, что и рабочие – тоже люди с правами на сколько-нибудь сносное человеческое состояние». Суд присяжных оправдал всех сто подсудимых ткачей, и это вызвало колоссальный общественный резонанс, показавший, что ткачам сочувствовали почти все работавшие подданные. Под влиянием стачек монархия в 1886 году издала первый в империи фабричный закон:

«Расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами воспрещается.

Воспрещается взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за освещение мастерских, за пользование при работах для фабрики орудиями производства.

Подстрекавшие к стачке подвергаются заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, а остальные участники – заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев. Прекратившие стачку по первому требованию полиции рабочие от наказания освобождаются. Повредившие или уничтожившие заводское и фабричное имущество, а также имущество лиц, служащих на заводе и фабрике, подвергаются заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

За самовольный отказ от работы до истечения срока найма виновный в том рабочий подвергается аресту не свыше одного месяца. За умышленное повреждение или истребление сложных и ценных орудий производства виновный в том рабочий подвергается аресту до одного дня.

Надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернских присутствий по фабричным делам, чинов фабричной инспекции и полиции.

Губернские присутствия по фабричным делам образуются под председательством губернатора или вице-губернатора, прокурора окружного суда или его заместителя, начальника губернского, жандармского управления, окружного фабричного инспектора или его помощника, председателя или члена губернской земской управы и городского головы губернского города или члена местной городской управы.

На фабричную инспекцию возлагается наблюдение и контроль за исполнением фабрикантами и рабочими договоров, утверждение такс, табелей, предупреждение споров, возбуждение преследований и обвинение на суде виновных в нарушении настоящих правил.

Чины городской и уездной полиции сообщают фабричной инспекции обо всех случаях нарушений порядка и благоустройства на фабриках и заводах и оказывают инспекции должное содействие.

Фабричное управление обязано вести именной список рабочих с указанием в нем места жительства и возраста каждого из них, а также установления, из которого ему выдан вид на жительство.

Нарушением порядка на фабрике признаются: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее; несоблюдение правил обращения с огнем; несоблюдение в помещениях чистоты и опрятности; нарушение тишины на работе шумом, криком, бранью, ссорой, дракой; непослушание; приход на работу в пьяном виде; устройство игр на деньги. Взыскания за отдельные нарушения порядка не может превышать одного рубля».

С имперским государственным строем, консервируемым самодержавием весь XIX век, все быстрее и быстрее вступали в непримиримый конфликт не только родившаяся капиталистическая экономика, сельское хозяйство и промышленность. Большие проблемы были и в имперской армии. Выдающийся военный теоретик, реформировавший русскую армию после позорной войны 1904–1905 годов с Японией, А. Редигер писал о военном управлении при Александре III, любившем говорить, что у России только два верных союзника, ее армия и флот: «До 1884 года служба моя шла крайне удачно. Я быстро попал в Генеральный штаб, рано получил кафедру в Николаевской академии, рано попал в полковники. Но тут наступил перелом. Во время царствования императора Александра III в военном ведомстве царил страшный застой и его последствия были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, способные люди не выдвигались, а утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда, двигаясь по линии, получали назначения по старшинству, добивались до высших должностей, то они же мало отличались от массы посредственностей. Этой ужасной системой объясняется ужасный состав начальствующих лиц как к концу царствования Александра III, так и впоследствии».

Выдающийся военный теоретик М. Драгомиров, начальник Николаевской академии Генерального штаба, писал во «Всепоподданнейшем отчете за 1893 год»:

«Считаю долгом снова доложить, что людей и лошадей армия получит своевременно и в нужном количестве лишь в том случае, если соответствующие распоряжения гражданских властей окажутся вполне разработанными и законченными. Между тем эти распоряжения едва ли даже оцениваются должным образом по их значению гражданскими учреждениями.

Сравнительно слабая подготовка крупных войсковых начальников требует отборного корпуса офицеров Генерального штаба и не может привлекать лучших сил. Энергичные и подготовленные люди будут искать применение для своих сил там, где их будут более ценить.

Отсутствие этих сил скажется, что особенно важно, не теперь, а тогда, когда нельзя будет поправить дело. Дай Бог, чтобы мои предположения были ошибочны, но, к сожалению, они будут верны, если теперь же не будут приняты соответствующие меры.

Нынешние большие армии во время войны могут жить лишь подвозом с баз по железной дороге. Между тем в составе войск в мирное время не состоит железнодорожных войск».

В русско-японскую и Первую мировую войну сотни тысяч крестьян в солдатских шинелях погибли из-за тупости и наплевательского отношения к их жизни высшего военного командования. Вместе с крестьянами, рабочими, быстро революционировались и имперские солдаты.

Исполнительный комитет «Народной воли» своей кровью написал план российской революции: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, самоуправление – земствам, а для реализации этих задач – создание массовой революционной партии, которая должна поднять восстание рабочих в городах, поддержанное армией и крестьянством». Количество рабочих, военных и крестьян, ненавидевших самодержавие, стабильно увеличивалось. Оставалось создать массовую революционную партию, которая поднимет грозное знамя погибшей «Народной воли». Этому активно способствовала монархия, думавшая, что разгромила отчаянный Исполнительный Комитет и тысячи пособников. Вера Фигнер писала о Шлиссельбургской тюрьме образца 1880-х годов:

«Жизнь среди мертвой тишины, которая обволакивает тебя, проникает во все пор твоего тела, в твой ум, в твою душу. Все перепутывается, все смешивается. День длинный, серый

похож на сон без сновидений. Так живешь, что сон кажется жизнью, а жизнь – сном. Чудятся люди, замурованные в каменные мешки. Звучит тихий-тихий, подавленный стон, и, кажется, что это человек задыхается под грудой камней. В душе лишь одно здоровое место, и оно твердит: мужайся, Вера, и крепись; вспомни весь народ русский, как он живет, вспомни подавляющий труд, жизнь без света радости; вспомни унижение, голод, болезнь и нищету! Будь тверда! Не плач о неудачах борьбы, о погибших товарищах. Не бойся! За этими глухими камнями невидимо присутствуют твои друзья. Ты не одна.

День походил на день, неделя – на неделю, месяц – на месяц. Из всех людей остались лишь жандармы, для нас глухие, как статуи, с лицами неподвижными, как маски. Камера скоро превратилась в мрачный ящик: асфальтовый пол выкрасили черной масляной краской; стены вверху в серый, внизу – в почти черный цвет свинца. Каждый, войдя в такую перекрашенную камер, мысленно произносил: «Это гроб!» и вся внутренность тюрьмы походила на склеп. Сорок наглухо замкнутых дверей, за которыми томились узники, ходили на ряд гробов, поставленных стоймя. Ни одна весть не должна была ни приходить к нам, не исходить от нас. Ни о ком и ни о чем не должны были мы знать, и никто не должен был знать, где мы, что мы. «Вы узнаете о своей дочери, когда она будет в гробу» – сказал шеф жандармов Оржевский моей матери. В Шлиссельбург привозили не для того, чтобы жить. У нас не было никого и ничего, кроме друг друга. Не только люди, но и природа, краски, звуки – все исчезло. Вместо этого был сумрачный склеп с рядом таинственных замурованных ячеек, в которых томились невидимые узники, зловещая тишина и атмосфера насилия, безумия и смерти.

В карцере оставалось ночью лежать на некрашеном асфальтовом полу в пыли. Я была в холщовой рубашке, в такой же юбке и арестантском халате в нетопленной, никогда не мытой и не чищенной небольшой камере и дрожала от холода. Невозможно было положить голову на холодный пол, не говоря уже о его грязи. Чтобы спасти голову, надо было пожертвовать ногами: я сняла грубые башмаки, и они служили изголовьем. Пищей был черный хлеб, старый, черствый. Когда я разламывала его, все поры оказывались покрытыми голубой плесенью. Есть можно было только корочку.

Мрачная драма, достойная суровой эпохи средневековья, совершилась в пятидесяти верстах от столицы культурного государства. Там, в Шлиссельбурге, отрезанный от всего мира, узник не мог поднять голоса в свою защиту и быть услышанным. Грачевский протестовал, чтобы предстать перед судом, чтобы описать положение тюрьмы, а если его не казнят, посадят на цепь и будут мучить, то он сожжет себя керосином. Отчаявшись во всем, и потеряв, наконец, всякую надежду предстать на суде, но, желая во что бы то ни стало, предать гласности все муки и надругательства, павшие на долю ему и его товарищам, он 26 октября 1887 года выполнил свой замысел.

Обширная камера коридора – настоящий зал для заседаний инквизиции. Ряд темных дверей, запертых семью замками. Они стоят мертвые и неподвижные, замкнутые так, будто им не суждено раскрыться никогда. Угрюмая темнота и сырость. Сумрачные темные фигуры жандармов странно колыхнутся в пустоте, как тени или зловещие призраки палачей или наемных убийц.

Внезапно происходит смятение. Все задвигалось, заволновалось. Отчаянно дергают ручку проволоки от звонка, давая сигнал тревоги. Камера номер 9 Михаила Грачевского заперта. А там за дверью, во весь рост стоит высокая худая фигура с матовым лицом живого мертвеца, стоит и темнеет среди языков огня и клубов копоти и дыма. Огонь лижет человека своими красными языками, огонь сверху донизу, со всех сторон. Горит факел, и этот факел – живое существо, человек!

Наконец, дверь отперта. Камера в дыму, в огне, запах керосина и гари. В середине по-прежнему человек. Сгорели волосы, догорает одежда и падает. В клубах дыма померкла

мысль, в пламени огня погасло сознание. Несколько стонов глухих, подавленных, – и человек умер.

Мы потеряли право носить свои фамилии и стали просто номерами, казенным имуществом. Его надо было хранить, и это соблюдалось: одних хоронили, других хранили. В коридоре стоял большой шкаф, в котором лежали револьверы, заряженные на случай похищения этого казенного имущества, попытки извне освободить узников.

С мужчинами-заключенными мстительный жандармский смотритель Соколов – Ирод обращался отвратительно, подвергая зверским избиениям за прекословие и неповиновение. Его бессердечие сказывалось, когда, замурованные в свои кельи, беспомощно умирали мои товарищи. Короткое официальное посещение врача поутру и общий обход смотрителя в обычные часы вечером – вот в чем состояло все внимание к умирающему. После агонии следовал воровской унос покойника из тюрьмы, тайком, чтобы мы не заметили. В камеру, из которой вынесли умершего, жандармы продолжали заходить, делая вид, что вносят пищу, и с шумом хлопали дверь, чтобы показать, что никто из нас не выбыл.

Если мы делали попытку стучать, жандармы, чтобы не допустить этого, хватали полена и принимались неистово бомбардировать наши двери, поднимая невероятный шум.

В декабре 1890 года в Шлиссельбург привезли Софью Гинзбург, пытавшуюся собрать рассеянные остатки «Народной воли», и по распоряжению Департамента полиции, чтобы изолировать от нас, поместили в одну из камер старой тюрьмы. Гинзбург только 38 дней смогла вынести суровые условия такого заточения и зарезалась ножницами, которые ей дали для шитья белья.

То, что по отношению к нам, народовольцам, реакционные заправила, Департамент полиции, МВД руководствовались мстостью, сомненья быть не могло. Даже Николай I не умерщвлял своих узников голоданием, не сводил их в могилу путем медленного физического истощения. Они были мстительны, эти Дурново и Плеве.

Народоволец, пехотный офицер Лаговский попал в Шлиссельбург без суда в 1885 году административным порядком по распоряжению министра внутренних дел на пять лет, за найденный у него рецепт нового взрывчатого вещества. Окно его камеры на нижнем этаже находилось как раз против тюремных огородов. Лаговский прыгал на подоконник на высоту своего роста и, уцепившись за раму, открывал форточку в окне. Видеть друг друга могли только те, которые гуляли, и Лаговский хотел видеть товарищей, гулявших около его окна. За это его уводили в карцер, надевали смирительную рубашку и однажды связанного с такой силой бросили на пол, что он в кровь разбил себе лицо. Наступил день, когда его пятилетний срок кончился. В его камеру вошел комендант с бумагой, в которой министр внутренних дел оставлял Лаговского за «дурное поведение» еще на пять лет в Шлиссельбурге».

Александра III не готовили в наследники имперского трона. Его учителя отмечали у него некоторую ограниченность интересов, упрямство, усидчивость и старание. Он так и не научился грамотно писать и всю жизнь писал с грубыми ошибками, например, «инергия», или «грыбы». В 1865 году после смерти старшего брата Николая двадцатилетний Александр стал цесаревичем и его любимым учителем и наставником навсегда остался Константин Победоносцев. Ни первое, ни второе российское общество совсем не обрадовало. Будущего Александра III многие воспринимали как заслуженного солдафона, прямолинейного человека средних умственных способностей и скудного образования. Его учитель политики говорил товарищам: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав. Я не могу примериться с мыслью, что он будет править Россией!» Среди шести сыновей Александра II его называли «бульдозка» и считали, что государственная деятельность ему совершенно не по плечу. Члены династии признавали полную неподготовленность Александра III к престолу, а современники писали, что после встречи с ним приходили «в полное отчаяние, не слыша от него ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса». Автор даже его официальной, но так и не закон-

ченной биографии Сергей Татищев писал: «В нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения. Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало серьезных усилий с его стороны». Один из учителей граф Б. Перовский докладывал Александру II, что его второй семнадцатилетний сын не хочет или не может понять, что учение не состоит только в просиживании определенного числа часов: «во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям, и он смотрит на это с самой ребяческой точки зрения».

В апреле 1865 года император дал своему сыну Александру чин генерал-майора и назначил атаманом казачьих войск. Его подготовку сравнивали со слабой гимназической и наставники пытались научить его государственной деятельности. Александра Александровича называли прямым, честным, искренним, добрым, нечестолюбивым человеком, но для имперского трона этого было мало, особенно упрямому наследнику со статичным мышлением. В октябре 1866 года будущий Александр III женился на невесте покойного брата, датской принцессе Дагмаре, ставшей Марией Федоровной.

Современники говорили о том, что Александр III не обладал большим и острым умом, но ограниченным человеком не называли, считая его образование ординарным. Победоносцев читал ему лекции о том, что русский царь – это заступник всего народа, его отец и покровитель, говорил, что именно царь лучше всего знает, что нужно империи и ее подданным, что хочет народ и как этого добиться. Победоносцев в письмах императору не раз говорил, что для осуществления царской политики не нужно останавливаться перед насилием, жестокостью произволом. Земледелец и марксист Г. Плеханов писал, что при Александре III лозунгом стали слова «Россия для русских», что на деле означало передачу всех внутренних и внешних дел в руки русских фабрикантов. При его воцарении на имперский престол в марте 1881 года Иван Тургенев писал под псевдонимом во французских газетах, что на великого государя Россия рассчитывать не может: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Его весьма близкие отношения с ультранациональной партией говорят на известное недоверие к конституционастам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России».

Александр III стал великим московским князем в Петербурге и выбрал вместо европейского шоссе российскую дорогу с рытвинами и ухабами, по которой поехал как самодержавный царь-бабушка. Победоносцев тут же заткнул рот всем критикам режима абсолютизма обвинением в узурпации абсолютных прав монарха, что означало политическую неблагонадежность и конец государственной службы.

Новый император провозгласил, что устои монархии незыблемы и необходимо усилить контроль над всей социальной жизнью. Вместе с Победоносцевым царь яростно верил в самодержавие без ограничений, власть воспринимал как собственность и был чудовищно высокомерен на официальных мероприятиях. Свою резиденцию Александр III устроил в Гатчине и общество во главе с высшей аристократией сразу назвало его «гатчинским пленником». Он совсем мало читал, не любил газеты и предпочитал устные доклады, часто был недоволен работой министров. Его система правления быстро вошла в конфликт с имперской интеллигенцией, и весь интеллект страны стал к нему в оппозицию. Им возмущались студенты, и не из-за отсутствия Учредительного собрания, а за запреты жизненно необходимым совсем не богатым людям столовые, библиотеки, научные беседы. Лицом царствования Александра III стал трехликий Янус в лице Победоносцева, Каткова и Мещерского.

Занимавший одну из ключевых должностей в империи Константин Победоносцев возглавлявший четверть века идеологию и политику в государстве, пытался формировать общественную мысль. Он не выносил инакомыслия и любил поступать несправедливо, особенно с людьми иного, чем он, вероисповедания. Победоносцеву очень не нравились неправославные конфессии и религии. Он говорил и Александр III с ним соглашался: зачем какие-то реформы,

когда все хорошо, войны нет, на границах спокойно, экономика развивается. Обер-прокурор совершенно спокойно заявлял: «Россию нужно подморозить, чтобы она не гнила». У него не было какой-то прогрессивной и даже позитивной программы, государственного проекта, только неограниченное самодержавие и национальная промышленность. Иностранцы в докладах начальству называли его анахоретом, из-за которого в России «много разумного не находит себе дороги».

Михаила Каткова тоже называли «серым кардиналом империи Александра III, оказывавшем на него сильное влияние. Журналист и издатель Катков руководил журналом «Русский вестник» и газетой «Московские ведомости», которые называли «трубами реакции». В. Белинский называл его «Хлестаковым в немецком вкусе с зелеными стеклянными глазами». Талантливый, умный, эрудированный, начитанный, властный, самолюбивый и честолюбивый Катков в обществе называли «цепной собакой правительства». Он особенно любил заниматься проблемами образования, инициировал принятие драконовского университетского устава и боролся с «конституционными мечтаниями» либералов.

Князь – рюрикович Владимир Мещерский на деньги Александра III много лет редактировал крайне правую газету «Гражданин», дружил с царем и от всех до единого современника получил имя наглеца, негодяя и подхалима. У него пропали миллионы бюджетных денег, выданные на создание ремесленного училища в честь умершего первого сына Александр II, но на Александра III это впечатления не произвело. В своей «газете патриотического направления» Мещерский писал: «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. Если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ». Мещерский как самовольный рупор консервативной идеологии царя пытался быть его глазами и ушами, передавал Александр III подробности событий и интриг в империи, излагал свое мнение об устройстве и политике России, об императорских министрах. В «Гражданине» Мещерский писал, что его цель: «объединить и скрепить нас, бедных, бродячее стадо приверженцев серьезного монархического русского начала, и сделать из нас силу против нигилизма». Мещерский пытался создавать в обществе идеологическую атмосферу борьбы с либералами и реформистами, но добился обратного результата. Даже спокойный Николай Лесков заявлял, что «при заступничестве Мещерского за власть хочется чувствовать себя бунтарем».

Перестановки в правительстве Александра III вызывали недоумения общества, особенно раздраженного его родственниками-министрами и сановниками, редко обладавшими необходимыми для должностей качествами. Талантливый царский реформатор Сергей Витте писал о том, как становятся имперскими министрами: «Чтобы занять в России министерский пост, совершенно необходимо: смолodu быть известным государю; принадлежать к одной из сильных придворных партий, угождая ее во всем; по месту воспитания, роду службы или другим отношениям принадлежать к тому обществу, из которого берутся люди на высокие должности; иметь такое состояние, чтобы жить наравне со всеми министрами; исполнять со всей покорностью все, чего пожелает государь и, даже предугадывая его желания, приводить их в исполнение».

Интеллигенция перестала верить в наличие в самодержавной монархии здравого смысла и при Николае II тысячами пошла в революционные партии. Почти двадцать лет прослуживший послом Германии в России генерал Ганс фон Швейниц, обладавший колоссальными связями среди высших имперских чиновников, придворных, журналистов, писал: «Иногда устаешь писать о России, а еще более читать различные статьи о ней, где нет и следа поиска той объединительной героической силы, могущей противопоставить себя процессу разложения, происходящему в крупнейшем государственном организме мира. Над восьмидесятимиллионным народом глумится несколько сот тысяч бюрократов. Чернь терпеливо сносит такое положение, да и общество не торопится выразить свое презрение».

С древнейших времен автономность имперских университетов от высшей власти сохраняла в них свободу мысли и высокий уровень образования. Новый император и Победоносцев объявили университеты рассадниками опасных революционных идей, отменили их автономию и подчинили чиновникам-попечителям, командовавших от царского имени. Теперь Победоносцев контролировал не только учебный процесс, но и благонадежное содержание лекций. Вольнодумных студентов предполагалось ссылать в солдаты.

Высшие женские курсы в Петербурге и Москве, Киеве и Казани были объявлены «настоящей клоакой анархической заразы» и «скоплением девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы», и закрыты. Столпы самодержавия объявили опасным для общества самостоятельность образованной и работающей женщины. Были закрыты и Женские врачебные курсы, поскольку «эмансипация женщин способствовала развращению молодежи». Только в 1890 году возобновился прием на значительно измененные Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге.

В гимназиях, училищах и школах основное внимание стало уделяться порядку, дисциплине, благопристойности, воспитанию послушания. Недовольные исключались из учебных заведений без возможности дальнейшей учебы. Из библиотек были изъяты «неправильные книги». «Циркуляр о кухаркиных детях» сильно ограничил доступ к учебе детям простого народа. Плата за обучение резко возросла и многим низшим сословиям стала не по карману. Министерство народного просвещения занялось открытием начальных церковноприходских школ, учивших детей только элементарному минимуму.

Разгром образования в империи вызвал возмущение во всех сословиях, но Зимнему было все равно.

Александру III очень не нравилась несменяемость судей, и он изменил судебные уставы 1864 года. Суд присяжных царь отменить не смог из-за поднявшейся бури протестов в обществе, но права судов были очень ограничены. Мировые суды были вообще упразднены.

Введением института земских начальников царь лишил земства независимости и сделал их органами государственной власти. Общественного самоуправления в империи больше не было. Были сильно урезаны права городских дум. Столпы самодержавия считали, что правительство имело очень слабое влияние на местное управление и устранило этот недостаток. В империи больше не действовал принцип всесословности. Стремительно сокращавшееся дворянское сословие получило неограниченные полномочия.

Функции, отобранные у земств, не были переданы в другие ведомства. Земские больницы не финансировались, лекарств и перевязочных материалов не хватало, врачи уезжали, и разразившаяся весной 1893 года холера быстро убивала подданных в Петербурге, Орле, Поволжье. Распространению эпидемии в империи способствовал голод 1891 года, антисанитарные условия жизни, отсутствие гигиены и недоверие населения к медицине, особенно к прививкам. Для борьбы с холерой не хватало ни средств, ни квалифицированных специалистов. Кто-то начал распространять в забитом народе слухи, что в эпидемии виновны евреи, которые хотят убить всех русских, и в еврейских местечках начались кровавые погромы. Современники писали, что из холерных губерний сбежали чиновники во главе с губернаторами, лекарства отсутствовали, трупы лежали на улицах, а больных спасали добровольцы и студенты-медики. В эпидемии винили, конечно, отвечавшее за все самодержавие.

Правительство всеми силами удерживало крестьян в общине. Хорошо работавшие крестьяне платили налоги и кредиты за всю общину, в которой и прибыль делилась поровну. Неурожай 1881–1882 годов обрек крестьянство на полуголодное существование, увеличив цену хлеба вдвое.

Хлеб был одним из главных экспортных товаров и в обществе говорили, что он продается за границу под лозунгом «Недоедим, но вывезем». Засуха 1891 года почти убила урожай, но хлеб продолжали экспортировать, хотя для 125 миллионов подданных его явно не хватало.

Спекулянты, совместно с чиновниками, само собой, взвинтили цены, и в империи разразился голод. Только в середине октября вышел указ об ограничении экспорта зерна, но было уже поздно. Почти в двадцати губерниях крестьяне умирали с голода и правительство, наконец, собрались на совещание, выбрав почему-то для этого 31 декабря 1891 года. Министр внутренних дел доложил, что запасы имперского хлеба скупили спекулянты, которые взвинтили цены.

Монархические министры во главе с самодержцем предложили МВД попросить спекулянтов снизить цены на хлеб, чтобы люди не умирали с голоду. Министерство попросило, спекулянты, конечно, отказали. Монархия выделила средства на закупку хлеба по сумасшедшей цене, и спекулянты тут же опять подняли цены на зерно. По всей империи общество собирало пожертвования для голодающих, открывало бесплатные столовые, проводило благотворительные акции, но к умиравшим в 1891, 1892, 1893 годах с голода крестьянам Симбирской, Самарской, Саратовской, Казанской, Тамбовской, Тобольской, Уфимской губернии добавились погибавшие от начавшейся эпидемии холеры. Через год в империи началось создание массовых революционных партий, винивших в трагедии подданных царя-тирана, и объявивших о тотальной борьбе с очумелым самодержавием.

Идеологи самодержавия, среди которых выделялся бывший член Исполнительного Комитета и «золотое перо» «Народной воли» Лев Тихомиров, в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» писали, что единственно возможная власть в империи – самодержавная, потому что все русские люди привыкли подчиняться богоданному царю. Александр III – это национальный идеал, а низкий уровень жизни и свободомыслие в стране вызваны реформами его взорванного отца. Если дать всем подданным равные экономические и политические свободы, то русский народ задавят инородцы и иноверцы. Чтобы этого краха не произошло, подданным следует сплотиться вокруг имперского самодержца. Целостность России зависит от борьбы с иноверцами, внешними врагами империи, а главным лозунгом самодержавия и его политическим принципом стали слова «Россия для русских». Во многих слоях общества этот лозунг понравился, началось обсуждение отмены крепостного права, как хаоса, ведущего к гибели империи, в которой активизировалась политика русификации, названная рождавшаяся революционными партиями великодержавным шовинизмом.

Национальные имперские меньшинства, поляки, евреи, все, кто сопротивлялся лишению национальной самобытности, подверглись гонениям. В обществе стали говорить о том, что монархия объявила идеалом русской самобытности поклонение лаптям, квасу и самовару. Все прогрессивное и интересное у других народов презирилось, особенно у немцев, поляков, евреев, финнов и мусульман. По всем окраинам империи русский язык внедрялся в делопроизводство, газеты, школы, университеты, институты, русским давали большие права, чем местным жителям. В империи шла явная дискриминация по национальному признаку, и Польша и Прибалтика заволновались. Либеральные газеты печатали материалы против притеснения других народов, а революционеры называли империю «тюрьмой народов». Польский язык в Варшавском университете стал преподаваться на русском языке. Инициатору этого идиотизма царь дал за отлично-усердную службу орден Александра Невского, но добиться полного обрушения поляков, конечно, не смог. В знак протеста русская интеллигенция Привисленского края открыто заговорила по-польски.

Александр III лишил Финляндию конституции и очень хотел ликвидировать ее автономию. Финляндское княжество потеряло Сенат, казну, почту, и страна забурлила. Александр III объявил, что «финляндский край состоит в собственности и державном обладании Российской империи». В Прибалтику, Финляндию, Польшу ввели дополнительные контингенты войск, но их требовалось все больше и больше, потому, что царская администрация на окраинах стала известна во всей стране жестокостью, насилием, произволом и обманами. На протестантских пасторов, католических священников заводили сотни уголовных дел по статьям, наказывав-

шим ссылкой в Сибирь, конфискацией имущества, лишением прав наследства, запретом на профессию.

Александра III называли в обществе юдофобом. При нем в империи участились еврейские погромы, потому, что якобы «жидовский заговор» сбил с истинного пути Александра II, и якобы евреи виновны за неблагополучие русского народа. За участие в погромах наказывали мягко и символически. Александр III считал, что евреи прокляты за распятие Спасителя и поэтому заслуживают наказания, как Вечный Жид, обреченный на вековые скитания за то, что он не дал кров Иисусу Христу. Во «Временных правилах о евреях» царь установил для них черту оседлости, запретив жить за пределами выделенных им местечек. Через два года была объявлена еврейская квота на учебу в высших учебных заведениях империи в Москве и Петербурге 3 процента, в других городах – 5 процентов.

В Европе шли митинги в защиту прав евреев в России, либералы посылали царю ходатайства. На обращения царь внимания не обращал, а на ходатайства писал, что «если судьба евреев печальна, то она предназначена Евангелием». С протестом против имперского антисемитизма выступили Л. Толстой, В. Короленко и многие другие писатели и общественные деятели, но его даже запретили публиковать. В стране были созданы националистические организации «Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа» и гонения на евреев увеличились. Десятки тысяч евреев были выселены из Москвы, из крупных городов, с побережья Балтийского и Черного морей. Александр III успешно подкладывал бомбу под свое самодержавие. Он твердо верил, что его деятельность пойдет на благо империи.

Царь-Миротворец приказал готовить десант для захвата Стамбула, чтобы занять черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Когда Александр III приехал с проверкой десанта в Севастополь, генералы смогли доказать самодержцу, что армейское вооружение устарело, боеспособность армии очень низка, грамотных офицеров совсем мало, и вместо победного марша по Стамбулу будет имперский позор. При нем из заряжаемого десятидюймового орудия прямо под царские ноги вывалился снаряд и чудом не взорвался. Александр III отказался от десанта и приказал готовить русско-турецкий договор. Необходимо было приводить в порядок армию, и это было дело не одного года. Турция договор так и не подписала, наверно ждала, когда это произойдет.

В имперской экономике были большие проблемы. В состоянии кризиса и постоянного отставания находились промышленность, сельское хозяйство, финансы, железные и шоссейные дороги, внешняя торговля, уровень жизни подданных. Вся экономика держалась на вывозе хлеба и полезных ископаемых, рубль в Европе считался чуть ли не самой дешевой валютой. Денег у населения было мало, и с 1881 года началось закрытие фабрик и заводов, сокращение рабочих мест. Газеты писали о малоземелье, безденежье, отсутствие кредитов, уменьшение спроса, возрастающей дороговизне, банкротстве банков. Кризис начал преодоляться только с 1886 года.

Были увеличены налоги на наследство и богатых, на акции и банки. В 1887 году отменили давно устаревшую подушную подать. Значительно повысились таможенные пошлины на импортные товары. В ответ Германия и Франция подняли таможенные сборы на импортируемый ими русский хлеб, экспорт которого из империи резко уменьшился. Россия довела таможенные пошлины на импорт до одной пятой их стоимости и имперская промышленность стала активно развиваться, чтобы удовлетворить все возрастающий спрос на внутреннем рынке.

Банки стали давать ссуды и кредиты под небольшие проценты, финансировать железнодорожное строительство. Из крестьянской среды начали выходить талантливые предприниматели, создававшие акционерные общества и строившие новые фабрики, заводы, мастерские. Министерство финансов попыталось ликвидировать огромный дефицит государственного бюджета с помощью правительственных монополий. Были значительно увеличены винный, табачный, сахарный, нефтяной налоги, контролировались железнодорожные тарифы. Импе-

рию тут же завалили фальсифицированные товары. Рубль пошел вверх и бюджетный дефицит значительно уменьшился.

В империи, благодаря быстро растущей стараниями раскрепощенных подданных экономике, появились состоятельные слои купцов, промышленников, финансистов из представителей всех сословий. Появилось много инженеров, технических специалистов, высококвалифицированных рабочих. Бизнесмены и финансисты получили или заработали деньги, но не имели политических прав и реальной власти. В империи появившаяся буржуазия перенимала не только западный экономический опыт, но и быт, стиль, социальные знания, даже привычки. В России, в которой появились телефон и электричество, все активнее заявляли о себе купцы и разбогатевшие крестьяне, создававшие торгово-промышленные династии, среди которых прославились торговые дома Елисеевых, Абрикосовых, Шустовых, Морозовых, Мамонтовых. Третье сословие не только платило огромные налоги, но и вкладывали деньги в науку, помогавшую им зарабатывать деньги. Капитализм все резче и сильнее вступал в конфликт с все еще почти феодальным самодержавием. Как сквозь стену проламывались промышленники и купцы к прогрессу через косность монархии, не хотевшей ничего менять.

Труд «Рефлексы головного мозга» Ивана Сеченова совершил переворот в психологии и психофизиологии. У него уже было мировое имя, но монархия ему хода не давала, потому что тридцать лет назад он несколько раз встречался с государственным преступником Н. Чернышевским. Только в 1892 году признанный всем миром ученый получил звание профессора, конечно, не в столичном Петербурге, а только в Москве. Когда через два года он с другими ведущими профессорами попросил московского генерал-губернатора отпустить арестованных ни за что студентов, великий князь Сергей Александрович пригрозил его уволить за «сеяние революционных научных идей среди молодежи».

Гениального Д. Менделеева, открывшего периодическую систему химических элементов, поднявшегося над облаками на сделанном им самим воздушном шаре, конструктора арктического ледокола, военного инженера, члена Лондонского королевского общества, Французской академии наук, Немецкой академии наук, почетного профессора многих европейских университетов академиком в России не выбрали. За то, что в 1890 году он поддержал требования студентов о свободе мыслей, Менделееву пришлось уйти из Петербургского университета. Пятнадцать лет до самой смерти великий ученый прослужил хранителем в конторе мер и весов, из которой смог создать Главную палату мер и весов.

Подобные проблемы были у выдающегося физиолога К. Тимирязева, его великолепного ученика И. Мичурина, на свои деньги создавшего свой изумительный сад новых сортов плодовых и ягодных деревьев и кустарников. Он сумел создать науку о генетике растений, но только после 1917 года.

Великий физиолог Иван Павлов даже не получил кафедру в Петербургском университете и вынужден был уехать в Париж, где и получил Нобелевскую премию.

Выдающегося микробиолога и иммунолога И. Мечникова уволили из Одесского университета за то, что он был знаком с народовольцем, и он был вынужден уехать за границу, где до конца жизни работал руководителем Пастеровского университета, став Нобелевским лауреатом.

Замечательный математик Софья Ковалевская не могла по закону получить высшее образование в России и тайком училась у Сеченова. Она уехала в Европу и получила высшее образование в Гейдельберге и Берлине. Ее работы вошли в учебники математики и астрономии всего мира, она стала в первой в мире женщиной – доктором философии, но не в России, а в Германии. Она вернулась в империю, но ни в один университет или институт ее не взяли. Она уехала за границу, там и умерла профессором Стокгольмского университета, получив премии Французской и Шведской академии наук. Из-за консервированного самодержавия, с удоволь-

ствием душившего свободу мысли, многие гениальные и талантливые русские ученые и исследователи покидали империю и прославляли науку за границей.

Павел Яблочков не смог получить денег на свои опыты с электричеством, уехал в Париж и на заводе Бреге изобрел свечу накаливания, первую даже в виде собственных инициалов. Его лампы освещали Париж, города Франции, Англии, Германии, Испании. Яблочков хотел внедрить свое изобретение в России, но ему даже не ответили. В Париже в собственной мастерской он создал динамоэлектрическую машину, автоаккумулятор. Изобретший лампу накаливания А. Лодыгин так и не смог ее внедрить в империю, которая через шесть лет предпочла покупать такие же лампы Т. Эдисона.

Александр Попов создал первый в мире радиоприемник и 7 мая, ставшего потом Днем Радио, провел его успешное испытание. Из-за тупости Военного министерства он вынужденно уступил первенство итальянцу Г. Маркони.

Основоположнику космонавтики Константину Циолковскому не дали денег для изготовления все ведомства, включая Генеральный штаб. Из-за нехватки денег он переехал из Москвы в Калугу, где разработал пути развития космонавтики. Монархия заявила, что его труды несвоевременны.

За пятнадцать лет до американцев крестьянин Федор Блинов изобрел гусеничный трактор, показал его на всероссийской промышленной ярмарке в Нижнем Новгороде, получил за него грамоту, и на этом, само собой, все закончилось.

Великий писатель Н. Салтыков-Щедрин описал Александра III эзоповым языком в сказках «Медведь на воеводстве», «Топтыгин II» и «Топтыгин», как тупого и грубого медведя. Сказки запретили, журнал «Отечественные записки» закрыли, но Салтыкова-Щедрина все равно читала вся империя. Отношение самодержавия к подданным великолепно показал Николай Лесков в рассказе «Левша». Льва Толстого консерваторы называли лукавым бесом, смущающим людей. Он спасал народ от голода, в 1891 году открыл двести столовых в деревнях, и открыто заявлял, что народ голодает из-за чрезмерной сытости господ. Толстой писал, что имперская жизнь в принципе несовместима с духовными достижениями человечества.

Благодаря купцу, меценату и коллекционеру Павлу Третьякову Россия сохранила изумительную коллекцию живописных полотен великих русских художников, по ценности не уступавшей великому Эрмитажу. Илья Репин в картине «Иван Грозный и сын его Иван» так отразил борьбу революционеров с самодержавием, что вызвал шок у имперского общества. Александр III запретил показывать картину в российских городах, потому что она могла негативно повлиять на подданных. Самодержавие успешно законсервировало себя, но не империю, по которой широко распространялись социалистические идеи, несмотря и благодаря действиям монархии, которой только казалось, что страна успокоилась. Общество не хотело прощать Александру III произвола и всеобщего отупения и пропасть между Зимним дворцом и интеллигенцией увеличивалась с каждым годом. Ни разу Александр III не ответил на обращения к нему великих писателей, ученых, подчеркивая сумеречность своей эпохи. Надежд на счастливую народную жизнь в империи мирным путем у подданных больше не было. Жесткой системе запретов на все и навсегда во главе с сумбурной волей монарха было безразлично, что твориться в душах подданных. Александр III заполнил счет, который революция предъявило его сыну. Даже сдержанный Антон Чехов в тихой ярости писал: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски. Мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст». Известный в Европе английский журналист Эмиль Дилон, долго живший в России, прекрасно знавший русский язык, писал в своей работе об Александре III:

«Между искренними, но недалекими людьми в правящих сферах, с бесчестной, жадной кликой бесчестных хищников, стоит человек, которого нельзя отнести ни к одной категории. Это царь Александр III, обреченный судьбой играть на исторической сцене роль, к которой он совершенно непригоден. Странная, роковая ирония судьбы – посылать народам таких людей

именно в такие моменты их жизни, когда сложность положения требует высшего напряжения ума и воли, к каким только может быть способен человек. Александр III при всей ненависти, которую мы чувствуем к нему, как к царю, внушает нам жалость, как человек.

В молодости он, по отзывам смертников, был, что называется, «добрый малый». С годами, однако, в нем начала проявляться все сильнее и сильнее резкая грубость, переходящая по временам в беспричинную ярость, когда царь напоминает взбешенного быка. Тогда он способен издать самый жестокий приказ. Те, кто утверждает, что он решительно ничего не знает о жестоких мерах и экзекуциях, производимых от его имени, глубоко заблуждается. Он, например, всей душой признает спасительный страх физической боли и отстаивает розги везде, где можно. Инициатива многих жестоких дел исходит от царя, который желает долгом подавлять порывы добродушия и сокрушает ребра всем, кого считает враждебным началом единодержавия. Свое царствование он всенародно признал «благополучным», несмотря на упадок народного хозяйства, на ряд неурожаев и холеру, и в наивности своей души обещал и впредь такое же благополучие. При виде такой ничем не прикрытой ограниченности, является невольно вопрос, можно ли предъявлять какие-либо требования этому огромному, глупому ребенку?

Окруженный толпой беззастенчивых льстецов и тесным кругом семьи, царь не имеет друзей. Он подозрителен и недоверчив и не без основания, конечно, склонен в угодливой преданности своих избранных людей видеть скорее расчет, чем искренность. Горечь разочарования, усилив природную мнительность, прибавила к его от природы не особенно великодушному характеру черты мстительности и злопамятности. Атмосфера людской симпатии отсутствует во дворце, даже в самом близком кружке царя. Вокруг него хуже, чем пустота, это скорее сгустившаяся до невероятной степени атмосфера взаимной подозрительности, недоверия и страха, в которой царь боится всех, и все боятся его.

Царь по натуре не их храбрых, что обнаружилось еще во время русско-турецкой войны. Последующие события, в особенности смерть его отца, еще усилили в нем природную трусость. Всем известно, как первое время по вступлении на престол он не выходил из задних комнат Гатчины, опасаясь даже караульных офицеров. Впоследствии впечатление страха несколько сгладилось, хотя и теперь он никуда не выезжает без тысячи предосторожностей. В Петербурге по улицам, где он проезжает, рассеяны шпионы, изображающие «народ». Если он едет вечером, по этим улицам закрывают проезд. По железной дороге он едет с еще большими предосторожностями. Для охраны линии производят настоящую мобилизацию войск, стгоняя целые корпуса. Пускают три поезда, совершенно одинаково составленные, идущие каждый через четверть часа, так что неизвестно, в котором из них едет «сам». Он отменил знаменитый майский парад, опасаясь такой массы войск. Он боится встречи с каждым, лично ему не знакомым человеком, и в Гатчине приняты все меры, чтобы царю не попался на глаза во время прогулки незнакомец. Он избегает всяких празднеств, официальных собраний, не только из склонности к домашней жизни, но из страха, потому что в массе людей чувствует себя небезопасно.

Вследствие ошибки, или внушения, царь составляет себе убеждение, не имеющее достаточного основания, которого уже ничем нельзя поколебать, ни логикой, ни красноречием. Не стесняясь в выражениях, он искренне убежден, что говорить горькую, но несомненную правду, хотя обычно это наговор приближенных. Не будучи в состоянии уколоть обидчика булавкой, он, не задумываясь, пускает в ход дубину.

В течение двенадцати лет царь при выборе министров и ближайших советников ни разу не остановился на личности, репутация которой, как человека и государственного деятеля, была бы замарана. Вследствие этого никогда еще не было такой продажности в среде русской администрации, как теперь. Царь словно задался целью сгруппировать около себя все, что есть худшего в России. Это объясняется его неумением понимать людей. Для него не существует просто людей, а «жиды» и «не жиды», «либералы», «нигилисты», «добрые патриоты», «православные», «иноверцы».

Жестокие гонения против евреев, католиков и других иноверцев возбуждают упреки даже в среде наиболее близких царю лиц, но всякое противодействие вызывает в царе жестокий гнев и неудовольствие. Его убедили, что ряды русских революционеров пополняются преимущественно евреями, что сама идея революции внушена русскому обществу евреями. Рабская толпа сановников во главе с Победоносцевым эксплуатирует эту ненависть в своих целях и еще более раздувает ее.

Царь считает себя непогрешимым. Этот тупой и ограниченный ум, раз уверовав в божественное начало, руководящее им во всех его действиях, огражден непроницаемым щитом от всякого посягательства логики. В тысячи случаев проявляется в царе эта мания самодержавия.

Ничем нельзя так напугать царя, как бомбой, при одном упоминании о которой он впадает в изнеможение, и военным заговором, которого он боится больше, чем бомбы, и сторонится гвардии.

Хотя и смутно, но он сознает, что его божественные веления, непререкаемые для России, встречают критику и неповиновение за ее пределами. Трудность постичь мотивы действия царя, и делает его страшным и неизвестным для его врагов на международной политической арене, но и друзья относятся к нему недоверчиво и с опасением. Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политическая карикатура иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства».

Александр III копил и копил недовольство подданных. В 1890 году Мария Цебрикова, учительница, журналистка, беллетристка, не имевшая никакого отношения к революционерам, с трудом выехав за границу, в европейских газетах напечатала работу об имперской ссылке, тягостной доле известных ей достойных людей, сосланных, заточенных, изгнанных, а также открытое письмо Александру III. Цебрикова вернулась в Россию, и в Петербурге отправила свое письмо царю и в газеты, не став прятаться даже за псевдонимом:

«Ваше Величество! Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обираемого и засекаемого народа, – и молчать. Свобода – существенная потребность общества, и рано или поздно, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится и власти придется уступить».

Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и миллионами, не числящими на государственной службе. Вас пугают призраком революции. Да, революция, уничтожающая монархию, есть признак в настоящем. В одних только законах, расширяющих права граждан, уничтожающих сословные перегородки, открывающих народу широкий путь к образованию и улучшению его быта, и заключается ручательство в здоровом росте России.

Не реформы прошлого царствования создали наших террористов, а недостаточность реформ. Самодержавие, как огонь, дробящийся на языки все более и более мелкие по чиновничьей лестнице, спускающейся от царя до народа, дает помазание на самоуправство, на фактическую безнаказанность. Каждый губернатор – самодержец в губернии, исправник – в уезде, становой – в стане, урядник – в волости. Прямая выгода каждого начальника – отрицать и прикрывать злоупотребление подчиненного. Губернатора содержит кто-нибудь из крупного дворянства, имеющего связи в министерстве и при дворе, или местный денежный туз, дающий наживу аферам, которыми не брезгуют и высокопоставленные особы. Исправнику свяжут руки землевладельцы, дружащие с губернатором, а уряднику – те из местной земщины, которые нужны уряднику или становому. У народа нет связей, отводящих всех этих юпитеров. Еще Александр I сказал, что честные люди в правительстве случайность и что у него такие мини-

стры, которых он не хотел бы иметь лакеями. Жизнь миллионов всегда будет в руках случайности там, где воля одного решает выбор.

Везде где люди, есть зло. Все дело в мере, в большем или меньшем просторе для его разгула. Как же можно, Ваше Величество, не зная близко народной жизни, брать на такую совесть такую меру? Или Вы верите, что помазание на царство несет с собой и всеведение божества?

Гласность суда теперь урезана чуть не до нуля. Отныне преступления по должности будут судимы тайно. Отнята последняя гарантия, ограждавшая большинство подданных от злоупотреблений властью имущих. Как же Вы не поймете, что тот из Ваших чиновников, кто против гласности в суде и в печати, тот находит свою выгоду во мраке и тайне. Правительство, прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе пропасть. Произволу нет оправдания. Кто верит в себя, тот света не боится.

Как много теряет Россия оттого, что всем способностям, таящимся в народе, нет доступа к образованию. Все меры министерства народного просвещения имеют целью загасить просвещение. На пороге XX века сомнительно, чтобы такие меры могли долго упорядочивать порядок. Известный циркуляр, закрывающий гимназии для бедняков и открывающий широкий простор произволу и взяточничеству директоров гимназий, дал лишний козырь в руки террористов. Понижение уровня талантливости есть прямое последствие систематического выпалывания талантливого юношества руками государственной полиции.

Правительство одержимо боязнью допустить интеллигенцию к народу. Народ наш беден. Крупный его процент его живет впроголодь, и в урожайную пору ест хлеб с мякиной, приберегая хлеб посытнее для рабочей поры. Его избы – вонючие серые лачуги. Топить нечем. Под печкой приют для новорожденных телят, ягнят, птицы. Более половины детей умирает в раннем возрасте от плохой пищи матери, изнуренной работой, от слабости организма, или от отравления вредным воздухом. Каждая эпидемия косит массу жертв. У народа почти нет больниц. Число существующих ничтожно на миллионы человек. У безземельных батраков, число которых растет вследствие обещания крестьян, у городских рабочих нет убежища под старость. Изжив все силы на работе, им приходится умирать, где придется, под забором, в придорожной канаве.

Опыт прежних царствований и Ваш собственный должен бы был показать Вашему Величеству, что внутренняя политика преследований не достигает цели. Гонение – лучшее средство вытравлять в народе любовь к царю, к идеалу царя. Она ослабела, это замечено всеми. Вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие. За неосторожное слово, за первый подпольный, часто взятый из любопытства листок, юноша, ребенок – государственный преступник. Бывали пятнадцатилетние, и даже четырнадцатилетние государственные преступники, сидевшие в одиночном заключении. Изломанная, озлобленная молодежь уходит в красные. Мне противна кровь, с какой стороны ее не лили, но когда за одну кровь дают ордена, а за другую – веревку на шею, то понятно, какая кровь имеет для молодежи обаяние героизма.

Все меры устрашения и исправления, начиная административной ссылкой и кончая виселицей и расстрелом, не достигают цели. Число политических преступников будет расти, потому, что воображение молодежи свывается со ссылками, с казнями, потому, что в корне государственного порядка и общественного строя лежат причины, рождающие политические преступления. Правительство, охраняющее себя безнравственными средствами, административной ссылкой, сонмами шпионов, розгами, виселицей и кровью, само учит наших революционеров принципу: «цель оправдывает средства». Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей.

Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способностей, отмена административного произвола, созыв земского сбора – вот в чем спасение. Мера терпения переполняется. Будущее страшно.

Вы самодержавный царь, ограниченный законами, которые сами издаете и отменяете, ограниченный еще более не исполняющим эти законы чиновничеством, которое Вы сами назначаете. Одно Ваше слово – и в России переворот, который оставит светлый свет в истории. Если Вы захотите оставить мрачный след, Вы не услышите проклятий потомства, но их услышат дети Ваши, и какое страшное наследство передадите Вы им!»

Открытое письмо монарху Марии Цебриковой газеты, конечно, не напечатали, но этот протест обычной подданной широко разошелся по империи. Письмо не захотевшей молчать женщины вызвало восхищение в России и Европе, одобрение многих известных общественных деятелей в мире. Из-за этого резонанса Марии Цебриковой дали только три года лишения свободы и запрет затем проживать в больших городах. Совсем скоро империю ожидали не открытые письма подданных, а массовые забастовки, демонстрации и вооруженное восстание, сменившееся революцией. Колоссальное давление самодержавия на подданных в 1880-х, 1890-х годах сменилось политикой ее небывалых уступок подданным в 1900-х годах, но было уже совсем поздно.

В обществе подробно обсуждали то, как Александр III правил огромной страной и ста миллионами подданных, и это правление не лезло ни в какие ворота. Царь приказал министру финансов объявить бумажный рубль равноценным золотому. Министр финансов сказал, что это невозможно. Император объявил, что требует этого со всей ответственностью. Министр попытался объяснить царю, почему по приказу бумагу нельзя объявить золотом, и Александр III пришел в ярость. Во время плавания по Черному морю царь спросил у капитана своего судна, сколько часов плыть до Севастополя. Капитан ответил, и император приказал приплыть туда вдвое быстрее. Капитан попробовал объяснить царю, что это технически невозможно, и Александр III пришел в ярость. Все в империи ее заслуженного конца понимали, что царь может быть образцом семейных добродетелей, идеалом буржуа, но если в результате его самодержавных действий миллионы людей не только несчастны, но и должны погибнуть, такой царь не может быть владыкой, а только обыкновенным подданным. Император, находясь в здравом уме и трезвой памяти, собственной самодержавной рукой написал на докладе одного из губернаторов, сожалевшем о малом количестве грамотных людей в его губернии, резолюцию, о которой революционеры рассказали империи: «И слава Богу». Совсем скоро десятки тысяч людей подробно рассказали десяткам миллионов подданных, что так жить в самодержавной империи нельзя и научили их грамоте. При этом в резне и бойне Первой мировой и Гражданской войн от пуль, ран и эпидемий погибло двадцать миллионов граждан бывшей Российской империи.

В октябре 1894 года император Александр III умер в Крыму от нефрита, вызванном, по мнению многих современников, малоподвижностью. Он оставлял огромную страну сыну, которого сам считал явно не готовым к государственной деятельности. Империя ждала добрых и хороших перемен. Сидевшая уже десять лет в ужасающей Шлиссельбургской тюрьме Вера Фигнер писала: «Волна возбуждения прошла среди нас: наверное, будет амнистия, быть может мы увидим свет. Тюремная администрация была уверена, что Шлиссельбург опустеет. Не зная ничего о том, что происходит на свободе, произошла ли коронация или нет, и, видя, что никаких перемен у нас нет, мы с течением времени перестали чего-либо ждать».

Перемены в империи все-таки произошли, Вера Фигнер до этого дожила и увидела, как кончаются империи.

Серое время и смена караула

В соответствии с утвержденными в 1889 году правилами об отдаче студентов в солдаты, в последний год XX столетия министр просвещения империи Боголепов отправил в казармы ни за что, а официально за беспорядки, более двухсот студентов Киевского и Петербургского университетов. В знак протеста несколько студентов-солдат покончили жизнь самоубийством и это очередное беззаконие властей возмутило все общество. Бывший студент Дерптского университета, также исключенный из него не за что и учившийся за границей Петр Карпович из Берлина вернулся в Петербург, записался на прием к министру Боголепову и прямо в приемной министерства 14 февраля 1901 года застрелил главного виновника расправы со студентами. За семь лет нового царствования империя настолько изменилась, что Карповича, как обычно, не казнили. В стране уже открыто говорили, что до всеобщей революции осталось пять лет. И многим столпам самодержавия уже мерещилось, что и им придется ответить за свои действия перед возбужденным народом. В марте Карповича отправили на двадцать лет в Шлиссельбургскую тюрьму и никто в полицейской империи не мог предположить, что обычный приговор медленной смерти не будет приведен в исполнение.

Студенчество России открыто назвало Петра Карповича Смелым Соколом и желающих отправлять студентов в солдаты ни за что и даже за что среди министров больше не нашлось. Убийство выполнявшего приказ самодержавия министра в обществе называли самоотверженным делом, а на Карповича при перевозке на тюремный остров жандармы даже побоялись надеть кандалы. Его камера оказалась рядом с камерой Веры Фигнер. Невменяемых строгостей 1880-х в Шлиссельбурге больше не было и замурованные народовольцы впервые за пятнадцать лет узнали от Карповича все подробности жизни страны и Европы. Вера Фигнер писала: «Его радостные вести оживили наши души. Рабочий класс промышленного пролетариата приближался к западноевропейскому типу. Объединенный, он с шумом выходил на общественную арену, требовал улучшения своего экономического положения, организованно выступал в стачках, охватывавших десятки тысяч рабочих, и на улицах городов демонстрировал свою грядущую силу. Возросшая численно молодежь высших учебных заведений, раньше разъединенная, теперь была объединена по всей России и, составляя одно целое, поднимала бунт против полицейских порядков государственного строя, державшего университеты в тисках. Волна студенческого движения непрерывно перекачивалась по лицу земли русской, заканчиваясь сотнями арестов и тысячами высылки. В каждом городе существовали нелегальные типографии, издавались революционные листки, прокламации и газеты. На место каждой арестованной тотчас появлялась новая типография и агитация продолжалась с новой энергией и силой. При благой вести, принесенной Карповичем, всколыхнулись наши души».

Комендант Шлиссельбурга ужесточил давление на замурованных народовольцев. Вера Фигнер написала матери письмо с просьбой обратиться в Департамент полиции или к самому министру внутренних дел и рассказать, что народовольцы требуют расследования. По закону смотритель должен был отправить письмо Фигнер, но, конечно, этого не сделал и потребовал у «этой ужасной женщины» переписать текст. Фигнер заявила, что смотритель нарушает закон, но хозяин тюрьмы объявил, что лишит ее права переписки и восстановит в Шлиссельбурге ужасающий режим 1880-х годов.

На глазах всей тюрьмы Жанна д'Арк русской революции сорвала со смотрителя офицерские погоны и отшвырнула их в стороны. Псевдоофицер в растерянности убежал, а в тюрьме поднялась буря. Вера Фигнер попросила тишины и стала ждать казни, полагавшейся ей за погоны по внутренней инструкции.

Из Петербурга приехал следователь и Фигнер заявила ему, что хотела предать издевательства зрителя гласности. Следователь допросил всех тюремщиков, рассказавших ему о побоях, лишениях прогулок, смиренных рубашках узников и обо всем том, что может сделать облеченный властью подонок с бесправными узниками. Следователь уехал, и вскоре сменили коменданта и зрителя Шлиссельбурга. Притихшие тюремщики больше не говорили о своей любимой тюрьме, что «Сюда входят, а отсюда выносят», а Фигнер из двадцатилетнего номера 11 сразу превратилась в Веру Николаевну. Все вдруг поняли, что самодержавие испугалось казнить и даже наказывать гордость Исполнительного Комитета «Народной воли» и в империю пришли другие времена. Вера Фигнер писала:

«За четыре недели я пережила так много, и пережитое было такое жгучее, такое острое. Надо было подготовиться умереть или быть заключенной в какой-нибудь каземат в полное одиночество. Надо быть готовой и твердой, как камень, надо быть камнем. Мне кажется, что я умираю: тяжелая могильная плита давила грудь, холод камня с внешних покровов пробирается внутрь. Я чувствую, как постепенно все глубже и глубже стынут ткани тела и понемногу замерзают сами внутренности. Я просыпаюсь с криком, и непроизвольные слезы орошают подушку. И так тяжелые дни и мучительные ночи, опять они, эти мучительные ночи. Душа за двадцать лет не умерла и скорбь переполняет ее. Все время я ждала военного суда и чувствовала себя перед лицом смерти. Все время ждала ее, готовилась к ней. Ведь надо было быть готовой, чтобы в свое время не дрогнуть»

Все изменилось за семь лет в империи. Оставшиеся в живых члены Исполнительного Комитета «Народной воли» увидели, что теперь их не тридцать четыре, и не триста сорок, а тридцать четыре тысячи и триста сорок тысяч. Вера Фигнер объявила из мертвенного Шлиссельбурга – «Лишь в действии познаешь силу свою!» Империя правильно испугалась ее казнить, но никак не могла понять, что скоро поменяется с революцией местами. Лозунг городских 1904 года «Тащить и не пущать» не изменился, и царя в 1902 году уже называли Его Императорское Величество.

Восемнадцатый и последний Романов оставил о себе противоречивую память как человек и ужасную – как государь. Николай II мог, но не захотел менять в своей судьбе ничего. Его правление пришлось на время, когда все, что веками копилось и кисло в котле под названием Россия, должно было вырваться наружу. В двадцать шесть лет он стал править огромной страной, полной контрастов и противоречий, конфликтов и трагедий. Роль последнего императора в гибели империи была очень заметной, но все же не решающей. В его правление действовали два выдающихся российских государственных деятеля, Сергей Витте и Петр Столыпин, которые могли изменить ситуацию в стране из революционной на эволюционную. Одного он снял, другого почти отстранил от управления империей, потому что оба были намного талантливее его. Более пятидесяти великих князей династии Романовых служение России представляли как исполнение собственных желаний, страстей и амбиций. Их любимым занятием были интриги и развлечения. Император тратил много времени на улаживание постоянно возникающих скандалов, в которых были замешаны его родственники. Государственная казна весь XIX век была неиссякаемой кормушкой для многих представителей Дома Романовых. Удельное ведомство владело почти десятью процентами имперских земель, приносивших миллионные доходы, но их совсем не хватало на многочисленные причуды династии. Все великие князья получали сумасшедшие пожизненные ренты на жизнь, резиденции и по всякому поводу, состояли на всевозможных высших постах империи, на которых получали умопомрачительное жалованье, числясь одновременно командующими округами и гвардейскими полками, генералами, адмиралами, членами Комитета Министров, Государственного совета, государственных комиссий, президентами академий. Они постоянно участвовали в аферах, спекуляциях, разворовывали концессии, бюджетные деньги на армию, и суммы исчислялись миллионами. Все сходило толпе великих князей с рук, решения императора не спешили исполнять даже самые

верные и преданные и традиционный русский монархизм таял на глазах. Революционеры в нелегальной прессе подробно информировали подданных о многочисленных промахах власти и случаях казнокрадства.

На всех чиновных столах лежала Статья 1 Свода основных законов Российской империи: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает». Александр III как всегда ошибочно закрепил за Победоносцевым общее руководство учебой цесаревича Николая и обер-прокурор Синода тринадцать лет вдалбливал в первого ученика империи аксиому о божественном происхождении самодержавия и о неограниченности и неприкосновенности царской власти. Не было, казалось, ни одной гадости, которой Победоносцев не сделал своей родине, но эта аукнулась миллионам подданным. Николай II скудно воображал, был самолюбив и имел высокое самомнение, но все современники как один отмечали у него равнодушие к чужому горю и беде, постоянную скрытность и двоедушие, смешанное с лицемерием, фирменные черты членов династии Романовых. Учителям было запрещено задавать цесаревичу вопросы и это было большой ошибкой преподавания. В 1897 году, на третьем году царствования Николай II написал в анкете Всероссийской переписи населения, что его звание «первый дворянин», а должность «хозяин земли русской». Хозяйничал он плохо и именно при нем самодержавная монархия прогнила насквозь. Многие исследователи считали, что роль Николай II в кровавой победе революции была слишком незначительной, чтобы он был в чем-то виноват, что на последнего царя давило окружение, навязывало непонятные решения. В обществе даже говорили, что Николай II принимает решения, подбрасывая монетку и ожидая «орла» или «решку». Считалось, что царь слабовольно прислушивается к советам дурных помощников. Причиной гибели империи и династии называли доброту и благородство последнего царя, но дело было совсем не в этом. В октябре 1894 года при вступлении в должность императора он прочитал речь, подготовленную Победоносцевым: «Мечтания об участии представителей земства во внутренних делах бессмысленны. Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». В том же году Николай II женился на дочери великого герцога Эрнеста Гессен – Дармштадского Алисе Гессенской, ставшей Александрой Федоровной, суеверной и мистически настроенной. Она сильно влияла на мужа и в Зимнем дворце распространилась мистическая покорность обстоятельствам, перемешанная с безграничной верой в шарлатанов, которая теперь стала считаться predetermined судьбой. Доходило до того, что революционеров пытались ловить с помощью медиумов. Николай II мистически заявлял Петру Столыпину: «Мне ничего не дается в моих начинаниях, у меня нет удачи, а человеческая воля бессильна». В отставку с тора, тем не менее, царь не подавал, а постоянно, яростно и упорно, отрицал общество и твердолобо отказывался превратить неограниченную монархию в конституционную, заявляя: «Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед Богом ответственность и всегда готов дать ему за это ответ». В 1918 году в разыгравшейся во всей империи трагедии гражданской войны ему пришлось этот ответ дать, а вместе с ним и еще многим миллионам безвинных жертв.

Николай II о положении в стране узнавал от лгавших ему придворных холопов. Он знал, что эта информация не соответствует действительности, но слушал и слушал титулованных дармоедов, правда никогда не смотрел собеседникам в глаза.

Николай II никогда не опровергал и не спорил с министрами и сановниками, всегда был сдержан и скрытен, не показывал своего отношения к обсуждаемой проблеме. Царь был болезненно самолюбив, не любил когда ему пытались доказать его неправоту. Влиятельный придворный генерал А. Мосолов говорил, что его не любили даже царедворцы: «Он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это для себя обидным. Царь увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычной легкостью. Достаточно было клеветы без фактов. Он нико-

гда не устанавливал, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет. Как все слабые натуры, он был недоверчив».

Николай II почти никогда не менял свою точку зрения и его характер и личность сильно сказались на трагической судьбе империи. Знаменитый генерал-теоретик А. Драгомиров говорил, что царь «сидеть на троне может, но стоять во главе России неспособен». Министр внутренних дел Н. Маклаков утверждал, что «погибнуть с этим человеком можно, а спасти его нельзя». Дважды председатель Совета Министров И. Горемыкин ничтоже сумняшеся заявлял: «Никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек на свете». Николай II никогда не собирал Совет Министров, а принимал их по одному, опасаясь министерского объединения и совместного обсуждения. Во время Первой мировой войны, казалось, царь только и делал, что назначал и снимал министров, и общество открыто назвала это «министерской чехардой», в Совет Министров объявляло «Кувырк-коллегией». Николай II называл конституционную монархию в Европе «парламентриляндией адвокатов» и самодержавная идея в империи окончательно лишилась народной поддержки. Часто встречавшийся с Николаем II А.Ф.Кони о нем писал: «Я хотел двинуть его мысли к безобразиям внутренней жизни. Глаза газели смотрели ласково, рука, от одного росчерка которой зависело счастье и горе миллионов, автоматически поглаживала и пощипывала бородку, и наступало неловкое молчание, кончаемое каким-нибудь новым вопросом. Взгляд на себя, как на провиденциально помазанника божия, вызывал в нем подчас приливы такой самоуверенности, что им в ничто ставились все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые еще обнаруживались в его окружении. Мои личные беседы с царем убеждают меня в том, что это человек, несомненно, умный. Я говорил ему, что империя успокоится, если будут выполнены обещания свобод, данные в манифесте 17 октября. Он мне ответил, что да, это было уже везде, все государства через это прошли, и Англия, и Франция. Я едва удержался, чтобы не сказать: но ведь там Вашему Величеству отрубили бы голову».

Все современники говорили, что у Николая II отсутствовало стратегическое мышление, дальновидность, отсутствие глубины, видения перспективы, поверхностность, шахматная неспособность видеть вперед дальше одного хода, бесцеремонность владения империей. Царь говорил министру иностранных дел: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и считаю, что только так можно править Россией, иначе я бы давно был в гробу».

Коронацией Николай II в Москве в мае 1896 года руководили его дядя и московский генерал-губернатор Сергей Александрович, министр двора Воронцов-Дашков и обер-церемониймейстер Пален. Почти на сотне страниц программы коронации было перечислено множество мероприятий, одно из которых должно было состояться 18 мая в виде народного гулянья на Ходынском поле, куда в павильон в два часа дня должны были собраться все высокие гости и дипломатический корпус во главе с царем. На поле площадью около одного квадратного километра войска московского гарнизона много лет проводили учебные занятия, и везде были траншеи, рвы, рывины, ямы, колодцы. Для раздачи народу было приготовлено почти полмиллиона эмалированных коронационных кружек и царскими инициалами с платками и бумажными кулками с копченой колбасой, пряниками, булкой и конфетами. Для них на краю поля были построены небольшие буфетные палатки.

В ночь на 18 мая на Ходынское поле со всей империи собирались веселые и нарядные люди, десятки тысяч человек ночевали прямо там и к раннему утру на Ходынке собралось от пятисот тысяч до миллиона подданных. Никакого оцепления или регулирования на поле не было и этого даже не предусматривалось в коронационном расписании, только к шести часам утра на Ходынку должны были прибыть пятьсот городских. Днем Николая II должны были охранять более трех тысяч полицейских.

К рассвету поле было так забито людьми, что им не хватало воздуха, и над Ходынкой стоял густой пар испарений. Приставленные к буфетным палаткам артельщики стали раздавать

коронационные подарки заранее приглашенным родственникам и знакомым, с других требовали дать за кружку копеечку. Колоссальная толпа поняла, что без нее все разворуют и многим ничего не достанется, задние наперли на передних, началась давка и артельщики от большого и наглого ума стали бросать кружки прямо в толпу. Их стали хватать, ронять, нагибаться, люди падали, по кошмарной толпе пошли волны, никто не догадался поднять упавших. Люди падали и в канавы, даже в колодцы, в ямы, и их умирающие крики подняли в толпе панику, тут же перешедшую в адское столпотворение. По раненым и уже потоптанным людям проходили ряды за рядами, над горами живых и неживых тел стоял яростный стон, богатые предлагали тысячи рублей за свое спасение и ужас охватил сотни тысяч людей. Из адского столпотворения вылетали оборванные и полуголые люди с дикими, ошалевшими глазами, падали, вскакивали, опять падали и оставались лежать на трупах раздавленных подданных, пришедших посмотреть на имперский праздник. За двадцать минут все было кончено, погибли около четырех тысяч человек, тяжелораненых и ушибленных было намного больше. Впоследствии количество погибших и потоптанных людей официально сократили втрое. К семи утра на опустелом поле прибывшие полицейские начали уборку тысяч трупов, безуспешно пытаясь убрать Ходынку, на которой оставались горы разодранной одежды, оторванные с кожей женские косы, гнилая колбаса и труха вместо конфет. Чины министерства двора поделили выданные на закупки продуктов коронационные деньги с московскими купцами и вместо высококачественной твердокопченной колбасы и хороших конфет подсунули подданным гниль, которая не по их вине до людей не дошла.

Слух о трагедии на Ходынском поле вихрем пролетел по Москве и многие сановники предложили царю сократить и отменить празднества коронации, которая должна была после такого горя стать очень скромной. В программу коронационных торжеств изменений внесено не было и вечером 18 мая на балу у французского посла в аромате десятков тысяч благоухающих роз, выписанных из Парижа, императорский двор в ходынской скорбном отчаянии танцевал разухабистую кадрили. Многие иностранцы поспешили уклониться от бала на крови, но среди царских подданных таких совестливых людей не нашлось.

Правительственная комиссия виновных не нашла и объявила ходынскую трагедию стихийным несчастьем, вроде землетрясения. Разбирательство возглавили его виновники Сергей Александрович и Пален. Они допросили сами себя и никакой вины в своих действиях не нашли. Для того чтобы все свалить на глупый народ, были распущены слухи, что на раздаваемых коронационных палатках были изображения лошадей, коров и изб, и очумелые мужики почему-то решили, что тот, кто поймает платок, получит деньги на покупку изображения. На сенатский запрос «были ли приняты своевременные должные меры для направления массы народа», министерство двора ответило, что оно было обязано только обеспечить на Ходынском поле концерт симфонического оркестра и «раздачу подарков». Московская полиция заявила, что за поле отвечало министерство двора, а полицейские занимались обеспечением порядка только «до поля и около поля, а там было все в порядке». Трупов подданных все же очень много, и за «ходынские беспорядки» московского обер-полицмейстера отправили в отставку с очень большой пенсией. По указу царя семьям погибших из казны было выделено около тысячи рублей на труп, полуторогодовая зарплата рабочего, но деньги, конечно, распределители украли, и осиротевшие дети и вдовы получили от пятидесяти до ста рублей за труп. Недостачу списали на якобы очень пышные похороны задавленных. Революционеры писали в листовках об издевательствах над народом, который пригласили на праздничное торжество, вместо угощения убили и покалечили, а топом взяли с него деньги за лечение, и им никто не возражал. По московским больницам разослали оставшийся от коронации портвейн. Царь с царицей посетили раненных и Александра Федоровна спросила у перекалеченных, не нужно ли им чаю.

Виновник ходынской трагедии дядя царя московский генерал-губернатор Сергей Александрович получил императорскую благодарность за образцовую подготовку и проведение коронации. Вся империя знала правду о 18 мая 1896 года, и великого князя Сергея Александровича в Москве называли князь Ходынский. Когда через десять лет он был разорван в Кремле, в Зимнем дворце даже не был отменен торжественный обед, и присутствовавший на нем принц Л. Прусский в полном ступоре писал германским родственникам, как почти сорокалетний Николай II и его кузен великий князь Александр Михайлович в столовой «играли, сталкивая друг друга с узкого дивана». За три недели до этого у Зимнего дворца расстреляли мирную демонстрацию рабочих, но кровь народа была плохо видна с третьего этажа главной царской резиденции. Подводя итоги 1896 года, Николай II особо пожелал, чтобы 1897 год прошел также благополучно, как и предыдущий.

В разговоре министра внутренних дел И. Дурново и министра финансов С. Витте последний сказал, что прекрасное воспитание Николая II скрывает все его недостатки, но Дурново ответил, что новый царь – это современная копия императора Павла I. Он человек колеблющийся и с ним весьма важно ловить момент, а если его упустишь, то и само дело упустишь. В отставку, впрочем, сановники царя сами почти не подавали. Витте говорил, что царские министры были по большей части прекрасные люди, но по своим талантам ниже посредственности. Придворные боялись говорить Николаю II правду, потому что «он от таких тотчас отворачивается». Только Победоносцев при консультациях царя с ним о том, кого назначить министром внутренних дел – Сипягина или Плеве, мог сказать, что первый дурак, а второй подлец, но только для того, чтобы назначили его кандидата Горемыкина. Многие члены Кабинета министров империи знали, что ни по своим способностям, ни по своему уму не могут быть советниками царя ни по каким делам, ни по государственным, ни по министерским, но при этом также знали, что по характеру императора именно такие министры для него больше всего подходят. Чиновники легко могли подготовить документы о том, что главной базой военно-морского флота империи в Прибалтике должны стать неудобная Лиепая, а не очень выгодный Мурманск. За Лиепая их большими взятками убеждали купцы и промышленники, которым было там намного удобнее получать прибыль от государственных подрядов и заказов. То, что при развитии порту на Мурмане империи был совершенно не нужен Порт-Артур, из-за которого началась русско-турецкая война, Зимний дворец не волновало.

Еще большее влияние на царя оказывали великие князья, которых в высшем свете называли «жуирами», любившими пользоваться жизнью». Самым влиятельным был его дядя Сергей Александрович, женатый на сестре императрицы Александры Федоровны. Это он посоветовал не проводить на Ходынском поле поминальное богослужение, а вести себя так, как будто бы ни какой катастрофы не было, а потому ее надо игнорировать. Сергей Александрович победил в своем влиянии на «различные несчастья». Даже его мать Марию Федоровну, и от него не отставали бесчисленные Алексеи Александровичи, Александры Михайловичи и Владимиры Александровичи. Сергей Витте писал, что «великие князья часто играют такую роль только потому, талантам, ни образованию. Когда же они начинают влиять на государя, то из этого большей частью всегда выходят одни только различные несчастья». Граф Пален сказал царю, что «вся беда заключается в том, что великим князьям поручается ответственные должности, и что там, где великие князья занимают высокие посты, всегда происходит или беда или крайний беспорядок», и был тут же задвинут в самый дальний придворный угол. Сам Николай II легко мог приказать министру финансов при перепечатке Свода имперских законов незаметно внести изменения в статьи, ограничивающие расходы двора, и не переживал, что занимается фальсификацией законодательства. Витте, конечно, исполнил высочайшее повеление, но тихо заметил, что «у нас в России в высших сферах существует страсть к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит». За царем в очередь на разворовывание казны выстроились сановники, их родственники и друзья и все, кто мог и хотел в эту несусветную толпу при-

строиться, все «люди не дурные, но очень пронырливые», хорошо знавшие, что самодержавие основано на произволе, а не на законах. Николай II в 1897 году сказал: «Я готов поделиться властью с народом, но сделать этого не могу, так как не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом как насилие интеллигенции над царем, и тогда бы народ стер бы с лица земли верхние слои общества».

В 1897 и 1898 годах неурожай опять и опять вызвал голод в десятках губерний империи, вызвавший эпидемию тифа. Благотворительные акции шли по всей стране, со всех концов которой в Петербург передавали просьбы о государственных субсидиях голодающим. В казне, как обычно, была проблема с деньгами, и придворные заговорили, что «громадное число крестьян и рабочих должны работать и заслужить раздаваемые пособия, потому что благотворительность такого рода может привести к большим последствиям, чем последствия неурожая». О том, что в большинстве губерний эти пособия активно разворовывались чиновниками, в Зимнем дворце тоже хорошо знали. Собранные урожаи тупо гноили под дождем в открытых вагонах на железнодорожных станциях и число вагонов измерялось тысячами, а количество зерна – миллионами пудов. Николаю II доложили о душераздирающей картине голодного хаоса, но он ответил, что таких верных монархии людей, которые распределили хлеб, очень мало, а всяких побирающихся всегда будет много. На бюджетные деньги у опытных торговцев чиновники сознательно закупили непригодное зерно с примесью ядовитой травы куколь и наполовину сгнившее, а разницу в цене забрали в свой карман. Когда голодающие начали умирать от яда, разразился скандал и дело дошло до суда, который оправдал чиновников, в очередной раз, списав крестьянские трупы на их неопытность в закупках. Когда заместитель министра внутренних дел украл деньги, выделенные на создание государственного резерва зерна, его перевели на другую работу, а поднявших шум в обществе наказали. В голодающих Казанской, Уфимской, Саратовской, Симбирской губерниях успешно воровали, взяточничали, спекулировали государственным зерном, а революционеры подробно рассказывали подданным, о «неспособности администрации обеспечить снабжение, учет и размещение по стране имеющихся запасов хлеба».

С открытыми письмами «к царю и его помощникам» обращался Лев Толстой, и в обществе понимали, что это акт отчаяния великого писателя: «Любезный брат! Мне бы не хотелось умереть, не сказав Вам того, что я думаю в Вашей теперешней деятельности и о том, какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь. Самодержавия есть форма отжившая. Сто миллионов, на которых держится могущество России, нищают с каждым годом, а голод стал нормальным явлением. Нельзя остановить идеей самодержавия вечное движение человечества».

Лев Толстой предупредил царя, что накатывающийся воз революции ударит по царю, которому надо бояться народного взрыва. Николай II, как обычно, не ответил, и великий писатель сказал обществу, что «он сделал все, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно». Николай Бердяев позже напишет, что Россия – самая анархическая страна в мире, а русский народ – самый аполитичный народ в мире, никогда не умевший устраивать свою землю. Правда, он тут же себя опровергнет: «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире. Всякой самодеятельности и активности русского человека ставились неодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека».

Спасти неспасаемое попытался Сергей Витте, министр финансов, статс-секретарь и председатель Совета Министров. С царем ему было работать чрезвычайно трудно. О резолюциях Николая II на его документах Витте говорил, что «для меня это заметки на полях вдумчивого читателя». Даже военный министр говорил на заседаниях Кабинета: «Против царской семьи собираются тучи. Государь, будучи слабого характера, вопреки своей мягкой, доброй и пре-

красной натуре, увлекается на путь деспотических мероприятий, а это теперь путь опасный». Сергей Витте попытался превратить накатывавшуюся на империю революцию в эволюцию, хотя и знал, что с Николаем II это сделать невозможно. Министр финансов хорошо знал, что «в России надо проводить реформы быстро и спешно, иначе они не удаются и затормаживаются».

Россия на переломе столетий была уже совершенно другая, чем во времена Исполнительного Комитета «Народной воли». За два десятилетия в империи появились два новых класса – буржуазия и пролетариат. Значительно расширился класс интеллигенции, формировавшийся их детей низших чиновников, служащих, духовенства и буржуазии, работавших в земстве, агрономии, больницах, школах, редакциях, издательствах, высших учебных заведениях, фабриках, заводах. Благодаря разночинной интеллигенции, общественное мнение становилось все более и более демократичным и революционные настроения в империи росли, поддерживаемые многими выдающимися деятелями науки, литературы и искусства. На оживление общественной жизни оказывали влияние идеология и культура Европы, естественные и социальные науки, дарвинизм и марксизм.

Дворянский класс занимал господствующее положение в империи, большинство важных постов в государственной иерархии, большую часть земель, активно участвовал в создании капиталистического производства и не собирался менять консервативную идеологию. Его интересы в стране представляли обер-прокурор Синода Победоносцев, редактор и публицист «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Катков и редактор газеты «Гражданин» В. Мещерский.

В начальных, церковно-приходских, земских и вольных школах к концу века учились четыре миллиона детей, каждая четвертая была девочка. Половина крестьян – солдат в армии была грамотной. По переписи 1897 года грамотны были 40 процентов мужчин и семнадцать процентов женщин. Среди ста сорока миллионов подданных грамотным был каждый пятый. В мужских гимназиях и реальных училищах обучались сто пятьдесят тысяч человек, в женских учебных заведениях – семьдесят пять тысяч. В девяти университетах Москвы, Петербурга, Киева, Казани, Делта, Варшавы, Харькова, Одессы и Томска учились около двадцати тысяч студентов. Империи образца 1899 года было нужно много грамотных инженеров и специалистов, которых готовили Высшее техническое училище в Москве, технические институты в Петербурге, Киеве, Харькове, Томске, Варшаве. В шестидесяти пяти высших учебных заведениях занимались тридцать тысяч студентов, на Бестужевских курсах, в двух медицинских институтах получали образование около двух тысяч женщин. Число общедоступных публичных библиотек в городах достигало почти тысячи, в деревнях работали три тысячи земских библиотек. В империи работали около сотни музеев, Вольное экономическое, Географическое, Историческое общества.

Комитеты грамотности открывали воскресные школы для рабочих, курсы, кружки. Тысяча типографий издавали около десяти тысяч книг в год, издательства Сытина, Павликова, Суворина быстро печатали много книг для народа, выходили большими тиражами журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русская старина», «Исторический вестник», «Дело», «Русское слово», «Русский архив», «Вокруг света», «Русский вестник», «Русская мысль», «Вестник Европы», более сотни массовых газет. Перепись 1897 года насчитала около двухсот тысяч учителей, три тысячи ученых, писателей и журналистов, двадцать тысяч артистов и художников, двадцать тысяч врачей, три тысячи книготорговцев.

Александр III радовался неграмотности населения, Победоносцев называл интеллигенцию «буйным сборищем». Николай II приветствовал и приказывал открывать вместо гимназий технические училища, а об открытии народных школ писал, что «излишняя торопливость в этом направлении совсем не желательна», расширяя права губернаторов по наблюдению за учебными заведениями всех ведомств, командовал заменять учителей-мужчин женщинами. Самодержавие, как обычно, на телеге пыталось догнать недогоняемый паровоз. Имперская

промышленная революция создавала большой класс образованных людей, и они совсем не собирались молча терпеть бесконечный монархический произвол.

Ф. Достоевский, И. Тургенев, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, А. Чехов и десятки выдающихся писателей работали в жанре критического реализма, подробно раскрывали социальную психологию и идеологию, все стороны имперской жизни, писали об одичании, забитости, нищете, безграмотности народа, учили ненависти к неработающим сословиям-паразитам, к мерзости, пошлости, подлости, чванливости, унижению самодержавием человеческого достоинства, говорили о нравственности в политической борьбе.

Выдающиеся художники Н. Крамской, В. Перов, И. Репин, В. Суриков, В. Маяковский, А. Саврасов, В. Васнецов, В. Поленов, И. Шишкин, А. Куинджи, В. Серов, И. Левитан, И. Ге на многочисленных передвижных выставках показывали сотни великолепных картин, говорили, что «художник – это критик общественных явлений», показывали народную имперскую жизнь и делали это с беспримерной смелостью.

Музыканты и члены знаменитой «Могучей кучки» М. Балакирев, Ц. Кюи, А. Бородин, М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков собирали сотни русских народных песен и использовали их в своих операх и симфониях, в которых говорили о русской истории, создали бесплатную музыкальную школу.

Десятки имперских театров массово ставили пьесы А. Островского, «в нравственно-общественном направлении показывавшего темное царство самодержавия». Выдающийся драматург А. Сухово-Кобылин в своих пьесах «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина» так показал всю чиновно-бюрократическую систему от швейцара до министра, что у подданных, посмотревших его пьесы волосы вставали дыбом при виде, как веками в империи расцветали продажность судов, всеобщее взяточничество, полицейский произвол и бесправие населения. Самодержавие, как обычно, запрещало и не пускало все прогрессивное и правдивое, вызывая презрение все большего количества населения.

В империи судьба реформ была всегда тесно связана и судьбой реформатора. Целое десятилетие Сергей Витте пытался превратить феодализм самодержавия в капиталистическую монархию и сумел сделать империю индустриальной страной. Александр Блок писал о правлении Николая II как о «веке акций, рент, облигаций и малодейственных умов». К Сергею Витте последнее определение явно не относилось.

В последней четверти промышленное производство империи выросло почти на половину существовавшего, колоссальное развитие получили железные дороги. В сельском хозяйстве монархия всеми силами сохраняла общинное земледелие, разрешая выход из общины только раз в десять лет при согласии-разрешении сельского схода, земского начальника и уездного собрания. Досрочный выкуп надельной земли в личную собственность разрешался только с неохотного согласия общины. Это значительно сдерживало развитие сельского хозяйства, поскольку многие хорошо работавшие крестьяне не хотели делить результаты своего труда на весь деревенский мир.

В империи не было твердого рубля, что колоссально сдерживало ее социально-экономическое развитие. Свои экономические взгляды талантливейший финансист Витте изложил в 1888 году в работе «Национальная экономия», в которой предлагал протекционизм монархии для развития имперской промышленности: «В России происходит то же самое, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капитализму. Россия должна перейти на этот строй, и это непреложный закон. Мы находимся в начале этого движения, его нельзя остановить без риска погубить Россию. Политическая и экономическая задача России – создать собственную промышленность.

В 1893 году министр путей сообщения Витте стал министром финансов. Он еще в 1891 году вдвое повысил таможенные ввозные тарифы, доведя их почти до сорока процентов от стоимости товара. Витте старался привлекать иностранные инвестиции в угольную нефтяную про-

мышленность империи, а также иностранные займы. Он пытался создать систему финансового контроля монархии, но из этого, конечно, ничего не получилось и часть займов и инвестиции все равно уходили в туман самодержавия. Витте стал делать инвестиции и займы для реализации конкретных экономических задач и деньги, наконец, пошли на развитие промышленности, хотя, естественно, далеко не все. Витте смог вложить в строительство железных дорог России сумму в размере двух национальных доходов и смог увеличить их протяженность почти вдвое, обогнав даже необгоняемые Соединенные Штаты Америки.

До 1897 года в империи ходили серебряные рубли и бумажные ассигнации, имевшие разную стоимость, почти в два раза. Мировой финансовый рынок уже давно ориентировался на золото. Витте стал готовить «золотую реформу» и встретил колоссальное противодействие. Укрепление рубля совсем не устраивало дворян-землевладельцев, у которых повышались цены на сельскохозяйственную продукцию и снижался их экспорт. Несмотря ни на что Витте смог провести в империи денежную реформу и приравнял ассигнации к золотому стандарту, а бумажный рубль – к 0,174 золотника самого ценного мирового металла. Ассигнации постепенно стали обеспечиваться золотым запасом. В начале XX века золотой запас на сто миллионов превышал количество бумажных денег.

Твердая имперская валюта укрепила имперский рынок и привлекла в страну инвестиции. Иностранные займы для реформ Витте увеличили государственный долг до пятнадцати миллиардов рублей, но министру финансов за несколько лет удалось вернуть в Европу деньги, выданные на строительство дорог и предприятий, включая даже улетавшие на «общегосударственные потребности» четвертую часть займов. Витте увеличил косвенные налоги, обложив ими сахар, табак, ввел винно-водочную монополию и устранил хронический дефицит государственного бюджета. Те предприниматели, которые лишились водочных лицензий, обвинили министра финансов в том, что он спаивает народ и пустили в народ частушку: «Вся Россия торжествует – Николай вином торгует», но при введении винной монополии подданные вместо 1,2 ведра на человека в год, стали пить только полведра, то есть шесть литров вместо четырнадцати. Впоследствии, во время индустриализации СССР между двумя мировыми войнами, советская власть использовала именно опыт Сергея Витте.

Министр финансов заявил, что общину нужно заменить индивидуальным землевладением, иначе империя захиреет, и предложил отмену круговой поруки в деревне, смягчение паспортного режима и свободное перемещение в стране рабочих рук. При нем и во многом благодаря ему была построена Транссибирская магистраль, соединившая запад, центр и восток и в Сибирь перебрались при Витте около миллиона человек. Витте обратился к Николаю II с предложениями освободить крестьян от общины и государственного начальства, дать им гражданские права, но царь не ответил. В 1902 году было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, потому что самодержавию пришлось признать, что «земледельческий цент оскудел». Витте разработал программу работы Совещания из сорока пунктов, провел пятьдесят заседаний, на которые приглашались многочисленные эксперты. Особое совещание обсуждало народные кредиты, хлебную торговлю, дороги, аренду, отхожие промыслы, проблемы землепользования, леса, травосеяния, птицеводства, мелиорации, хмелеводства, молочное хозяйство. Два года пятьдесят губернских и пятсот уездных комитетов готовили отчеты Особому совещанию. В марте 1903 года была отменена крестьянская порука, а в августе – телесные наказания крестьян, но общегражданские права на них не распространялись.

По итогам работы Особого совещания Витте составил сводный проект, в котором вводил частную собственность на землю, определил механизм легкого выхода из общины, поддержал хуторское земледелие, крестьянские усадьбы предлагал сделать частными владениями. Все это Витте предлагал сделать «для предотвращения революции и в духе времени». Проект Витте Николай II не подписал и в январе 1905 года особое совещание закрыл, «за старание водворить

личную собственность». Община осталась в неприкосновенности, и потом самодержавию для спасения не хватило всего несколько лет для отказа от общины и создания сильного класса богатого крестьянства. Вместо этого в начале XX столетия подданные создали массовые революционные партии социалистов-революционеров и социал-демократов, добивавшихся свержения самодержавия, введения в империи конституции и демократической республики с однопалатным Учредительным собранием. Жена министра внутренних дел, рюриковича и князя П. Святополк-Мирского графиня Бобринская, потомок Екатерины II, в июле 1904 года с понятной яростью писала о Николае II: «Несчастный человек! Я его раньше ненавидела, а теперь жалею. Образец немощного вырождения, которому вбили в голову, что он должен быть тверд, а хуже нет, когда слабый человек хочет быть твердым. И кто это имеет такое дурное влияние? Кажется, Александра Федоровна думает, что так нужно, Мария Федоровна другого мнения, она мужу сказала: «Эти свиньи заставляют моего сына делать бог знает, что и говорят, что Александр III этого хотел». Но кто эти свиньи? Революционеры подробно рассказывали поданным, кого имела в виду сановница, придумав для их обозначения слово «камарилья».

Сергей Витте неоднократно утверждал, что Россия не должна воевать, поскольку все внешние и внутренние проблемы можно решить, не прибегая к войне. Он стремился создать Великий континентальный союз России, Франции и Германии, Соединенные Штаты Европы, выступал за союз с Китаем, Россия на всех парах летела к русско-японской войне и революции, и группа влиятельных сановников и царедворцев во главе с бывшим ротмистром, статс-секретарем А.Безобразовым, министром иностранных дел М.Муравьевым, министром внутренних дел В. Плеве, великим князем Алексеем Михайловичем, князем И.Воронцовым, графом Ф.Сумароковым-Эльстоном предложила Николаю II присоединить к империи часть китайской территории с Порт-Артуром. Само присоединение безобразовскую клику, конечно, не интересовало, но она благополучно украла несколько миллионов рублей, выделенных казной на геополитический проект, не реализованный, но вызвавший русско-японскую войну, с полумиллионом трупов, раненных и пропавших безвести имперских солдат.

Николай II воспользовался поводом и сдал своего надоевшего министра финансов, сделавшего империю сильной. 16 августа 1903 года он снял его с очень влиятельного поста министров финансов и назначил Сергея Витте на формальную должность председателя Кабинета Министров.

Кабинет Министров являлся совещательным органом, в который входили двадцать пять министров, сановников, членов Государственного совета и статс-секретаря. Исполнительной власти Кабинет не имел, как и его председатель не имел доступа к императору. При Витте Кабинет занимался железными дорогами, акционерными обществами, многими текущими хозяйственными проблемами, в силу своих возможностей присматривал за самодержавным законодательством. Витте участвовал в подготовке указа от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», которым хотел успокоить революционные настроения, охватившие к тому времени все сословия. Указ, в котором предусматривались соблюдение законодательства, расширение свободы слова, веротерпимости, земских прав, был подписан Николаем II, но в действие так и не вступил.

В апреле 1905 года Витте подготовил указ о веротерпимости и царь его подписал. Свобода вероисповедания была объявлена, но механизм ее реализации должен был быть утвержден подзаконными актами, которые не стали даже разрабатывать. Витте был востребован самодержавием только во время провала русско-японской войны 1904–1905 годов, попросившим сданного сановника спасти его.

Промышленный подъем начался в России в 1893 году и продолжался очень долго, благодаря хорошо продуманной политике реформатора империи. За десять лет протяженность железных дорог удвоилась и превысила пятьдесят тысяч километров. Это строительство создало устойчивый спрос на металл, лес, уголь и увеличило промышленный бум. На круп-

ных заводах выплавляли металл, развивалась металлообработка и производство металлических изделий, росла нефтедобыча. Началось создание союзов и синдикатов, объединявших однотипные производства.

В 1900 году в результате мирового финансово-экономического кризиса пострадала и Россия. Финансовые спекулянты по подходящему поводу обрушили биржу, и в первый же день обанкротились крупнейшие торговые дома Мамонтова, Алчевского, Дервиза. В банкротствах обвинили министерство финансов, сократившее выдачу кредитов и повысившее ставку учетного процента Государственного банка. Упала покупательская способность населения, перепроизводство привело к банкротствам трех тысяч предприятий и увольнению ста тысяч рабочих из небольших производств. Крупные заводы и фабрики получили правительственные ссуды и кризис перенесли легко. Уменьшая объемы производства, синдикаты и союзы предприятий создавали искусственный дефицит и повышали цены, усиливали и усиливали монополизацию в империи, занимаясь фактическим грабежом подданных. Число предприятий значительно уменьшилось, но их производство значительно увеличилось. В империи появились очень большие заводы с десятками тысяч рабочих, и подобная концентрация рабочей силы была очень удобной для революционных партий.

Монополии контролировали все отрасли производства, банки усилились и объединились в союзы, торговые синдикаты организованно сбывали товары, постоянно повышая цены, создавались корпорации, объединявшие предприятия по закупке, производству и сбыту сырья, организовывались мощные финансово-промышленные группы, во главе с банками объединявшиеся с чиновничеством. Созданная система государственно-монополистического капитализма активно приближала кровопролитную революцию.

Монополизация Российской империи была намного выше, чем в европейских странах и сопровождалась колоссальным вывозом капиталов за рубеж. Экспорт сырьевых товаров намного превышал импорт промышленных изделий. Промышленный капитализм вступил в жестокий конфликт с военно-полицейской монархией, тормозившей прогресс дворянским землевладением, и драка под ковром закончилась грандиозной революцией в феврале и октябре 1917 года.

Во главе политического сыска стоял Департамент полиции министерства внутренних дел империи, являвшийся государством в государстве. Ему подчинялись полицейские органы, жандармские управления охранные отделения, сыскные органы. Важнейшие политические дела вел Особый отдел Департамента полиции. Охранные отделения вели розыск революционеров, которых для ведения следствия передавали в жандармские управления. Непосредственно Николая II охраняли несколько тысяч агентов дворцовой полиции, Охранной агентуры и Конвой. Начальником царской охраны был дворцовый комендант, отвечавший за безопасность императорских резиденций и передвижения Николая II по империи и ее столице. Ему были обязаны содействовать и помогать все ведомства страны. Управление дворцового коменданта подчинялось не министерству внутренних дел, а министерству императорского двора и уделов. Охрану царя возглавляли Д. Трепов, В. Дедюлин, В. Воейков. Основной болезнью тысяч охранников царя стали нервные расстройства. Тропов, например, умер в 1906 году после того, как Николай II не взял его с собой в отпуск в Финляндию. Хотя охране платили мало, как мелким чиновникам, охраняла она царя хорошо, несмотря на то, что пенсию ей почти не давали, но преданной не была, что выяснилось в 1917 году. Охраняли императора пешком, на лошадях, на велосипедах, на автомобилях, с помощью служебных собак. В охранной службе была большая специализированная библиотека с книгами по истории, географии, путешествиях, естествознанию, обществоведению, справочниками и энциклопедиями. Большой раздел был посвящен истории революционного движения в Европе и России. Агенты изучали специальную гимнастику, служебные инструкции, теорию филерства, оружие, карты, стреляли, знакомились с фотографиями и словесными портретами политических преступни-

ков. Все охранные структуры постоянно предупреждали Николая II, что в феврале 1917 года в империи произойдет революция, царь не реагировал, и в начале марта 1917 года императорская охрана разбежалась.

В конце XIX века революционная теория четко выработала приемы борьбы с самодержавием – забастовка, стачка и демонстрация, показывающие, какой процент подданных недоволен произволом монархии. Если их много, то необходимо проводить вооруженное восстание для захвата власти в империи, во главе с революционной интеллигентной партией, ведущих в бой рабочие и студенческие дружины. Началом широкого общественного движения недовольных и инакомыслящих в России стал 1899 год, пятнадцатый после гибели Исполнительного Комитета «Народной воли».

4 февраля 1899 года суворинская газета «Новое время» напечатала объявление ректора Петербургского университета В. Сергеевича, который ни с того ни с сего требовал от тысяч ни о чем не помышлявших студентов не нарушать общественной тишины и спокойствия 8 февраля, в день годового торжественного акта. Сергеевич перечислил длинный список взысканий и наказаний для нарушителей. Такие же объявления о непонятных карах были развешаны в самом университете. Это настолько возмутило почти всех студентов, что два дня в Петербурге шли непрерывные студенческие собрания, 6 февраля постановившие всем покинуть актовый зал, как только на кафедре появится этот странный ректор.

В самом начале торжественного университетского акта 8 февраля, когда на сцене появился В. Сергеевич, студенты устроили обструкцию, освистали его, и ректор быстро сбежал. Студенты вышли на улицу и с ходу без предупреждения были избиты нагайками конной полиции казаков. Ошарашенные студенты вернулись в университет и в столовой избрал организационный комитет, который с общего согласия на деньги из кассы взаимопомощи издал листовку с сообщением об очередном произволе полиции, которая была расклеена по городу. Большая часть общества встала, конечно, на сторону студентов и потребовала расследования, которое должно было определить, кто виноват – полиция или студенты. Министры внутренних дел и народного просвещения Горемыкин и Боголепов допросили сами себя и решили, что действия полиции справедливы. Витте протестовал и расследование было поручено бывшему военному министру Ванновскому, потому что когда-то давным-давно он был начальником петербургского кадетского корпуса, а значит хорошо разбирался в студенческой психологии. Ванновский признал виновными нагайки, выполнявшие приказ, в то время как вся столица считала столкновение 8 февраля очередным идиотизмом градоначальника и даже министра внутренних дел. 12 февраля в Петербургском университете началась всеобщая забастовка, которая быстро перекинулась в Военно-медицинскую академию, Технологический, Горный, Лесной и Электротехнический институты, Высшие Бестужевские женские курсы, в Киев, Харьков, Ригу и через две недели в империи бастовали тридцать тысяч студентов высших учебных заведений.

Студенческая сходка, которая не имела ни какой политической окраски после вмешательства полиции, превратилась в знаковое общественное явление. В ночь на 21 марта организационный комитет студенческой забастовки был весь арестован, студенты тут же избрали второй комитет, арестованный полностью 25 марта. Студенты избрали третий организационный комитет, в состав которого вошел будущий знаменитый эсер двадцатилетний Иван Каляев. 30 марта в университет на экзамены явилась полиция, студенты протестовали, их задержали и в течение трех дней сотнями высылали из Петербурга. Листовки организационного комитета опять заклеили город призывами к студенчеству стойко бороться за свои права. Стихийное студенческое движение стало выдвигать политические требования, хотя и не ясно выраженные. Начиналась борьба оппозиции и самодержавия, начатая Зимним дворцом, и которая всем обществом была признана одним из самых ошибочных мероприятий царского самодержавия, активно приближавшего свой ужасный конец.

Комиссия Ванновского выдвинула предложения отдать сотни студентов-забастовщиков в солдаты. Витте заявил, что «излишней строгостью можно погубить многочисленных юношей, ослабить тех, кто искренне уверен в своей правоте и некоторых, может быть, толкнуть в темные ряды врагов государства». 29 июля 1899 года по результатам расследования Ванновского МВД и Министерство народного просвещения издали «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками учебных заведений, удаляемыми из них за учинение скопом беспорядков». Правила предписывали сдавать в солдаты студентов-участников коллективных выступлений. В армию, оплот самодержавия, направляли недисциплинированных и грамотных оппозиционеров, вызвавших уважение у окружающих. В обществе все больше и больше людей считало, что у монархии окончательно исчезает здравый смысл. В октябре 1899 года вместо Горемыкина министром внутренних дел был назначен начальник охоты Николая II Дмитрий Сипягин.

В конце 1900 года киевские студенты заступились за изнасилованную богатой золотой молодежью. Девушку, и были тут же брошены в карцер. Весь Киевский университет вышел на демонстрацию протеста против карцеров и исключений за правду. 11 января 1901 года газеты империи опубликовали правительственное сообщение об отдаче в солдаты 183 киевских студентов-демонстрантов. Студенческие волнения перекинулись в Петербург, где в солдаты попали 27 студентов, в Москву, в Харьков. 19 февраля 1901 года в Харькове весь день шла многотысячная демонстрация студентов, неожиданно поддержанных рабочими, поддержав призыв Владимира Ленина, писавшего в революционной газете «Искра»: «Студент шел на помощь рабочему, – рабочий должен придти на помощь студенту». Над харьковской демонстрацией почти впервые в империи взвились лозунги «Долой самодержавие» и «Да здравствует республика». Впервые полиция не могла ничего сделать в империи, оглушенной известием, что в нее вернулся казалось забытый ужас террора.

14 февраля 1901 года студент Петр Карпович в здании Министерства народного просвещения стрелял в Николая Боголепова за издевательства над студентами и смертельно ранил министра. Карпович даже не пытался бежать и заявил, что реакционеры больше не будут учинять жестоких расправ над студентами. 4 марта петербургские студенты устроили демонстрацию на Казанской площади, и их опять поддержали рабочие. Несколько тысяч демонстрантов выкрикивали политические лозунги, уже услышанные и поддержанные в Москве. Вместо убитого Боголепова царь в министры народного просвещения назначил генерала Ванновского, который продержался на должности только год. В обществе ходили чудовищные слухи о суровом отношении к студентам в войсках, говорили даже об их расстрелах. Студенчество заволновалось все и в Москве студенты собрались во дворе университета на Моховой улице. Опять обер-полицмейстер прислал казаков с нагайками, студенты выломали двери в здание и забаррикадировались в актовом зале. На московские улицы высыпали подростки, гимназисты, молодежь, пели студенческие песни. К университету стягивались усиленные отряды полиции, жандармские эскадроны, казаки и такого империя не видела уже давно. Они пытались разгонять молодежь с улиц, подростки разбегались и тут же собирались в другом месте, к ним туда скакали жандармы, а над древней столицей стоял давно не слышанный всеобщий свист и хохот. Из университета во двор вышли все, кто забаррикадировался в актовом зале.

Студентов арестовывали и запирали в Манеж, набитый полицией, конными жандармами и лошадиным навозом. В сумятице, хаосе, беспорядке в Манеж приводили сотни арестованных студентов, курсисток и случайных прохожих. Все пели песни и проводили сходки в густом ржании лошадей, заслуженно хамили неразумно и неумело действовавшей полиции, растерявшейся и метавшейся по Манежу, среди навоза, между студентами, случайными прохожими и проститутками, заодно задержанных на улицах. Подобный хаос творился на московских улицах, и обо всем этом на следующий день писали все московские новости и имперские газеты,

особенно об обер-полицмейстере Дмитрие Трепове, оравшем на полицейских, которые не понимали, что он от них хочет.

Утром задержанных увезли на несколько дней в Бутырскую тюрьму, а затем выслали из Москвы, кто куда захотел, в Рязань и Тулу.

В Петербурге студенты дрались с полицией палками и железными цепями, рабочие стреляли из револьверов. Казаки и конные жандармы рубили шашками и били нагайками. За демонстрантов попытался заступиться боевой генерал и член Государственного совета князь П. Вяземский и тут же получил выговор от Николая II. Пули выбили окна в кабинете обер-прокурора Синода Победоносцева, а над демонстрацией реял флаг «За политическую свободу». Беспорядки и волнения проходили во многих имперских городах. Кабинет Министров приостановил действие «Временных правил о студентах-солдатах», уже в марте 1901 года. Сановники, наверное, услышали новый революционный лозунг: «Каждому министру – по Карповичу». Самого убийцу Боголепова казнить побоялись. В декабре 1901 года были опубликованы написанные в спешном порядке «Временные правила о студенческих учреждениях», как всегда половинчатые и поэтому невыполняемые. Самодержавие, как всегда, действовало неумно и поздно, в 1902 году студенческое движение приняло официально признанный политический и ярко выраженный политический характер.

В начале 1902 года прошел Первый всероссийский студенческий съезд и призвал всех сторонников «подвести итог академической борьбе и перейти к открытой политической революционной борьбе». В выпущенном и распространенном по империи манифесте съезд заявил: «Студенческое движение есть движение политическое и своими корнями лежит глубоко в современном общественном строе России. Борьба за студенческие права неизбежно является борьбой против правительства». В университетах создавались комитеты, занявшиеся пропагандой социалистических идей. Способами борьбы студенты объявили обструкции, забастовки и демонстрации, которые должны закончиться завоеванием политической свободы.

После съезда Московский университет провел в январе 1902 года большое собрание в актовом зале. Из окна студенты выдвинули красный флаг и приняли политическую резолюцию, разбрасывали листовки. Трепов окружил университет войсками. В полночь, после безуспешных требований полиции к студентам разойтись, жандармы выломали двери, арестовали тысячу человек и между рядами полицейских отвели их в Манеж, отделив мужчин от женщин, считая, что без женщин, мужчины менее агрессивны. Студентов переписали и отправили в Бутырскую тюрьму, где они отказались даже разговаривать с администрацией, сожгли матрасы и подушки, выставив их в окна Бутырки, и об этом опять говорила вся империя.

Предвзятое следствие многих исключенных студентов надолго сослало без суда в Сибирь, выселили из Москвы в другие города. Все общество в один голос говорило, что наказание не соответствовало вине, следствие проведено наспех и без улик. В империи начала XX века повсюду стали чувствоваться нервная приподнятость. 9 февраля 1902 года курсистка Алларт в упор стреляла в генерала Трепова, но револьвер дал осечку, через несколько дней акцизный чиновник покушался на него с ножом. Впоследствии в Д. Трепова на Николаевском вокзале Москвы дважды стрелял студент А. Полторацкий, впоследствии казненный за попытку к бегству. Когда Трепова перевели в Петербург, сначала на должность обер-полицмейстера, а потом дворцового коменданта, боевая группа опять охотилась за ним сначала устроив целую облаву на Большой Морской улице, но его спасла несусветная охрана, а потом проникла в царский парк Петергофа, Трепова не нашла и пристрелила генерала-адъютанта и московского генерал-губернатора А. Козлова. Самодержавие в начале XX столетия по обычаю оказалось не готово к борьбе с массовым революционным движением. Инакомыслящих в монархии по привычке называли нигилистами и анархистами.

Анархизм, по-гречески «безвластие», в середине XIX века в Европе и быстро распространился в Швейцарии, Австрии, Франции, Италии, Нидерландах, Испании, Португалии,

Латинской Америке. Идеологами анархизма стали М. Штирнер в Германии, П. Прудон во Франции, М. Бакунин и П. Кропоткин в России. Анархизм имел разные виды и оттенки, но всегда отрицал любую государственную власть и проповедовал абсолютную свободу личности. Идеологи выработали четкое определение своего учения: анархизм – учение о безгосударственном обществе, в котором нет принуждения, а отношения людей основаны на добровольном договоре. Анархизм должен уничтожить государство и на его развалинах построить идеальное анархическое общество. Анархизм отрицает любую власть, включая власть, включая власть большинства над меньшинством, которое может большинству не подчиняться.

Главным идеологом индивидуалистического анархизма, для которого главным считается только воля человека, его «я», не признающая ни каких норм, был немец Макс Штирнер (1806 – 1856). Он считал, что «я» все позволено и написал работу «Единственный и его достояние» где и высказался от души: «Добро, как и зло, для меня лишены всякого смысла. Мое дело ни есть ни божье, ни человеческое, ни истинное, ни доброе, ни правое, ни свободное, а только мое. Оно не всеобщее, оно единственное, как один Я. Для меня нет ничего выше меня, и не надо меня уговаривать пожертвовать своими интересами ради интересов государства. Напротив, я определяю войну всякому государству, даже самому демократическому. Если даже просто представить себе, что народная воля действительно представляет волю всех остальных личностей, «коллективную волю», то это ничего не меняет». Штирнер считал возможным только «союз эгоистов».

Француз Пьер Прудон (1809–1865) проповедовал теорию взаимных услуг. В книге «Основная идея революции XIX века» он писал: «Идея договора исключает идею господства. Где нет соглашения, там судейским креслам нет места ни преступлению, ни проступкам. Пока я не хотел этого закона, пока я на него не соглашался, не голосовал за него, не подписывал его, до тех пор он меня не обязывает и для меня не существует».

Немецкий философ Ницше (1844–1900) проповедовал индивидуалистический анархизм и создал теорию «сверхчеловека», высшей породы людей, для которых все человечество только пьедестал, удобрение.

Мыслитель и анархист француз Элизе Реклю (1830–1905) в Берлине участвовал в европейской революции 1848 года, странствовал по Англии, Северной и Центральной Америке, как великолепный ученый географ приобрел авторитет в европейских ученых кругах. После франко-прусской войны 1870 года Реклю воевал за Парижскую коммуну, был изгнан из Франции и стал одним из апологетов анархизма. С большой силой убеждения он писал, что «мы, анархисты, потому что не признаем над собой никаких господ! Нравственность в свободе!»

Реклю называл революцию оплодотворением мирного исторического развития и создал ее теорию, где революция – предшественница и продолжательница эволюции, и ее неизбежное последствие. Чтобы достичь социальной справедливости, угнетенные должны сами добиться своих прав и вернуть себе все, что раньше у них было отнято насилием. Только тогда правда воцарится на земле, только тогда люди будут свободны, счастливы и равны.

Работа Элизе Реклю 1880 года «Эволюция, революция и анархический идеал» почти сразу же была переведена с французского на итальянский, испанский, португальский, немецкий, английский, чешский, румынский и русский языки:

«Все те, кто думает, что мир и спокойствие, в противоположность войне и насилиям, отличают эволюцию от революции, этим только доказывают себе невежество. Революции могут осуществляться и мирным путем, как следствие неожиданной перемены общественных условий, влекущей за собой изменение интересов. С другой стороны, эволюция может быть мучительной, прерываться частыми войнами и преследованиями.

Если река встречает на своем пути какое-нибудь препятствие, вода, собираясь выше его, постепенно образует озеро. Но внезапно вода проникает через плотину и падение одного камня разом решает все дело. Преграда быстро уносится и озеро снова быстро превращается в реку.

Так совершаются революции. Если революция всегда является позже эволюции, то причина этому заключается в сопротивлении среды. Новое явление может осуществиться только силой, которая должна быть тем могущественнее, чем большее сопротивление. Когда старые формы организма, слишком определенные, становятся недостаточными, жизнь делает скачок, чтобы осуществиться в новом виде и совершается революция.

Революция не всегда знаменует собой прогресс, точно так же, как эволюция не всегда ведет к справедливости. Все меняется в вечном движении природы. Застой невозможен. Движение в том или другом направлении неизбежно.

Главная причина упадка всегда лежит в самом общественном строе, когда одна часть общества господствует над другой, когда земля, капиталы, власть, образование, почести принадлежат одному лицу или избранной аристократии. С той минуты, когда невежественная толпа уже не находит в себе сил, чтобы восстать против монополии ничтожной кучки людей – народ фактически умирает и его исчезновение есть только вопрос времени. Грозная чума приходит, чтобы смести с лица земли бесполезный сброд людей, не знающий свободы.

Нет событий, в которых нельзя было бы наблюдать одновременно признаков смерти и обновления. Разрушение чудовищной Римской империи было, конечно, великим облегчением для всех угнетенных. Но наука, промышленность погибли или спрятались, статуи были разбиты, библиотеки сожжены. Народы отреклись от знаний, оставленных им в наследство. Старый деспотизм сменился еще худшим.

Может случиться, что какой-нибудь хороший король или великодушный министр, чиновник-филантроп, добродетельный деспот, употребит всю свою власть на пользу народа, предпримет ряд мер, полезных для всех, отметит тяжелый закон, вступится за угнетенных, чтобы наказать притеснителей, но это почти невозможно. Великие мира сего всегда окружены людьми, заинтересованными в том, чтобы показать им все в ложном свете, и имеющими возможность злоупотреблять своим положением. Несмотря на добрые намерения, все распоряжения добрых деспотов приводят к плохим результатам, так как уже с самого начала они отклоняются от цели, под влиянием настроений, капризов, колебаний, заблуждений и ошибок исполнителей. Хороший поступок суверена бывает вызван давлением общественного мнения и волей народа.

Инициатива всех повелителей – очень призрачна; они уступают давлению. Тех, кто подписывает закон и получает за него хвалы в истории, на самом деле лишь регистрирует решения народа, своего истинного господина.

Революции всегда имели двоякое действие. Можно сказать, что история во всех случаях показывает лицо и изнанку. Совсем через немного лет после Великой Французской революции злодеяния стали совершаться во имя свободы, равенства и братства. Одного крика «революция» недостаточно, чтобы мы немедленно пошли за тем, кто умеет нас увлечь. Разъяренный бык набрасывается на красную тряпку, а народ, всегда находившийся под гнетом, яростно бросается на первого встречного, которого ему укажут. Революция, направленная против властителя или угнетающего режима, всегда хороша; но если она породит новый деспотизм, то можно спросить себя, не лучше ли было бы ее направить иначе.

До сих пор ни одна революция не была безусловно систематична, и поэтому-то ни одна из них не восторжествовала вполне. Все эти великие движения были без исключения почти бессознательными со стороны масс, и шли на пользу руководителей, умевших сохранить присутствие духа.

Всякая революция имела свой завтрашний день. Ход истории от революции к революции напоминает течение реки, сдерживаемое от времени до времени плотинами. Всякое правительство, всякая партия-победительница пробует в свою очередь так направить поток, чтобы использовать его направо и налево для своих лугов и мельниц. Реакционеры надеются, что так всегда будет продолжаться, что народ из столетия в столетие позволит сбивать себя с пути, как

баранов, и его всегда можно будет обманывать при помощи расторопных солдат или красно-речивых адвокатов.

Это вечное колебание и бесконечный труд сменяющихся поколений, беспрерывно катящих скалу, которая их раздавливает, узников, разбивающих свои цепи, чтобы снова быть законными – все это следствие громадного морального смятения. Им не хватало знаний совсем или наполовину. Они пробовали добиться своего не с помощью закона природы, а удачей и желанием, как мистики, которые, идя по земле воображают, что их направляет сверкающая в небе звезда, как корабль, которому попутный ветер надувает паруса.

Время господства одного инстинкта уже миновало. Революция больше не будет происходить наудачу, так как эволюция принимает все больший и больший сознательный и обдуман- ный характер. Раньше народы следили за событиями, не стараясь уловить порядок их смены, но теперь они учатся познавать связь между ними, изучать ее неумолимую логику и начинают сознавать, что необходимо придерживаться определенного направления, чтобы снова завое- вать свои права. Социальная наука исследует причины рабства и указывает средства к избав- лению.

Недостаточно повторять, что «глас народа – глас божий, и испускать воинственные звуки, развивая по ветру знамена. Не надо надеяться разрешать какие бы то ни было вопросы при помощи шальных гранат. Перемены должны осуществляться в умах и сердцах, прежде чем расправить мускулы и превратиться в исторические фигуры. В любом случае то, что верно по отношению к революции, приложимо и к контрреволюции.

Подавляющее большинство людей состоят из личностей, которые живут непосред- ственно, как растения, не стараясь как-нибудь влиять на окружающую среду, в которую они погружены, как капля воды в океане. Человек, служащий идеалу, представляет из себя цель- ный мир по сравнению с тысячами тех, которые живут в оцепенении или в глубоком сне мысли будут без внутреннего возмущения в рядах войска. В известный момент человек может проти- вопоставить свою волю стихийному движению целого народа. Неизмеримо большое значение имеют люди, посвящающие всю свою жизнь на служение общему благу!

Летописи человечества можно определить, как изображение вечной борьбы между теми, кто в положении господ пользуется властью, добытой предыдущими поколениями, и теми, кто родился, полный прорывов, энтузиазма и творческой силы. Призвание первых заключается в том, чтобы преследовать, закрепощать и убивать других. Императоры и правители сажали в тюрьмы, пытали, сжигали новаторов и предавали проклятию их произведения. Они подвер- гают новаторов всем ужасам преследования не потому, что они неправы, но потому, что преж- девременно правы. Мы живем в век инженеров и солдат, для которых все должно делаться по линейке и шнурку. «Равняйся!» – вот приказ этих нищих духом людей, которые видят жизнь в неподвижности смерти.

«Освобождение рабочих будет делом самих рабочих», говорится в декларации Интер- национала. Это заявление верно в самом широком смысле слова. Несомненно, что всех успе- хов на пути прогресса, человечество достигло лишь благодаря личной предприимчивости воз- мутившихся или уже освободившихся граждан. Наше освобождение в нас самих.

Чтобы бороться – надо знать. Настало время, когда можно и должно предугадать, рассчи- тать все перипетии борьбы, когда с помощью науки можно достигнуть победы, которая обес- печит нам социальный мир.

Первое условие победы – освобождение от нашего невежества. Мы хотим знать. Мы не допускаем, чтобы наука была чьей-нибудь привилегией, чтобы нам диктовали законы е, кто чванятся знанием мировых законов. Мы не принимаем истину в готовом виде, мы признает ее только после изучения и обсуждения, мы учимся отбрасывать заблуждение, будь оно хоть с миллионом печатей и патентов. Сколько раз невежественный народ должен был убедиться, что его мудрые наставники научили его лишь одной науке – безмятежно и радостно идти на бойню.

Да сохранит нас бог от правителей, одурманенных собственным величием и преисполненных презрения и прочим смертным.

Современное положение содержит в себе бесконечное множество зол, которых можно было бы избежать. Не надо закрывать глаза на то ужасающее состояние, до которого доведены миллионы наших братьев. Мы живем не на вулкане, а в самом вулкане, в мрачном аду, с надеждой на лучшее и непреклонной волей трудиться ради лучшего будущего. Социальный строй негоден во всех своих частях. История всегда нам говорит, что всякое повиновение есть отречение, что всякое порабощение есть преждевременная смерть. История говорит, что прогресс совершался пропорционально свободе личности, равенству и добровольному соглашению между гражданами.

Жизнь, всегда полная неожиданностей, всегда возрождающаяся, не может приспособиться к рамкам, созданным для времени, которого уже нет. Сложность и запутанность управления часто делают невозможным даже решения дел первостепенной важности. Могущественные властители силой «восстанавливают право» и успех придает законность их действиям, неуспех бросает в ряды негодяев. Когда толпа подданных революционным натиском разрушают регламенты и законы, благодарное потомство возводит их в герои. Поражение обратило бы их в разбойников.

Учреждения, старые и новые, пытаются жить за счет общества, монополизировать его в свою пользу. Социальная психология учит нас, что не нужно доверять власти не только уже установленной, но и находящейся в зародыше. Правящие классы громко хвастаются своим патриотизмом, в то же время помещая свои капиталы за границей. Наш будущий мир не должен быть основан на бесспорном преобладании одних и безнадежном подчинении других, а на полном и свободном равенстве между товарищами.

Задача изучения общества дополняется задачей четко представлять свой революционный идеал. Общество не может делиться на две части, одна из которых остается без права на существование. Нужно добиться для всех людей не только пищи, но и удовлетворения всех материальных потребностей, необходимых для существования всего, что приведет к полному развитию физической силы и здоровья.

Земля достаточно обширна, чтобы дать нам всем место на своей груди и достаточно богата, чтобы мы все имели возможность жить в довольстве. Она может дать необходимую жатву, чтобы все имели пропитание, она производит волокнистые растения, которых хватает на одежду всем, она содержит достаточно камней и глины, чтобы все могли иметь дома.

Все современное искусство распределения благ, зависящее от ожесточенной конкуренции спекулянтов и торговцев, состоит в том, чтобы поднять цены, отбирая продукты у людей, которые могли бы иметь их за бесценок, и, передавая их тем, которые дорого за них платят.

Человек, стремящийся к полному моральному развитию, должен думать, говорить, действовать свободно. Это необходимое условие всякого прогресса, идеал будущего общества.

Наш идеал анархистов означает полную и абсолютную свободу для каждого человека выражать свои мысли обо всем, о науке, политике, морали, без всякого стеснения, только уважая чужую личность. Это также право поступать по своему усмотрению, присоединяя свою волю к воле других людей во всех коллективных действиях. Личная свобода возрастает благодаря общей воле.

Эта полная свобода мысли, слова и действия несовместима с сохранением учреждений, ограничивающих свободную мысль, закрепощающих слово и желающих принудить труженика сложить руки и умереть с голода по приказанию собственника. Анархисты отвергают авторитет догматов. Наш идеал – гармония между всеми людьми, но война свирепствует вокруг нас. При необъятной сложности человеческих отношений само стремление к миру сопровождается борьбой.

Чистые души надеются, что, несмотря ни на что, все устроится благополучно, что в один день мирной революции мы увидим, как защитники привилегий добровольно уступят настояниям снизу, из-за полной невозможности продолжать непрерывные заблуждения.

Всякая власть ищет своего расширения за счет возможно большего числа подданных, любая монархия неизбежно стремится стать всемирной монархией. Едва лишь человек получит власть, военную, административную, финансовую, его естественным стремлением является бесконтрольное пользование ею. Разве может отвлечься от власти каста людей, связанная друг с другом взаимными выгодами, стремлениями, договорами, дружбой, сообщничеством и даже преступлениями. Когда рассадники иерархии и приманки в виде продвижения по службе сохраняют целостность своего сословия, направляя его к цели всей слитной массой, какая может быть надежда на его внезапное улучшение, какой луч всепрощения вселит гуманность в эту враждебную касту. Разве можно логически допустить, что подобная группа может быть доступна вспышкам коллективной добродетели и уступить по каким-либо соображениям, кроме страха? Эта состоящая из людей машина движется, одушевленная слепой силой, и чтобы остановить ее, нужна также коллективная и необоримая мощь – революция. Чтобы водворилось естественное равновесие вещей, надо, чтобы притесненные поднялись своей собственной силой, чтобы ограбленные сами вернули себе свое добро, чтобы рабы отвоевали себе свободу. Только тогда они будут владеть ею, когда возьмут ее в страшном бою.

Закон природы состоит в том, чтобы всякое дерево приносило свой плод, чтобы всякое правительство процветало и плодом его являлись бы произвол, тирания, злоупотребления, грабительство, убийства и бедствия. Лишь только основывается учреждение, чтобы побороть быющее в глаза злоупотребление, как оно создает их вновь уже одним фактом своего существования. В то время как инициаторы руководствуются благородным идеалом, чиновники, которых они назначают, должны, прежде всего, сообразовываться со своей выгодой.

Было бы химерой дожидаться, что идеал человечества, анархия, произойдет из республики, как формы правления. Это возможно только при помощи революции. Так как власть есть не что иное, как возможность применения силы, то первой ее заботой является укрепление всех учреждений, которые облегчают задачу управления обществом.

Современный мир делится на два лагеря: на тех, кто действует в пользу сохранения неравенства и бедности, предоставляя другим повиновение и нищету и оставляя за собой наслаждение и власть; и тех, которые требуют для всех благоденствия и свободы инициативы. Консерваторы, защитники современного социального строя, обладают безграничными владениями, считают доходы десятками миллионов, имеют в своем распоряжении всю государственную власть с целыми армиями чиновников, солдат, полицейских, магистратов, целый арсенал законов, указов, привычную инертность наследственных инстинктов и низменную рутину, вечно сопровождающую побежденных, пресмыкающихся у ног своих гордых победителей. Что могут противопоставить всем этим силам анархисты, делатели нового общества? Без денег, без войска, они действительно должны были погибнуть, если бы не представляли собой эволюцию идей и нравов. Они ни что, но за ними движение человеческой инициативы. Все прошлое страшной тяжестью давит их и, невзирая на законы и полицию, толкает их вперед.

На другой день после бойни мало людей рискнет пойти под пули. Когда одно слово, одно движение карается тюрьмой, очень редкие люди, у которых хватает мужества подвергнуться этой опасности. Редки люди, спокойно обрекающие себя на жертву делу, торжество которого еще далеко и даже сомнительно. Во всем мире нет ни кого, кто бы обладал героизмом русских революционеров, издающих газеты в самом логове своих врагов и наклеивающих их на стену между двух часовых. Если не все угнетаемые обладают геройским характером, то они от этого не менее страдают, не менее жаждут избавления, и то, что они хорошо сознают причину своих бедствий, создает, в конце концов, революционную силу. Мы всегда увидим, что закон не в

силах задержать назревающую мысль. Сок образует дерево, человека создает кровь, общество – идеи. Революция близится в зависимости от внутренней работы сознания людей.

С точки зрения логики, современное государство носит такой смутный характер и облик, что даже самые заинтересованные защитники отказываются его оправдывать. Право сильного торжествует при переходе состояния в одни руки. Было бы стыдно оспаривать старинную поговорку, что «счастье и богатство всегда бывают наградой за труд». Но утверждать, что труд лежит в основе состояния, значит говорить неправду. Богатство – продукт не личного, а чужого труда. Биржевые спекуляции – это разбой. Право силы – этот неизбежный закон, которому одинаково подвержены те, которые едят и те, которых едят. «Силы господствует!» – говорят опоры социального неравенства. Но разве не могут стать сильными революционеры. «Сила выше права», но можно подготовить наступление дня, когда сила будет служить праву. Разве труженики, за которыми одновременно и сила и право, не воспользуются ими, чтобы произвести революцию для блага всех. Как бы могуществен ни был властитель, он будет бессилен перед лицом объединенных одним стремлением, которые поднимутся на него, чтобы обеспечить себе хлеб и свободу. «Король, вера, закон», – говорили когда-то. Веры больше нет, а закон и король без нее бледнеют и превращаются в призраки. Но увы! Как они живучи! Эти мертвецы так же из числа тех, которых «нужно умертвить!»

Невежество исчезает и скоро у революционеров знание будет направлять власть. Это главный факт, который дает нам веру в судьбу человечества. История доказывает нам, что прогресс одержит верх над задерживающими его силами. Ежедневная эволюция непрерывно приближает нас к преобразованиям мирным и насильственным, которые называют «социальной революцией», состоящей в том, чтобы уничтожить деспотическую власть людей и предметов, присвоение личностью продуктов коллективного труда.

Интернационал! После открытия Америки и кругосветного плавания, ни одно событие не имело такой важности в истории человечества. Министры запрещают Интернационал, наказывают за участие в нем тюрьмой и ссылкой. Несчастные безумцы! Вы приказываете отхлынуть морю.

Как только дух требования обратно своих прав проникнет во всю массу угнетенных, любое событие, даже ничтожной важности, может повлечь за собой потрясающий переворот, точно так же, как от одной искры взрывается целый бочонок пороха. Мы вдруг увидим, как забьет ключом колоссальная энергия, скопившаяся в сердцах людей от оскорбленного чувства справедливости, неискупленных страданий, неутоленной жажды мести. Каждый день может привести к катастрофе. Чувство солидарности все больше распространяется и любое частичное содрогание может поколебать все человечество.

Как художник, все время думающий о своем произведении, носит его в себе целиком, прежде чем написать или нарисовать его, так и историк провидит социальную революцию. Для него она уже факт. Мы знаем, что окончательная победа будет нам стоить еще много крови, труда и мук. Интернационалу угнетенных соответствует Интернационал угнетателей. Наши враги, синдикаты миллионеров и промышленников, знают, что они борются за гибельное дело, а мы знаем, что наше дело свято. Они ненавидят друг друга, а мы любим, они стараются дать истории задний ход, а мы идем нога в ногу с нею.

Приближаются великие дни. Эволюция совершилась, не замедлит и революция».

С анархизмом активно боролись идеологи коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Их врагом стал русский столбовой дворянин-эмигрант Михаил Бакунин (1814–1876), проповедовавший в Европе и России идею уничтожения любой государственной власти с помощью анархического бунта люмпен-пролетариата и крестьянства. Бакунин называл всякое государство абсолютным злом: «нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством в Европе». Он отрицал и парламент, и диктатуру пролетариата, считая, что «рабочие, став представителями народа и правителями, перестанут быть работни-

ками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с государственной высоты. Бакунин проповедовал разрушение государства, «как политической организации, которая всегда роковым образом ведет к отрицанию свободы». Его идеалом был свободный союз свободных общин.

В 1868 году Бакунин создал в Женеве анархическую организацию «Альянс социалистической демократии», вошел в состав Интернационала и стал бороться с Марксом и Энгельсом за верховную власть в обществе. Основоположники научного коммунизма Бакунина выгнали, его Альянс распался, а Бакунин пытался проповедовать анархизм в России. У него были последователи в империи, сам Бакунин вместе с известным Сергеем Нечаевым готовил там бунт, в 1872 году создал Анархический Интернационал в Гааге, пытался расколоть европейское рабочее движение, а его соратники распространяли в империи его сборник «Так сказал Бакунин»:

«Государство – переходная форма общежития, глупое хвастовство насилием, опека официально организованного меньшинства. Все государства по своей природе представляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободе и нравственности. Государство – это насилие, притеснение, эксплуатация, возведенные в систему и краеугольный камень существования всякого общества. Государство не имеет нравственности, это противоположность человеческой свободы и справедливости. Его сущность состоит в приказании и принуждении, которые оно делает бессмысленным.

Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя, и способна породить и воспитать в народе только рабство. Ложь то, что избранный народом парламент может представлять истинную волю народа. Мы презираем монархию всей душой, но вместе с тем мы убеждены, что большая республика с войском, бюрократией и политической централизацией сделает внешние завоевание и внутреннюю эксплуатацию своим делом и не даст подчиненным гражданам счастья и свободы. Народ будет служить орудием чужой мысли, чужой воли и чужих интересов. Всеобщее избирательное право в обществе, где народ управляется меньшинством, владеющим собственностью и капиталом, может дать только иллюзорные выборы, антидемократические и абсолютно противоположные потребностям, инстинктам и истинной воли населения. Иллюзия, что рабочий сможет воспользоваться своей политической свободой. У него не хватит времени и денег. Рабочие депутаты сделаются буржуями и станут буржуазнее самих буржуа. Не люди создают положение, а положение людей. Никогда правительственный деспотизм не бывает так страшен и так силен, как тогда, когда он опирается на мнимое представительство мнимой народной воли.

Пока политическая власть будет существовать, будут управители и управляющие, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. Пока человечество будет разделено на меньшинство эксплуататоров и большинство эксплуатируемых – свобода не мыслима и становится ложью. Любая политическая власть неизбежно тяготеет к деспотизму. Любое законодательство создает одновременно и порабощение общества и развращение самих законодателей. Привилегированный в политическом и экономическом отношении человек развращен в своем уме и сердце. Чтобы произвести коренную революцию, надо подкосить самый порядок вещей, разрушить собственность и государство. Тогда не придется уничтожать людей и подвергать себя неминуемой реакции, которую повсюду и всегда вызывала резня людей.

Революция должна разрушить государство и все государственные учреждения. Последствиями этого коренного разрушения будут: государственное банкротство, прекращение государственного взыскания частных долгов, уплата которых будет предоставлена воли должника, прекращение уплаты прямых и косвенных налогов, роспуск армии, суда, чиновников, полиции, духовенства, отмена правосудия и юридического права. После этого – обесценивание и сожжение всех завещаний, купчих, продажных и дарственных записей, тяжб, всего не нужного юридического хлама. Повсюду вместо созданного и охраняемого государством права станет революционное действие: конфискация всех промышленных капиталов и орудий труда в пользу рабочих организаций, где и воцарится коллективное производство, конфискация всей

государственной и церковной собственности, а так же благородных металлов у частных лиц в пользу союза рабочих артелей, образующих общину. За отобранное имущество все потерпевшие получают от общины все безусловно необходимое. Им предоставляется право личным трудом увеличить свое имущество.

Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая причина не может помешать этой революции произойти. Революции независимо от всякой воли и всякого заговора всегда происходят в силу хода самих вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать, но никогда нельзя ускорить их взрыва.

Свобода, нравственность, просвещение и благо каждого при солидарности всех – это есть человеческое братство. Долой всех эксплуататоров и всех опекунов человечества! Свобода и благосостояние труда, равенство всех и братство человеческого мира, свободно составившегося на развалинах всех государств!»

Анархисты-бакунинцы 70-х годов XIX века проповедовали массовые бунты и восстания, а знаменитая фраза Михаила Бакунина – «дух разрушающий есть в то же время и дух созидющий» – стала общим лозунгом анархистов. Профессор Брюссельского и Парижского университетов дал определение анархизма и его связь с социализмом еще в конце XIX века:

«Слово «анархия» образовалось из двух греческих слов – «отрицание» и «правительство, установленная власть, господство». Слово «анархизм» означает систему доктрин, относящихся к анархии. На анархиста часто смотрят как на провокатора беспорядков, а анархию называю синонимом беспорядков. Многие же наоборот, говорят, что анархия – это порядок. Сущностью анархии является свобода и отсутствие власти. Анархисты не допускают никакой власти, за исключением той, которая убеждает. Личность должна иметь право контроля над своими делами. Анархисты хотят сделать порядок с помощью свободного соглашения и свободного соглашения между народами. Анархисты прямо отрицают сам принцип власти, а регламентацию заменяют свободой. Анархия провозглашает, что на свободе социальной единицы зиждется и свобода общества. Порядок может существовать только там, где царит свобода. Анархисты стремятся к абсолютной свободе, наиболее широкому удовлетворению человеческих потребностей без организации, с условием уважать потребности ближних. Анархизм – свободное общество без королей, в котором экономические свобода и равенство всех должны установить полное равновесие. Анархия – это труд, организованный самостоятельно, где граждане свободно вступают в договор не с правительством, а между собой. Свобода и порядок синтезируются в анархию, в совершенном уничтожении принципа власти во всех ее формах. Анархия – есть общество без власти, состояние народа не имеющего более начальства, отсутствие правил, такое общественное состояние, в котором единственным правительством является разум. Анархия – это общество, где царит самая полная свобода. Анархисты убеждены, что общество может управляться само, без правительства».

В конце XIX века действовали Бельгийская федерация анархического Интернационала, Лондонское объединение анархистов, Британская федерация анархического Интернационала, Греческая, Египетская, Испанская федерации анархического Интернационала, Федерация рабочих Испании, Итальянская федерация анархического Интернационала. Анархические организации работали в Канаде, США, Мексике, Уругвае, Голландии, Франции, Швейцарии. Некоторые анархисты, поняв, что им не поднять народ на бунт, перешли к индивидуальному террору, взорвав в 1893 году во французском парламенте, убив в 1894 году президента Франции Карно, убив в 1898 году австрийскую императрицу Елизавету, убив в 1900 году итальянского короля Гумберта.

Карательные органы европейских стран уничтожили анархистов-террористов. Вместо них появились анархо-синдикалисты вообще отрицавшие политическую борьбу и призывавшие рабочих к стачкам, бойкотам, демонстрациям, к плохой работе. Анархисты активно

работали в Европе до Второй мировой войны, когда подъем национального движения резко уменьшил влияние анархизма. Весь XX век анархисты собирались на конгрессы во Франции, действовали в Испании, Швеции, Аргентине.

В России анархизм существовал в три этапа – 70-х годах XIX века, во времена революции 1905–1907 годов и 1917–1920 годов. Идеологом и теоретиком русского анархизма стал князь-революционер Петр Кропоткин (1842–1921), считавший главным законом анархизма сотрудничество, потому, что человек по природе добр, и если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он бы жил прекрасно и вольно. Именно под влиянием Кропоткина, человека с яркой харизмой, в начале 1900-х годов русские анархистские группы были созданы сначала в Европе, а в 1904 году – в России. Сам Кропоткин, как теоретик с 1903 года стал издавать в Швейцарии первый русский анархический журнал «Хлеб и воля».

Петр Кропоткин, рюрикович в трех имениях вместе с братьями имел тысячи крепостных. Еще в детстве он поклялся никогда не издеваться над беззащитными людьми и сдержал слово. В 1861 году он стал камер-пажом императора Александра II. Начитавшись в Зимнем дворце запрещенного Герцена, Кропоткин перевелся на Дальний Восток офицером Амурского казачьего войска. Пять лет Кропоткин бродил в глухих дебрях непроходимой тайги, совершил шесть больших экспедиций, где собрал уникальный научный материал, любовался великими реками Амур и Уссури, встречался в лоб с тибетским тигром и якутским медведем, научился стратегически обобщать отдельные факты и начал создавать свою социалистическую теорию. Почти без оружия он прошел и проехал семьдесят тысяч километров, стал настоящим исследователем, вышел в отставку, вернулся в Петербург и поступил в университет, окончательно решив для себя, что административная машина не может сделать для народа ничего полезного. Кропоткин хорошо понимал природу людей и разбирался в скрытых пружинах общественной жизни. Он никогда не командовал, не приказывал, не распекал, не наказывал и старался замечать дисциплину взаимным пониманием. Еще с детства он перестал подписываться «князь Кропоткин» и говорил, что империи нужна всеобщая грамотность, чтобы человек мог реализовать свой талант, совершить открытие и облегчить жизнь всех подданных: «Люди хотят знать, они хотят учиться, они могут учиться. Крестьяне чувствуют, созерцают, думают. Они готовы расширить свои знания, только предоставьте его им. Вот те люди, для которых я должен работать».

В 1872 году Кропоткин выехал в Швейцарию, встречался со многими уцелевшими руководителями недавно разгромленной Парижской Коммуны, деятелями Интернационала и стал социалистом. Марксисты проповедовали борьбу за политическую власть рабочего движения, имеющего единый центр. Бакунисты утверждали, что нужно уничтожить экономический гнет и неравенство трудящихся, объединявшихся в экономические профессиональные союзы и федерации. Кропоткин стал анархистом, в том же 1872 году вернулся в Петербург и вступил в кружок народников-чайковцев, где сдружился с Софьей Перовской и Львом Тихомировым. Он говорил на встречах с революционерами, что социальная революция неизбежна и необходима безгосударственная организация общества: «Дело в том, что когда темп развития ускоряется и начинается эпоха широких преобразований, может вспыхнуть гражданская война. Революции не избежать, но нужно добиваться наименьших размеров гражданской войны, с наименьшим числом жертв и не увеличивая взаимной деятельности. Необходимо бороться не за незначительные второстепенные проблемы, но за широкие идеалы, способные воодушевлять людей величием открывавшегося горизонта».

Кропоткин занимался революционной пропагандой среди рабочих, у ткачей Нарвской заставы. Рюрикович и князь на специальной квартире переодевался в холщевую одежду, лапти, полушубок и рассказывал ткачам о рабочем движении в Европе и предлагал организовываться в союзы, поскольку другого пути борьбы за власть в империи нет. Через год пропаганды Третье отделение взяло Перовскую и Кропоткина, Александр II лично распорядился посадить своего

личного пажа в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и оставил там без следствия и суда на два года. У Кропоткина развилась цинга, он уже не мог ходить, и по настоянию своих родственников-рюриковичей князя-революционера перевели сначала в дом предварительного заключения, а затем в Николаевский тюремный госпиталь. Оттуда Кропоткин совершил дерзкий побег, взбудораживший Петербург. Александр II в ярости приказал Третьему отделению «разыскать Кропоткина во что бы то ни стало!» Революционер-рюрикович ушел в Финляндию, оттуда в Швецию, Норвегию и Англию. В империю он смог вернуться только через сорок два года.

Весной 1878 года в Париже Кропоткин создал анархическую группу пропаганды, в Женеве писал работы по анархизму и социализму, женился на студентке университета. Время в Европе было горячее – рабочий Гедель, а потом доктор Нобилинг стреляли в Германского императора, в Испании рабочий Монкасси покушался на короля Альфонса XII, в Италии повар Пассананте пытался убить итальянского короля. В Европе заговорили о международном революционном заговоре во главе со швейцарскими анархистами. После убийства Александра II в марте 1881 года Кропоткин поселился на французском берегу Женевского озера и издавал газету «Бунтарь», печатавшуюся в анархистской типографии. В конце 1882 года по требованию Зимнего дворца его арестовали и по старому закону приговорили к пятилетнему тюремному заключению за пропаганду во Франции идей Интернационала, с помощью запрещенной организации. Под давлением Виктора Гюго, Эрнеста Ренана, Герберта Спенсера, Кропоткина из французской тюрьмы выслали в Лондон, где он прожил до 1917 года. Кропоткин заявил, что хлеб и волю можно добиться только союзом рабочих, крестьян и интеллигенции, идущих рука об руку завоевывать равенство для всех. Революция победит и принесет счастье всему человечеству.

Кропоткин активно участвовал в английском рабочем движении, основал первую в Англии анархическую газету «Свобода», разрабатывал теории и практику анархического коммунизма, издал книги «Речи бунтовщика», «Хлеб и воля», «Поля, фабрика, мастерские». Он настаивал на децентрализации промышленности и на интеграции труда, на взаимной помощи людей друг другу, которая должна стать естественным законом, издал книгу «Взаимная помощь, как фактор революции». Эта книга была переведена на ведущие европейские языки. Вся Европа с удивлением и интересом читала о взаимной помощи муравьев, пчел, птиц, животных, дикарей, в средневековье, в XX веке, о человеческой солидарности и тесной зависимости счастья каждого человека, о счастье всех, о справедливости, как главных факторах общественной жизни: «без взаимной помощи человечество не могло бы прожить даже несколько десятков лет». Кропоткин говорил о взаимопомощи, как о высшем способе дарвиновской борьбы за существование, за завоевание сил природы.

В 1905 году Кропоткин заявил, что за первой русской революцией пойдет вторая, политическая и социальная. На съезде русских анархистов в Лондоне он сказал, что «главная сила революции – не в ее материальных средствах, а в ее нравственном величии, в величии преследуемых ею целей для блага всего народа. Без этой нравственной силы ни какая революция не возможна». Кропоткин на английском языке написал работу о полицейских-карателях в империи «Террор в России», которая за месяц разошлась по Англии в десятках тысяч экземпляров. Все английское и европейское общество заговорило об очередном кровавом произволе русского правительства. Работу тут же перевели на французский язык и несколько десятков тысяч книг тут же купили французы. О «Терроре в России» говорили священники в европейских церквях, просившие прихожан молиться «о смягчении сердца русского царя».

Книга Кропоткина «Великая французская революция» одновременно вышла во Франции, Англии и Германии. Он писал не только о Конвенте, но и народных восстаниях, крестьянских бунтах, революционных идеалах. Юбилей Кропоткина в 1912 году праздновался во многих европейских городах митингами и лекциями. В Англии был создан особый комитет

по празднованию семидесятилетия князя-революционера, который в торжественном адресе писал: «Ваша поправка теории Дарвина доставила Вам мировую известность и расширила наше понимание природы. Ваша критика классической политической экономии помогла нам взглянуть более широко на социальную жизнь людей. Вы научили нас ценить важнейший принцип социальной жизни – принцип добровольного соглашения, в противовес принципу государственности, из-за которого люди утрачивают способность самостоятельно мыслить и действовать». На торжественных интернациональных собраниях 9 декабря 1912 года в Лондоне и Париже выступали с поздравлениями и речами самые выдающиеся деятели научной мысли, общественные деятели, рабочие делегаты, говорившие о колоссальном вкладе Кропоткина в науку и свободу, о его борьбе с автократией и аристократией, о его новой социальной доктрине, о его чудном сердце и великом духе.

Петр Кропоткин обобщил свои идеи в работе «Современная наука и анархия». Он доказывал, что анархизм – чисто народное движение, что нигде в природе нет единого центра власти и управления, что главный фактор в истории – творческая роль масс, создающих и поддерживавших цивилизацию и культуру. Государство существует для войн и угнетения народов, и является просто орудием в руках банкиров и промышленников, интересующихся только экономическим господством и рынками сбыта. Написанную и опубликованную в 1913 году работу «Современная наука и анархия» прочитала вся Европа, которой Кропоткин прокричал, что первая мировая война начнется летом 1914 года:

«Анархия – мирозерцание, охватывающее всю природу и жизнь человеческих обществ, политическую, экономическую и нравственную. Анархисты знают, что незнание – это не законченное исследование, суеверие. «Дави всякого, кто слабее тебя: таков закон природы» – такого закона не существует, природа учит нас совершенно другому. «Неравенство имуществ – закон природы» – это просто утверждение или предположение, которое никогда не проверялось на практике.

Революционное правительство быстро становится препятствием для революции. Для ее торжества люди должны отделаться от своих верований в закон, власть, порядок, собственность и другие суеверия, унаследованные ими от рабского прошлого.

Мы, анархисты, представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами гнета и варварства и не властителем, а взаимными соглашениями, привычками и обычаями, развивающимися и применяемыми к новым требованиям жизни, к научному прогрессу. Никаких властей, которые навязывают другим свою волю. Никакого владычества человека над человеком. Вместо неподвижности жизни – постоянное движение вперед, скорое или замедленное, как сама природа. Каждому человеку предоставляется свобода действий, чтобы он мог развить все свои естественные способности, свою индивидуальность. Никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания. Полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде ни какого принуждения. Общество свободных и равных людей сумеет лучше защитить себя от вредных поступков отдельных членов, чем наши современные государства и их полиция, сыщики, тюрьмы – университеты преступника, палачи и суды. Путем воспитания и тесного общения между людьми наше общество сумеет предупреждать такую возможность. Анархия – это идеал масс, а не утопия.

Идеал анархизма – общественный. Самой большой помехой развития государства является отсутствие общественного равенства, без которого чувство справедливости не может сделаться общим достоянием. Справедливость должна быть одинакова для всех, а равенство – существовать на деле. Только в обществе равных людей мы найдем справедливость. Только в таких условиях человек мог бы достичь полного развития личности.

В нашем обществе, которое преследует личное обогащение, и тем самым осуждено на всеобщую бедность в своей среде, самый способный человек осужден на жестокую борьбу, ради крова и пищи. Полное развитие личности разрешается только тем, кто не угрожает никакой опасностью буржуазному обществу – тем, кто для него занимателен, но не опасен. Анархия есть выражение свободного будущего и прогресса.

Анархисты считают, что существующая теперь частная собственность на землю и орудия и средства производства – зло. Наши современные общества должны уничтожить эту систему, если она не хочет погибнуть. Мы должны очень беречься от передачи средств существования и производства в руки современного буржуазного государства. Они должны перейти в руки трудящихся, производителей и потребителей. Все государства теперь зависят от крупного капитала.

Анархия работает для того, что новым формам общественной жизни было легче пробить себе путь, а пробьют они его себе в момент великих освободительных движений. Их выработает созидательная сила народных масс при помощи современного знания. Вот почему анархисты отказываются от роли законодателей и от любой государственной деятельности. Мы знаем, что социальную революцию нельзя произвести законами, потому что они простое приглашение работать в известном направлении. Для этого нужны силы, готовые эти законы реализовать.

Только тот, кто считает другого, как равного себе, может примениться к правилу: «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали другие». Мечтать об уничтожении капитализма, в то же время, поддерживая государство, и получая поддержку от государства, которое было создано за тем, чтобы помогать развитию капитализма, и росло и укреплялось вместе с ним, так же ошибочно, как надеяться достичь освобождения рабочих с помощью царской власти. Каждая победа над капиталом будет так же победой над государством и шагом к политическому освобождению. Это будет освобождением от ига государства с помощью свободного соглашения, территориального и профессионального, и соглашения всех.

После Февральской революции 1917 года Петр Кропоткин в июне из Лондона триумфально приехал в Петербург. Он отказался принять от Временного правительства пост и пенсию. Он предсказал победу большевиков в октябре и переехал под Москву в Дмитров. Он писал: «Революция, раз она началась, должна дойти до своего логического завершения. Надо быть справедливым: коммунисты – истинные социалисты. Они на практике доказали возможность социальной революции и освобождение рабочих от власти капитала». Кропоткин говорил, что идея Советов, контролирующих политическую и экономическую жизнь империи – великая идея, если Советы состоят из всех тех, кто личным трудом принимает реальное участие в создании народного богатства.

В Дмитрове, в тяжелейших условиях гражданской войны и голода Кропоткин писал свою последнюю работу «Этика», в которой утверждал, что «природа не аморальна и не учит человека злу», а нравственность есть у всех живых существ. Он утверждал, что общественная жизнь порождает у людей и животных инстинкт общительности, взаимопомощи, перерастающих в доброжелательность, симпатию и любовь. Из них появляется нравственность, или мораль, состоящая из справедливости, великодушия, самопожертвования. Главным условием социальной справедливости является солидарность: «Без равенства нет справедливости, а без справедливости нет нравственности».

Зимой 1921 года у Кропоткина не стало дров, денег не было, великий революционер простудился, месяц болел воспалением легких и умер 8 февраля 1921 года, сказав: «какой тяжелый процесс умирание». К этому времени анархисты в России сошли на нет.

Анархизм стал развиваться в России после 1907 года. Во всех крупных имперских городах появились анархистские организации, распространявшие свою литературу, призывали к забастовкам, совершали экспроприации и террористические акты. Анархисты не только агитировали, но и занимались политическим и экономическим террором. Монархия в 1907 году уже

расправилась с первой русской революцией. В течение одного года казнили более ста анархистов, многих сослали и они смогли удержаться только в Екатеринославле.

Анархистское движение оживилось только после Февральской революции 1917 года из-за последовавшей за ней амнистией. Вернувшиеся из ссылки и эмиграции анархисты стали создавать свои группы в городах империи. Во всех революционных Советах были фракции анархистов, занявших особняки и дворцы в Москве и Петрограде. Временное правительство их не трогало.

После Октябрьской революции 1917 года анархисты против большевиков не выступали и получили полную свободу. В империи выходили их газеты «Анархия», «Буревестник», «Голос труда», издаваемые анархо-синдикалистами и анархо-коммунистами. В Петрограде на демонстрациях появилось черное анархистское знамя «Долой власть и капитал». Революционеров в империи даже стали называть «анархо-большевики».

Анархисты уже через несколько месяцев стали критиковать Ленина: «нет и не будет исключения и для нынешней большевистской власти, которая в процессе ее организации превратится в деспотию, распространившую гнет вокруг себя». Дружественная критика быстро становилась враждебной.

Анархисты предложили свое решение в экономике – убрать капиталистов, заменить их крестьянскими и рабочими коммунами. Регуляторами народного хозяйства будут только спрос и предложение. Тогда процесс перехода империи к анархо-коммунистическому строю совершится без ломки общества.

Первый и единственный съезд анархо-коммунистов, на котором было представлено пятнадцать губерний, прошел в Москве 25 декабря 1918 года. К тому времени анархисты уже открыто боролись с большевиками, многие из них переходили на сторону Советской власти и вступали в коммунистическую партию.

Весной 1918 года большевики выбили из московских и петербургских особняков анархистов, совершавших налеты и экспроприации. Их репутации сильно повредило то, что к анархистам приставали уголовники и бродяги. Газета «Анархия» пыталась защитить свое движение: «Нашим именем совершаются гнусности, подлости, низости, убийства, грабежи и злоупотребления принимают устрашающие размеры. Явно чувствуется «белая ручка». Это систематизированная гнусная и темная работа белой гвардии. Среди грабителей огромный процент бывших кадровых офицеров и людей с высшим образованием». Впоследствии это в своих мемуарах подтвердили и бывшие белогвардейцы. Эмма Гольдман писала в своей работе «Анархизм», вышедшей в Петербурге в 1921 году: «Распространившаяся в обществе умственная лень подтверждает, что осуждать проще, чем думать. Анархизм заставляет человека думать, расследовать и анализировать. Все формы правления основываются на насилии и поэтому являются ложными, вредными и ненужными. Государство имеет в виду внушить своему народу только те качества, при которых его приказания будут исполняться и его казна будет пополняться. Государство требует часовой бездушной машины, платящей налоги, работающей без перебоя, казны, в которой никогда не бывает дефицита, и народа послушного, бесцветного, бездушного, идущего как стадо овец, вдоль прямой дороги между двух стен. Анархизм стоит за мятеж и восстание во всякой форме против всего, что мешает человеческому прогрессу».

Эсеры исследовали феномен анархизма и известный социалист-революционер Алексей Боровой писал в 1920 году: «Анархизм верит в непрерывность мирового развития, не останавливающий рост человеческой природы и ее возможностей. Наши потребности чудесно растут, человек становится полем для всевозможных открытий, он поистине неисчерпаем. Прав был Гетте, говоря, что земной жизни не довольно, чтобы достигнуть совершенства. Анархизм борется с культурой за культуру».

В ноябре 1918 года на конференции в Курске часть анархистов создала группу «Набат» и уехали на Украину, где проповедовали безгосударственность и борьбу против большевиков. Во главе со знаменитым батькой-атаманом Нестором Махно анархисты попытались на юге Украины образовать свое государство. С концом Махновщины в 1921 году закончилась мечта анархистов о создании в России безвластного общества.

В Москве последний анархический террористический акт прогремел в декабре 1919 года. Ушедшие в подполье анархисты, в отместку за расстрел парламентариев-анархистов руководителем большевистской армии Л. Троцким в начале осени 1919 года, решили взорвать ленинское руководство. 25 сентября большое совещание проводил Московский комитет партии большевиков. На него были приглашены видные ленинцы Бухарин, Коллонтай, Ногин, Арманд, Каменев, Крестинский, Смидович и по семь партийцев от каждого района Москвы. Лидеры большевиков были случайно отвлечены на другое собрание, и это спасло им жизнь.

В бывшем графском доме 18 по Леонтьевскому переулку на совещание собралось более ста коммунистов. Было очень душно и в зале открыли окно. Через несколько минут в окно влетела пятнадцатикилограммовая анархистская бомба. Погибло пятнадцать ленинцев во главе с секретарем Московского комитета партии большевиков В. Загорским, и было ранено 55 человек, включая Бухарина и Ярославского.

Расследование быстро и эффективно провел лично председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Феликс Дзержинский. Он уничтожил анархистов-подпольщиков и расстрелял их видных лидеров. Газета «Анархия» на следующее утро после взрыва в Леонтьевском переулке писала: «Для экономии революционной энергии сейчас возможна лишь борьба динамитом. Вслед за взрывом в Леонтьевском последуют другие. С комиссарами-генералами мы отныне начнем разговаривать на языке динамита».

Анархо-большевистского договора не получилось. Дзержинский пересчитал двадцать пять членов «Всероссийской организации анархистов подполья», имевших газету, литературную группу, типографию, боевую группу, динамитную мастерскую. ВЧК окружила их центр на даче в подмосковном Краскове. Во время штурма были убиты руководители анархистов подполья Казимир Ковалевич и Петр Соболев, оставшиеся в живых взорвали вместе с собой и чекистами динамитную мастерскую, находившуюся на даче. Больше террористических актов анархисты в России не совершали, а пытались проповедовать свою веру: «Я анархист и поэтому не стану управлять, не желая быть управляемым!» Эмма Гольдман писала: «История человеческого развития – это история отчаянной борьбы каждой новой идеи, возвещающей более светлое будущее. Приверженцы старины не когда не колеблются пустить в ход саамы подлые и жестокие методы борьбы, чтобы удержать наступление нового. Дыба и кнут еще живы среди нас, рядом – халат арестанта. Общественная злоба работает против духа, смело идущего вперед. Как самое революционное и некомпромиссное течение, анархизм должен был встретиться с невежеством и злобой мира, который он хотел перестроить. Невежественные массы не претендуют на знание и терпимость и действуют импульсивно, как дети: «Почему? А потому!»

После смерти Петра Кропоткина в 1921 году большевики выслали всех видных анархистов из бывшей империи. Они покинули бывшую империю, напечатав напоследок в Москве теоретическую работу А. Карелина «Что такое анархия?»:

«Анархия совсем не означает беспорядка и насилия человека над человеком, хотя само слово употребляется как «беспорядок». Скорее климат Сибири можно назвать тропическим, чем наш «беспорядок» анархическим. Анархия – мечта всех возлюбивших истинную свободу, идеал всех истинных революционеров. Анархия – порядок и гармония, равновесие и справедливость, идеал демократии и надежда свободы, высшая цель революции и обетованная земля возрожденного человечества.

Общество безвластия и равенства невыгодно буржуазии, которой нет места в этом обществе. Оно не выгодно богатой интеллигенции, которая лишится в этом обществе возможности властвовать.

На невыгодные для богатых людей учения всегда клеветали. Беспорядок и насилие неизбежны и в социалистических государствах.

Анархисты – не грабители и убийцы. Простые грабители называли себя анархистами и под угрозой смерти требовали денег. У анархистов нет комиссий, принимающих новых членов, потому, кто хочет, тот и называет себя анархистом. Враги лезут к революционерам, когда они побеждают. Они вмешиваются в революционное дело, если может быть пожива и получена выгода. Анархия – это такое общество, в котором нет принудительной власти, нет управления человека человеком, нет тех мук, на которые отдают своих подданных правители за то, что им не повинутся. Анархия – это совершеннейший порядок, полное спокойствие, справедливость, единение, содружество, взаимопомощь, сострадание, самопожертвование. Анархия отрицает государственную принудительную власть с ее мучениями, с ее ужасными тюрьмами, хуже которых не выдумал бы и сбор дьяволов, с ее смертными казнями, издевательствами и злодействами. Анархия отрицает принудительную власть хозяев-капиталистов, дающую им возможность угрозой голода заставлять нуждающихся в работе людей повиноваться их приказам.

Анархисты прекрасно знают, что люди жили и всегда будут жить обществами, им выгодно и приятно жить в общезитии. Анархисты стремятся не разрушению общества, а к его спайке. Они стремятся к созданию гармонического, дружеского общества вольных и равных людей.

Государство – это враждующее общезитие, правители которого обладают принудительной властью, а подданные ее не имеют. Первые заставляют других повиноваться угрозами мучений. При анархии не возможны эксплуатация и угнетение одних людей другими.

Принудительная власть развращает правителей и управляемых. В незнающих государственной власти обществах нет сословий, нет злости, нет мстительности, нет жестокости, нет властолюбия, нет насилия, нет угнетения, нет коварства, нет подлости. Коммунистические общества отличаются общительностью, нравственностью, мягкостью, свободным развитием чувств, не уродуемых влиянием личного интереса, сознанием собственного достоинства и вниманием к общественному мнению. В обществе равных и вольных не будет зависти и злости, покорности и холопства. Среди равных людей создастся чувство глубокой справедливости.

Без правителей мы не погибнем, а только впервые узнаем, что такое счастье. Правители держатся только насилием. Пусть они докажут нам, что это не так. Пусть они хотя бы на месяц прогонят полицейских, судей, солдат. Посмотрим тогда, много ли найдется людей, которые им будут служить.

Беспорядок, которые вносят в общество отдельные люди – детская забава перед кровавым беспорядком создаваемых государствами войн. Война, это кровавый бред деспотичных и демократических правителей, – будет бичом, постоянно хлещущим человеческий род, и исчезнет только с исчезновением государства. Нам говорят, что государство защищает людей от преступников, но оно не может уничтожить преступников, кость от кости и порождение государства. Государство только мстит преступникам и так свирепо, что делает новых преступников. Все, что государство делает для общества, без его вмешательства было бы сделано более полезным и не таким вредным для общества образом. Государство всюду вносит свое развращающее влияние, свое насилие, создает свою иерархию и привилегию. Лев Толстой сказал, что «государство – это собрание одних людей, насилующих других». Государство – это правители. Государство – это господство сильных. Государство совершает самые подлые преступления над людьми и сеет преступность. Люди верят в то, что государство необходимо, даже верят в то, что может существовать хорошее государство.

Объединение – кооперация и взаимопомощь – вот что приводит людей к счастью.

Большевистское государство никогда не будет отличаться от современного государства: та же власть и та же необходимость в этой власти. Напрасно вместо слова «государство» подставляются слова: «пролетариат захвативший власть в свои руки». Большевики говорят, что их государство будет иметь целью управление вещами, а не людьми. Это неправда. Через управление вещами они будут управлять людьми. Господство пролетариата заменится господством интеллигенции и чиновников.

Анархисты, конечно, не думают декретировать отмену государства. Декрет – орудие государства, и не может быть орудием анархистов. Государство исчезнет тогда, когда люди убедятся, что власть правителей не нужна. Говорить, что анархисты требуют разрушения государства, что они хотят снести его с лица земли, нельзя. Мы не сторонники революционного насилия во что бы то ни стало. Если государство просто отомрет, а не будет сброшено революционным взрывом, то тем лучше.

Революции не импровизируются, не происходят даже по воле могучих организаций. Они вспыхивают под влиянием глубоких причин, из которых важнейшей является энергия, накопленная народом и не нашедшая себе выхода вне революции. Если потенциальная энергия очень велика, то ее стихийный взрыв может снести государство социалистическое, которое может умереть и из-за всенародного бойкота.

Учение социал-демократии ошибочно и ненаучно. Народные массы России не раз поднимали анархические бунты против господ, усердно создававших всевозможные учреждения государственного насилия. Стремление народа к вольной жизни сильно в России и сейчас, но подавляется принудительной государственной властью.

Анархическое общество возможно лишь в том случае, если люди перестанут облекать других людей властью. Только сам народ в своем вольном народоправстве может выковать свое счастье, свалив всякую власть, хотя бы и социалистическую, уничтожив всякий капитализм, хотя бы и государственный. Самодеятельностью и надеждой только на самого себя, а не на правителей, не на хозяев, народ добьется большей воли и светлого счастья для всех не угнетенных, не эксплуатируемых, а для вольных и независимых людей.

Социальная революция возможна. Опасность растет и ужасная развязка приближается. Жадные до власти и до богатства люди употребляют все усилия для того, чтобы выдать социалистическую революцию за социальную, для того, чтобы помешать народам устроиться на началах вольного рабочего социализма».

На рубеже XIX и XX веков имперская самодержавная монархия была не готова к борьбе против создававшихся массовых революционных партий, и массовое студенческое протестное движение на нее особого впечатления не произвело. Это была очередная ошибка самодержавия и исправить ее оно уже не смогло.

Атака самодержавия

В очень жаркий июльский день 1904 года по Аптекарскому острову орловские рысаки везли бронированную карету. За каретой быстро неслись полицейские дрожки с четырьмя агентами, все четверо телохранителей на велосипедах ехали между дрожками и каретой, чуть справа и слева от охраняемого объекта. На доклад к Николаю II в Царское село отбывал все- сильный и многолетний столп самодержавия и министр внутренних дел Вячеслав Плеве, формальный победитель «Народной воли». Раз в неделю, в точно определенное время он отправлялся со своей дачи на Аптекарском острове на Балтийский вокзал и на поезде ехал в Царское село, главную летнюю резиденцию императора всероссийского, докладывать Николаю II о том, как приближается к России социалистическая революция. Карета Плеве проехала по Кронверкской набережной мимо места казни декабристов, по Биржевому мосту въехала на Стрелку Васильевского острова, затем по Дворцовому мосту, мимо Зимнего и Адмиралтейства, пронеслась на Вознесенский проспект, миновала Исаакиевский собор, по Синему мосту перескочила Мойку, проехала через Екатерининский канал, пересекла Садовую улицу, по Измайловскому мосту переехала Фонтанку и въехала на Измайловский проспект. До Балтийского вокзала оставалось менее километра и уже была видна набережная Обводного канала.

По левой стороне Измайловского проспекта один за одним на расстоянии тридцати метров друг от друга шли четыре боевика недавно созданной партии социалистов-революционеров. Первый, рабочий, должен был пропустить карету все- сильного министра и взорвать ее, если она вдруг повернет назад. Вторым, боевик, студент, считался основным метальщиком. Если бы он не взорвал Плеве, третий боевик, студент, и четвертый, рабочий, должны были взорвать карету, если бы она прорвалась за вторым, основного метальщика. Карета Плеве проехала мимо первого боевика и влетела в стометровую эсеровскую ловушку. У министра внутренних дел империи больше не было шанса остаться в живых. Боевики специально дублировали схему атаки народовольцев на императора Александра II 1 марта 1881 года, и казалось, что тень грозного Исполнительного Комитета накрыла Измайловский проспект. Бронированная карета почти поравнялась со вторым метальщиком и боевик со всего размаха всадил пятикилограммовую адскую машину прямо в каретное окно. Его тут же сбил с ног охранник-велосипедист и упал на боевика. Раздался страшный взрыв и все- сильного Плеве не стало. Рядом с израненными охранниками медленно кружась, падал на землю большой белый лист бумаги с крупно написанными буквами: «Приговор Боевой Организации Партии Социалистов-Революционеров душитель гражданских и политических свобод». Взорвавший Плеве Егор Сазонов объявил, что эсеры по примеру своих духовных отцов-народовольцев, взяли за оружие потому, что самодержавие не считало подданных людьми: «С нами обращаются как с гонимым избиваемым зверем. Потому мы оскалили зубы, потому мы взяли за оружие. Террор против террора забывшихся в своем произволе сановников. Смерть за смерть, раны за раны и за бесчестье. Революционный суд для безответных перед законом и народом олигархов!»

Глухое время конца XIX века в империи закончилось задолго до его окончания. Преемницей и наследницей «Народной воли» объявила себя партия социалистов-революционеров, «подняв ее не знавшее побед, но не запятнанное знамя, залитое кровью героев». Массовая революционная партия создавалась из отдельных революционных групп и кружков. Один из ее основателей и отчаянный боевик Степан Слетов успел записать историю возникновения и объединения имперских социалистов в партию:

«Медленно и нестройно, словно ошупью, шло развитие социалистической мысли и деятельности в организациях девяностых годов, шло и протекало многочисленными ручьями и ручейками, то, выбиваясь бойким ключом наружу, то, рассасываясь и пропитывая пористую

почву, то, исчезая бесследно. Развитие шло вширь, на все более широкие слои населения, и вглубь, усиливая резкость приемов борьбы и решительность ставящихся задач. От попыток объединить уцелевших народовольцев, через возвращение кружковой работы на местах, от пропаганды к агитации движение развертывалось в наступление открытым фронтом. С 1891 года небольшие кружки культурной интеллигенции пробудили общественно сознание у массы «умственного пролетариата», вступившего в лице студенчества в открытый бой с существующим строем. Союзы земляков-студентов и раньше выступали с демонстрациями и резкими политическими заявлениями. В конце XIX века масса студентов встала сначала на защиту своих академических интересов, а затем, увлеченная самой логикой вещей, перешла в наступление против самых основ политического строя. Точно так же из мелких рабочих кружков, занимавшихся саморазвитием, социально-революционная волна сначала разлилась стачечным движением в защиту экономических и профессиональных интересов, а затем силой той же логики событий слилась с бурным наступлением студенчества против общего врага. Крестьянство, молча гнувшее спину под тяжестью стихийных бед, изнемогавшее под гнетом нужды и произвола, также начинало выпрямляться и узнавать общего врага».

В 1893 году в Париже во главе с Лавровым возникла «Группа старых народовольцев». Через год в Берне был создан «Союз русских социалистов-революционеров», издававший газету «Русский рабочий». В 1896 году группа социалистов-революционеров появилась в Киеве. В том же году в Саратове был организован «Союз социалистов-революционеров», перебравшийся с Волги в Москву, где Союз возглавил старый революционер, тридцатилетний Александр Аргунов, выработавший основную программу создававшейся партии. В 1896 году «Северный союз социалистов-революционеров» в своей типографии в Финляндии издал «Основные положения программы» Союза, где сразу указал, что она во всем главном сходна с программой «Народной воли». Главными средствами для достижения цели, захвата власти, Союз считал пропаганду, агитацию террор и массовую революционную борьбу: «Политический террор, диктуемый нашим революционным прошлым, заключается в уничтожении наиболее вредных и влиятельных лиц русского самодержавия. Систематический террор вместе с фабричными и аграрными бунтами, демонстрациями приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы. Террор также послужит и средством агитации и пропаганды, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа, борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы. Террористическая деятельность также является для всей тайной революционной партии средством самозащиты и охраны от шпионов и предателей».

В 1897 году группа специалистов-революционеров была образована в Петербурге. В августе этого года на съезде в Воронеже присутствовали делегаты киевской, полтавской, харьковской, воронежской, петербургской групп социалистов-революционеров. В ноябре они вновь встретились в Полтаве, а в августе 1898 года провели съезд в Киеве, на котором присутствовали эсеры Воронежа, Саратова, Чернигова, Екатеринослава. Московский «Северный союз социалистов-революционеров» начал издавать свой печатный орган – газету «Революционная Россия», выходившую до 1905 года. Типографию смогли организовать в Финляндии, в Куоккале, в имении одной революционной помещицы. В декабре 1900 года вышел первый номер «Революционной России» были напечатаны программа Союза, листовки, прокламации, брошюра «Наши задачи». Газета широко разошлась по всей империи и уже летом 1901 года общество читало во втором номере «Революционной России»: «Можно подумать, что в нескольких днях перехода от XIX века к XX – му заключалась какая то особая историческая энергия. Великие силы разрушения и созидания денно и нощно работают над общественным организмом, уничтожая и выделяя отживающие элементы и образуя новые и нет конца этой работе. Вот вам эволюция. Когда молодая жизнь выросла в недрах старой, она разом разбивает окостеневшие

покровы и является на свет божий, блистая свежестью и красотой. Вот вам революция. Снова, как двадцать лет тому назад, перед нами стоят во всей своей жизненности задачи, написанные на знамени «Народной воли». Рабочий класс ждет своей революционной программы, и мы видим, что рабочая программа «Народной воли» снова начинает завоевывать себе почву».

В 1899 году в Минске Григорий Гершуни и Екатерина Брешко-Брешковская создали «Рабочую партию политического освобождения России». Группа имела свою типографию, которая напечатала очень яркую террористическую брошюру «Свобода», наделавшую много шума в империи. Теория почти народовольца писателя Николая Михайловского о «героях и толпе», по которой историю делают отдельные выдающиеся личности, герои, была популярна в империи. Зимний дворец приказал начальнику Московского охранного отделения Сергею Зубатову разгромить появившихся эсеров. Давно уже прошли те времена, когда привилегированные сословия всех тех, кто не держал перед ними руки по швам, называли нигилистами, используя это слово, введенное в обиход Иваном Тургеневым, как бранную кличку или ярлык. Нигилисты, особое идеологическое течение среди русской интеллигенции, с начала 1860-х годов, уже не занимали видное место в имперском обществе. В середине XIX века нигилисты боролись за освобожденные мысли от давления самодержавных традиций. Это были безусловные индивидуалисты, во имя личной свободы отрицавшие все стеснения, налагаемые на человека обществом, семьей и религией. Нигилисты протестовали не против политического деспотизма, а против нравственного, угнетающего личность в ее частной жизни. Нигилисты воевали со всем, что не было основано на чистом и здоровом разуме, и доводили свою словесную борьбу до абсурда. Они называли искусство одним из проявлений идеализма, потому что простой сапожник выше великого Рафаэля, потому что он делает полезную всем обувь, а картины художника Возрождения ни на что не годны. После того, как нигилисты стали говорить, что женщины равноправны с мужчинами, их общественное движение перешло в революционное народничество, из которого была образована грозная «Народная воля». После глухого десятилетия Александра III начался новый революционный шторм и Зимний дворец, кажется, понимал, что жандармы, еще со времен Николая II занятые фальсификацией и созданием из ничего якобы крупных политических то ли дел, то ли заговоров, с этим новым штормом не справляются. Самодержавие поняло, что для борьбы с массовым недовольством населения должны быть созданы новые полицейские структуры. О том, чтобы просто убрать причины этого коллективного недовольства подданных, конечно, не могло быть и речи. Для этого привилегированным сословиям пришлось бы обогреть свои руки работой, и это было совершенно неприемлемо. Империя конца XIX столетия просто ломилась в 1917 год.

Революционеров конца XIX столетия монархия называла «внутренними врагами государства, ворами, мошенниками, убийцами, шпионами, социалистами, идущими против государства и внутреннего порядка в империи». В этой внутренней войне жандармам было, конечно, не победить. Создание десятков охранных отделений в монархии возглавил бывший революционер Сергей Зубатов.

Человек, который мог изменить историю Российской империи, родился в 1863 году в Москве. Он поступил учиться в гимназию, быстро увлекся социалистическими идеями, вступил в народовольческий кружок Михаила Гоца, будущего теоретика терроризма и создателя партии эсеров, и попал в поле зрения московского охранного отделения своими резкими высказываниями в адрес самодержавия. В шестом классе он ушел из гимназии, то ли по требованию своего отца, боявшегося, что сын уйдет в революционеры, то ли как неблагонадежный ученик. Зубатов поступил служить на московский телеграф, продолжал общаться с последними народовольцами и женился на одной из известных в Москве сестер Михиных, владелиц очень популярной в Москве либеральной библиотеки, где постоянно встречались молодые люди разных политических убеждений. Летом 1886 года его незаметно задержал на улице и лично заагентурил начальник московского охранного отделения ротмистр Бердяев. В либе-

ральных и революционных кружках молодые люди обсуждали взятые из библиотеки книги, выходившие на разных европейских языках, писали и читали рефераты о социализме, о политической экономии, о рабочих проблемах. Муж хозяйки либеральной библиотеки мог знать всех действующих оппозиционеров и даже потенциальных инакомыслящих и вскоре секретный сотрудник охраны Сергей Зубатов начал выдавать своих бывших товарищей-народовольцев. Он даже на полицейские деньги помог организовать нелегальную типографию, которая начала печатать революционные газеты, листовки, прокламации. В мае 1887 года охранное отделение арестовало в Москве около двухсот революционеров, и за заслуги перед монархией Сергей Зубатов стал кадровым сотрудником охраны. Через два года он был назначен помощником начальника московского охранного отделения. Среди выданных Зубатовым революционеров был Л. Меньшиков, сначала секретный сотрудник, потом филер, а потом кадровый чиновник охраны и подчиненный Зубатова.

В 1896 году Сергей Зубатов в тридцать три года был назначен начальником Московского охранного отделения и это было очень большое повышение в очень молодом возрасте. Зубатов сблизился с новым обер-полицмейстером Москвы Дмитрием Треповым, сыном того самого губернатора Петербурга, в которого стреляла Вера Засулич. Трепов познакомил Зубатова с всесильным генерал-губернатором Москвы, дядей Николая II Сергеем Александровичем, к тому же женатым на сестре императрицы. Сергей Зубатов рассказывал начальникам о своей тотальной вербовки провокаторов из среды революционеров, о разложении либерально-демократической оппозиции, о своих монархических идеях. Один из его офицеров, знаменитый в будущем командир личной охраны императора Александр Спиридович писал: «Зубатов смог поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту. Осведомленность отделения была изумительны. Его имя сделалось нарицательным и ненавистным в революционных кругах. Москву считали гнездом провокации и заниматься в ней революционным делом считалось безнадежным».

Зубатов поставил на учет в Москве триста тысяч оппозиционеров, инакомыслящих, революционеров, заведя на каждого карточку, желтые – для студентов, белые – у либералов, зеленые – у анархистов, розовые у эсеров, синие – у социал-демократов. Офицеры Московского охранного отделения накопили обширные материалы об оппозиции, их деятельности, приемах и методах борьбы, стали великолепными профессионалами и работали не только в Москве, но и по всей империи. Зубатов повел успешную и ожесточенную борьбу со всеми революционными проявлениями в монархии, блокируя рост студенческого движения, контролируя объединение разбогатевших крестьян и городских предпринимателей, создание партии социалистов-революционеров. Провокация, как метод разведки и наблюдения в среде оппозиции, применялась в самых широких размерах. Изобретательность и новаторство статского советника Зубатова в развитии имперского политического сыска были поразительны. Зубатов, никогда не имевший офицерского звания, был прекрасно начитан, хорошо знал историю, интересовался проблемами социализма. Он был убежденным монархистом и считал, что царская власть дала России величие, прогресс и цивилизацию и являлась единственно подходящей ей формой правления: «Без царя не может быть России. Счастье и величие России – в ее государях и их работе. Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России – идут против России. С ними надо бороться не на жизнь, а на смерть. Главным приемом борьбы Зубатов считал провоцирование преступлений. Он прекрасно понимал, где работает: «Вся штука в департаменте полиции и именно потому, что они – жулики. Не может быть при жульничестве хороших честных отношений. А разве у них так? Ведь они кошка с собакой. Жулики, а не исключение. Из-за них мучайся и порть кровь. Я говорю, что надо захватить дела насколько сил хватит, чтобы этим обеспечить за собой успех в революционной борьбе, а на меня доносят, что я преследую личные виды самовозвеличивания. Нет, от департаментских мозгов прямо г... пахнет».

Руководителем главного в МВД, Особого отдела стал Л. Ратаев, в прошлом помощник министра внутренних дел Д. Толстого, лично допрашивавший всех членов Исполнительного Комитета «Народной воли». Хотя в системе политического сыска империи его полувежливо звали «господин Отлетаев» из-за его любви к богатым видам отдыха и путешествий, Ратаев быстро понял, что Зубатов намного талантливее даже знаменитого Судейкина и фактически доверил ему заведывание политическим розыском монархии. Основой системы Зубатова стала внутренняя агентура, провоцировавшая революционные преступления. Искусство провокации при Зубатове приняло такой утонченный вид, что она стала почти незаметной обществу, а потому не имела скандального характера. Если бы у Зубатова в распоряжении было хотя бы десять лет спокойной работы, он бы мог спасти империю от кровавой революции, но у Зимнего дворца весь XIX век было плохо с мозгами, и это приближало и приближало его кровавую гибель вместе с миллионами ни в чем не повинных подданных.

Одним из основных типов провокаторов у Зубатова были революционные агенты-пропагандисты. Сам статский советник и герой имперского сыска любил в революционной молодости раздавать рабочим и студентам нелегальную литературу, а потом давал их адреса охране. Точно так же боролся с народовольцами и знаменитый впоследствии сексот Петр Рачковский, сдававший потенциальных революционеров жандармов десятками.

Секретный сотрудник входил в оппозиционные круги, к студентам, литераторам, рабочим и распространял среди них революционные прокламации и листовки. На собраниях и встречах он призывал людей к забастовкам, демонстрациям, незаконным акциям, предлагал брать у него для распространения нелегальную литературу. Он снимал на деньги охраны помещения для собраний и подстрекал людей к нарушению закона. Сотни зубатовских провокаторов инсценировали государственные преступления и тысячи либералов арестовывались и ссылались без суда на север и в Сибирь.

На заводы и фабрики по приказам охранников и жандармов принимали их агентов-рабочих, которые провоцировали работающих там людей на митинги, создание кружков, проведение собраний, обсуждение нелегальной литературы. Дошло до того, что многие фабриканты и заводчики стали подавать жалобы губернаторам, чтобы с их предприятий убрали провокаторов и помогали рабочим их обезвредить. Жандармы и охранка рапортовали в МВД, которое все знало, о ликвидации заговоров, революционных организаций и всяких других анархистов и чины социальных служб с удовольствием получали чины, пожалования и премии.

Особенно охранники и жандармы любили «обнаруживать» революционные типографии. Тайных типографий, само собой, на всю полицию не хватало, и деятели имперского сыска с помощью своих секретных сотрудников сами ставили и организовывали типографии, конечно, на казенные деньги. Сексоты привлекали к типографиям настоящих революционеров, которые носили им тексты прокламаций и листовок. Месяцами типографии печатали революционные воззвания, которые тысячами расходились по империи, а секретные сотрудники все устанавливали и устанавливали членов революционных партий. В Зимний дворец шли доклады сенаторов и членов Государственного совета о том, что в такой-то «типографии принимал активное участие агент губернского жандармского управления или охранного отделения, который ее организовал, нанял для нее помещение и в течение нескольких месяцев занимался печатанием революционных произведений». Жандармы и охранники арестовывали созданные ими типографии и всех тех, кто оказывался рядом с ними, и получали за это орден и внеочередной чин. Местные революционные организации значительно увеличивались за счет новых членов, оппозиционно настроенных к монархии после многомесячного чтения нелегальных изданий.

Много горя невинным людям принесли агенты-террористы из охранных отделений и жандармских управлений. На эшафоты и виселицы шли спровоцированные революционеры, а провокаторы алчно считали свои серебрянники. Их преступления становились известны обществу и увеличивали и увеличивали число пламенных революционеров в империи.

Секретный сотрудник начальника Варшавского охранного отделения создал группу и бросил бомбу в полицейского пристава. Бомбы вреда не принесла, но всех участников осудили на каторгу, естественно, без сексота. Агент витебского жандарма спровоцировал студентов на покушение на местного пристава. Екатеринославский бандит и агент местного охранного отделения получил там револьверы, собрал группу и напал на богатого ювелира со стрельбой. Ограбление доблестно раскрыли местные охранники и все участники грабежа, кроме агента-provokatora, пошли на каторгу. Экспроприаций и налетов, организованных и открытых жандармами, было очень много. Секретный агент Петербургского охранного отделения организовал в Финляндии динамитную мастерскую и выдал своих товарищей, которых приговорили к смертной казни. Бомбы и динамитные мастерские быстро изготавливались в империи, революционеров ловили и казнили. Вся страна читала в листовках и революционных газетах о судебных заседаниях: «Я признаюсь в том, что служил агентом Калужского охранного отделения. Ротмистр Никифоров, за три дня до нападения, просил меня устроить налет на аптекарский магазин для захвата динамитных принадлежностей. Я, опасаясь наказания, сначала отказывался, но ротмистр сказал мне, что дает честное слово в том, что ни я, ни другие участники не понесут наказания. После экспроприации я поехал к Никифорову и сказал, что все сделано. Ротмистр сказал: «Хорошо».

Но полицейский агент в Екатеринославе дал своим товарищам-рабочим на хранение взрывчатые вещества и тут же донес на них, отправив на военный суд, у которого был только один приговор. Почти сто гимназистов и студентов были брошены в Лубенскую тюрьму как члены революционной организации, открытой полицейским агентом, устроившим в месте собраний склад бомб, оружия и нелегальной литературы. Склады бомб обнаруживались по всей империи и сотни невиновных людей шли на каторгу или виселицу. Один из жандармских полковников так зарвался, что даже попал под суд, который признал его виновным: «1) производя обыск у журналиста Гольдбрейха, полковник через своего агента подбросил ему несколько революционных изданий; 2) сотрудники полковника изготовили несколько бомб и подбросили их в частный дом; 3) сотрудники полковника изготовили по его приказу поддельные печати революционных организаций, наложили их оттиски на нелегальные брошюры подбрасывали их на обысках; 4) полковник изготовил фальшивые списки запрещенных книг, членов тайного кружка, чертежи разрывных снарядов, наложил на них оттиски фальшивых печатей и велел все это подбросить в ремонтную мастерскую, после чего арестовал одиннадцать ни в чем не повинных рабочих; 5) послал от имени революционеров командиру военного порта угрожающее письмо с требованием денег; 6) полковник сам себе от имени революционеров написал смертный приговор, чтобы показать властям, что он действовал на этих обысках с опасностью для жизни, заказал через своих агентов гроб и приказал принести его себе на квартиру, якобы от имени революционного комитета».

По липовым доносам жандармского полковника семь невиновных людей были казнены, двадцать два пошли на каторгу и ссылку. Суд дал верному царскому слуге три года условно, а потом помиловал. Революционеры в своих газетах подробно сообщали обществу обо всех преступлениях самодержавия, среди которых все больше и больше было самых вопиющих. Немногочисленные честные охранники увольнялись со службы, отправляя рапорты начальникам:

«Считаю своим долгом уведомить Вас о следующем. В бытность ротмистра Левдикова начальником Охранного пункта в Николаеве, к нам в охранное отделение в Одессе приезжал по делу его агент, который рассказал, что он сам при работе среди анархистов-коммунистов поставил динамитную лабораторию, изготовил бомбы, а потом эту лабораторию вместе с изготовленными им же бомбами, и всеми анархистами арестовал ротмистр Левди́ков, а его агент удрал.

Теперь при переводе Левдикова за заслуги к нам в Одессу начальником Охранного отделения здесь же создается та же провокация. Тот же агент и Левди́ков в Одессе организовал

также группу анархистов-коммунистов, стал ее руководителем, участвует во многих крупных экспроприациях, поставил нелегальную типографию, где сам работает, на днях в аптекарском магазине экспроприировал взрывчатые вещества и поставил лабораторию, в которой опять сам сотрудник изготавливает бомбы. Но даже этого мало. Для большего эффекта лицами его группы подготавливается покушение на одесского генерал-губернатора. Одним словом, блестящее дело полной провокации.

Мы доложили обо всем начальнику жандармского управления и заявили о его провокационной деятельности самому Левдикову. Служить при таких условиях, когда из-за подобной провокации люди пойдут на виселицу – согласитесь, трудно».

Петр Рачковский, потомственный дворянин без образования, начавший службу без чина младшим сортировщиком почтовой конторы в Киеве еще в 1867 году, десять лет прослужил в канцелярии одесского градоначальника, киевского и варшавского губернаторов, в канцелярии Государственного совета, работал следователем в Архангельске, затем воспитателем в частном петербургском доме. Рачковский начал общаться с революционерами, был тут же арестован Третьим отделением и на всякий случай обвинен в государственном преступлении. Рачковский тут же стал секретным сотрудником полиции и через год выдач был разоблачен агентом Исполнительного Комитета «Народной воли» Николаем Клеточниковым. За сыскные таланты знаменитый Судейкин сделал его своим помощником, а весной 1884 года Департамент полиции назначил Рачковского заведующим заграничной агентурой со штаб-квартирой в Париже. Так он в первую очередь дважды нелегально разгромил типографию Льва Тихомирова, оставив его без средств к существованию. Рачковский установил тесные личные контакты с французскими промышленниками и стал тайно защищать их интересы в России и продвигать их товары. Департамент полиции послал в Париж ревизора генерала Сильвестрова, но он тут же был убит при невыясненных обстоятельствах. Причастность к этому Рачковского, само собой, доказать не удалось. Чтобы укрепить свои российские позиции, подкрепленные французскими деньгами Рачковский решил организовать и раскрыть покушение на императора Александра III.

Агент-provokator заведующего заграничной агентурой империи Геккельман-Ландезен-Гардинг на полицейские деньги собрал в Париже группу из народовольцев-эмигрантов и предложил им подготовить покушение на царя. Provokator с жаром говорил народовольцам, что после убийства Александра III в империи произойдет народное восстание и царизм рухнет. Ландезен в предместье Парижа организовал динамитную мастерскую и начал выпуск бомб.

Рачковский доложил в Петербург, что им совместно с французскими секретными службами выявлена в столице Франции очень опасная группа народовольцев-террористов, которая с бомбами готовится выехать в империю для покушения на императора. Липовое дело доложили Александру III и царь стал лично следить за деятельностью Рачковского по спасению его жизни.

Народовольцы были арестованы на парижском вокзале с бомбами Рачковским и его французскими коллегами. Тут же в Петербурге были взяты революционеры, готовившиеся встречать своих эмигрантских товарищей. Александр III был в восторге, наградил Рачковского орденом, чином и деньгами. Спровоцированных народовольцев отправили на каторгу. Помощь французской полиции в захвате террористов была особо отмечена императором и Рачковский, получивший огромную премию и от французских промышленников, стал еще активнее представлять их интересы в империи. Его агент Ландезен-Гардинг также был награжден и повышен до поста заместителя Рачковского в Берлине.

После подобного провокационного успеха Рачковский решил провести в Европе серию динамитных террористических актов, приписать их русским революционерам-эмигрантам, само собой, тут же раскрывать взрывы, и возбудить европейское общественное мнение против народовольцев, до которых ни как не могли дотянуться руки Департамента полиции. Агент

Рачковского Яголковский-Штернберг взорвал в бельгийском Антверпене бомбу, и при этом погибли невинные бельгийцы.

Полиция быстро выяснила, что это совсем не русские революционеры и Рачковский с трудом сумел устроить нелегальный побег Яголковского в империю. Больше взрывать Европу Рачковский не рисковал, а Яголковский успешно работал в петербургском охранном отделении и в черной сотне.

Рачковского стали прочить на место министра внутренних дел и Плеве с трудом с помощью интриг смог отправить Рачковского, заслуженного орденосца и действительного статского советника, в отставку в 1901 году, но совсем ненадолго. Рачковского в Париже заметил начальник особого отдела Департамента полиции МВД и патрон Зубатова действительный статский советник Ратаев, которого сменил Гартинг, а сам Петр Рачковский был лично Николаем II назначен руководителем политического сыска империи, вице-директором Департамента полиции и помощником руководителя личной царской охраны Д. Трепова. До 1909 года специалист по провокации Петр Рачковский доблестно и денежно служил самодержавию, активно приближая революцию.

Зубатов активно работал среди московских и петербургских студентов, заагентурируя тех академистов, которые считали, что наука не должна смешиваться с политикой. Революционеры в своих газетах публиковали добытую ими переписку студентов-агентов и начальника московской охраны:

«Милостивый государь, Сергей Васильевич! По поводу создания среди студентов организации, могущей вредить спокойному течению университетской жизни, я могу сообщить довольно ценные сведения за хорошее вознаграждение. Если найдете возможным воспользоваться моим предложением, то назовите место, куда я должен явиться. Действительный студент московского университета Николай Вознесенский».

Сотрудники охранных отделений называли студентов-агентов своими стипендиатами и передавали из рук в руки студенческие письма в охранку:

«Как грустно наблюдать за печальными и нелепыми явлениями среди студентов высших учебных заведений человеку истинно русскому, благоговеющему перед существующим государственным устройством. Я благоговейный сторонник батюшки-царя. За последнее время у нас в Ярославле агитация стала пускать глубокие корни, благодаря деятельности местной группы партии социалистов-революционеров. Я желал бы поступить в агенты тайной полиции и готов за родину и за царя-батюшку душу свою положить. В этом я не нахожу ничего плохого. Слово «шпион», которым обыкновенно клеймят людей, служащих в тайной полиции – ничего плохого, по-моему, не означает. Я обращаюсь к Вашему превосходительству с высочайшей просьбой не отказать принять меня на службу по тайной полиции, хотя бы и с небольшим, но постоянным круглогодичным окладом жалованья, чтобы служить государству до последней капли крови и до последнего издыхания. Вашего высокопревосходительства нижайший послушник и благоговеющий перед Вами студент Демидовского юридического лица Евгений Белков».

Благодаря провокациям полиции и жандармов многие люди понимали, что выдача революционеров – дело хлебное и писали в охранку: «Я согласился работать секретным сотрудником и с этой минуты стал двуличным человеком. Таким двуличным человеком, по моему мнению, должен быть любой, тайно служащий на пользу государству. Таким путем он гораздо больше принесет пользы».

Сотрудники охраны и жандармерии набирали множество секретных сотрудников среди студентов, брали с них расписки в получении жалованья, а денег полностью не выдавали и это становилось известно в обществе. Для оправдания жалованья тысячи липовых агентов писали десятки тысяч липовых донесений об успешной борьбе с революцией, и она, конечно, так же успешно приближалась. Скандалы о том, что провокаторская работа стоит дороже, постоянно

просачивались в газеты империи. Революционеры писали в своих изданиях о мотивах агентов-провокаторов, печатая их признания: «Главный мотив, который заставил меня усердно работать по политическому розыску, это тот, чтобы еще студентом суметь составить о себе хорошее мнение у сильных мира сего, чтобы по окончании курса получить скорее и получше место. Жандармы не откажутся закинуть обо мне словцо кому нужно будет». В обществе появилась большая группа подданных с благообразной наружностью и наглым цинизмом внутри.

Со всей империи охранные отделения и жандармские управления заваливались письмами и прошениями будущих, действующих и прошлых агентов, многие из которых становились известны обществу: «Я обладаю чисто природной склонностью к жандармской службе. Я имею обширный круг знакомств в разных сферах общества и прошу назначить меня политическим агентом. Так как эта служба потребует посещения лекций и собраний, соответствующего платья и вообще приличной жизни, в городе не дешевой, то месячное мое жалованье не может быть ниже ста рублей, кроме путевых и других расходов на случай поездок».

Сергей Зубатов на мастер-классах для сотрудников охранных отделений говорил, что они должны относиться к сексотам, как к любовнице, являющейся замужней женщиной. В его кабинете в больших шкафах находились тридцать тысяч карточек на настоящих активных революционеров и в десять раз больше карточек на имперских либералов. Все общество было в поле его зрения. Он знал все псевдонимы революционных руководителей, читал их шифры и химические послания, нелегальные паспорта и конспиративные квартиры, «чистые» адреса для революционной переписки, условные знаки и пароли революционеров, почему они отказывались от показаний на следствии и говорили в суде. Зубатов говорил сотрудникам, что революционная конспирация очень поучительна. Охранникам было очень тяжело добывать против оппозиции всякие улики и суды редко выносили ей суровые приговоры. Жандармы и охранники без суда в административном порядке высылали на север и в Сибирь тысячи и тысячи виновных и полувиновных подданных империи.

Зубатов читал своим сотрудникам высказывания уже известного в 1900 году социал-демократа Владимира Ульянова: «Профессиональный революционер в любую минуту должен быть готов к аресту. Кто не рискует жизнью в революционной борьбе – тот не борется!»

Тайная агентура во времена Зубатова насчитывала в империи почти пятьдесят тысяч сексотов, рабочих, крестьян, земских и думских служащих, адвокатов, торговцев, купцов, студентов, журналистов, врачей, солдат, матросов, со средним жалованьем пятьдесят рублей в месяц. Секретные сотрудники провоцировали революцию в соответствии с разработанной Департаментом полиции должностной инструкцией:

«Тайный сотрудник охраны, работающий в революционных организациях, должен знать: программу партии о которой дает сведения; структуру местной организации; нелегальную литературу, издаваемую партией; кто арестован и кто на свободе в этой партии; кто является наиболее активным и талантливым революционером и как незаметно за ним можно установить наблюдение; с какими революционными группами контактирует обслуживаемая агентом организация; какие нелегальные издания распространяет партия – временные, периодические, подпольные, легальные заграничные, местные; кто для партии составляет злобу дня в определенный момент; к чему сводится партийная работа в данный момент; в чем проявляется преступная деятельность обслуживаемой агентом организации; какие террористические акты готовятся, даже если это маловероятные и непроверенные слухи; кто и куда выезжал и выезжает из революционеров; сведения о других партиях; о любых неблагонадежных лицах; где находится партийная касса, паспорта, библиотека, разрывные снаряды, взрывчатка, ядовитые вещества, оружие, боевые припасы, кинжалы, финские ножи, кастеты; какие есть сведения об общеуголовных преступлениях; что известно агенту как очевидцу, что носит достоверный характер, что носит предположительный характер, что является слухами; каковы имя, отчество, фамилия обслуживаемых революционеров, их место жительства, род и место занятий,

службы, приметы: возраст, рост, телосложение, наружность и ее особенности, знаки, следы ран на лице и теле, лицо, цвет, размеры и форма волос на голове, бороде и усах, походка, манера говорить, тембр голоса, национальность, костюм, обувь, головной убор, привычки, с кем встречается и где бывает чаще всего, роль в партии и преступная деятельность; копии партийной переписки и нелегальной литературы; сведения о готовящихся беспорядках, особенно за две недели до 19 февраля.

Ложное заявление, искажение в ту или иную сторону добываемых агентами сведений и умышленное создание обстановки преступления в видах получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера является тяжким преступлением и наказывается на общем основании по закону».

Секретным сотрудникам указывалось, кого из революционеров можно вербовать легче всего: жадных до денег, неубежденных, слабохарактерных, материально нуждающихся.

При Зубатове почти на всех видных революционеров охранка завела фиктивные дела, в которых утверждалось, что они секретные сотрудники. Информацию тайно отправили в газеты, распространяли через агентов революционных организаций. Фальшивки, само собой, быстро разгадали, при этом провалились многие агенты-провокаторы. Революционеры стали давать свои разоблачительные материалы не только в свои, но и в легальные газеты. Обычно доказательств и улик на революционеров и случайно задержанных людей у охранки не было, и при обысках им подбрасывали динамит, оружие, нелегальную литературу. Взаимное озлобление в обществе быстро росло.

Сергей Зубатов почти первым увидел и понял, что рабочий класс в конце XIX века массово вышел на политическую сцену империи. Это была такая сила, о которой народovolыцы могли только мечтать. Зубатов стал говорить, что объединение рабочих вокруг боевых революционных партий представляет колоссальную угрозу самому существованию самодержавия и даже может просто уничтожить монархический мир. Двухэтажное светло-зеленое здание Московского охранного отделения в Гнезниковском переулке стало центром политического сыска в империи.

Зубатов просил своих сотрудников беречь агентов как зеницу ока, работать с ними честно и самоотверженно, никому и никогда, даже начальству, не называть их подлинных имен. Он подробно анализировал причины, толкающие людей на предательство своих товарищей, друзей, близких, даже родных. Они могли быть как низкими, так и высокими. Основной причиной предательства Зубатов называл деньги, затем месть.

Чиновник по особым поручениям при Зубатове Евстратий Медников организовал не только прекрасную филерскую службу в Москве, но и создал очень мощный и высокопрофессиональный летучий филерский отряд Департамента полиции МВД. Его филеры прочесывали империю вдоль и поперек, выполняя поручения Зубатова по розыску революционеров. Это были единственные филеры в монархии, которые не уступали профессиональным революционерам в мастерстве, наблюдательности, подвижности, конспирации, приспособлении к обстоятельствам. Они сутками без движения лежали в несусветных засадах, без багажа могли проехать в поездах через всю страну за наблюдаемым подпольщиком, при этом попадая даже за границу, без денег и знания языков. Настоящий извозчик, лотошник, торговец признавал филеров Медникова, изображавших таких же торговцев, как они, за своих. Секретные агенты и филеры играли главную роль во всех победах Зубатова, который почти первый предложил вести за революционерами комбинированное конное и пешее наблюдение, даже завел в охранке извозчикий филерский двор. Большую помощь охранникам оказывала перлюстрация частных писем подданных, вскрывавшихся десятками тысяч. «Черные кабинеты» существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Варшаве, Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Томске, Нижнем Новгороде, Казани. Вскрывались письма оппозиционеров, либералов, студентов, сановников, высших чиновников, профессоров, кого угодно и где угодно. «Письмо

по наблюдению» вскрывались по особому списку Департамента полиции, «письма по подозрению» вскрывались интуитивно. Все письма вскрывались и запечатывались особым способом без следов и перлюстрация была могучим средством в руках охранников в борьбе с подпольем. Один из первых Зубатов читал письмо Льва Толстого 1901 года «К царю и его помощникам»: «Для того чтобы люди перестали волноваться и нападать на Вас, нужно очень мало сделать: во-первых, уравнивать крестьян во всех правах с другими гражданами; во-вторых, нужно перестать применять так называемые правила усиленной охраны; в-третьих, нужно уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию; в-четвертых, самое главное, нужно уничтожить все стеснения религиозной свободы. Только тогда Ваше положение будет спокойно и истинно хорошо».

Московское охранное отделение искало революционеров по всей империи. В Северо-Западном крае в 1897 году был создан «Бунд», Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, объединивший все имперские еврейские революционные группы. Это была мощная и хорошо законспирированная организация, в разговорах использовавшая трудно понимаемый даже для специалистов специфический еврейский жаргон. Главный орган «Бунда» газета «Арбейтерсштимме» издавался на жаргоне, как и все пропагандистские издания. Филеры Медникова и Зубатова мотались по всей Белоруссии и Литве, следили за бундовцами в Минске, Гродно, Ковно, Белостоке. Они выяснили всех ведущих революционеров «Бунда» и их массовые аресты провели офицеры Зубатова с приданными им местными жандармскими управлениями. Еврейских революционеров вагонами везли в Москву, где шло следствие. Доказательств, как всегда было очень мало, и бундовцев сослали в Сибирь без суда.

В первые годы работы начальником Московского охранного отделения для борьбы с революционерами Зубатов использовал два метода. Охранники давали группе разрастись и потом арестовывали всех с возможно большими доказательствами и уликами, во втором случае охранники проводили систематические аресты, мешали революционерам, не давали им организовываться, сеяли их недоверия друг другу. Поняв и оценив опасность рабочего движения, Зубатов решил разложить его изнутри, создать многочисленные автономные общества, которые бы занимались исключительно экономической борьбой с заводчиками и фабрикантами, отказываясь от политической борьбы и поддерживая монархию. Зубатов решил отвлечь рабочих от революционной борьбы и прекрасно понимал, что их недовольство вызвано условиями труда и быта на фабриках, заводах и в мастерских. Революционные партии эсеров и социал-демократов еще только создавались, имея у себя теорию социализма Карла Маркса, и вот-вот тысячи пропагандистов должны были начать организовывать миллионы рабочих. Зубатов решил организационно овладеть рабочим классом и рассеять его, арестовать среди рабочих революционных идеологов и заменить их идеологию своей. Его действия стали называть полицейским социализмом. Зубатов оказался в нужном месте в нужное время, и его программа могла изменить историю империи, сделав ее не такой кровавой. Статский советник, так никогда и не ставший генералом, в своем монархическом угаре ни как не мог принять полную имперскую некомпетентность Зимнего дворца и его равнодушие к жизни подданных. В 1900 году, на переломе веков и эпох, рабочее движение стояло на перепутье и только от самодержавия зависело, какую дорогу выберут миллионы пролетариев.

В 1897 году был принят имперский закон о продолжительности рабочего дня. Закон сокращал рабочий день с четырнадцати – шестнадцати часов до одиннадцати с половиной в обычные дни, и до десяти часов ночью и в субботу. Хозяева фабрик и заводов под давлением министра финансов Витте сквозь зубы согласились на сокращение рабочего дня законом, который, впрочем, тут же свели на нет широко применявшимися сверхурочными работами. Сами рабочие все больше и больше прислушивались к революционным пропагандистам, которые предлагали им борьбу не только политическую, но и смену социального уклада жизни. На фабриках и заводах заговорили о социальной революции и диктатуре пролетариата. Зуба-

тов решил легализовать рабочее движение, сделать его законным, а значит, безопасным для монархии. Он понимал, что только экономическими уступками ему можно отвлечь рабочих от революционеров. Однако ни он, ни самодержавие, ни как не могли понять, что применять колоссальную провокацию в миллионных движениях – значило играть с огнем.

Зубатов попытался объяснить самодержавию, что социалистические идеи направлены против царствующей династии, а рабочие не довольны только алчными заводчиками и фабрикантами, потому, что их жизнь была удачна. Репрессиями рабочих выгонять на смену не получится. К концу XIX столетия в России официально насчитывалось более семи миллионов рабочих, а реально их было почти десять миллионов. Для империи, в которой сто двадцать миллионов подданных охраняла двухмиллионная армия, это было уже много. Зубатову отвечали из Зимнего, что «благодаря нашим счастливым условиям землепользования большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы она идет как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка». Зубатов отвечал, что в руках рабочих находилась вся техника страны, а сами рабочие опираются на крестьянство, снизу, и активно общаются с интеллигенцией сверху: «Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения государственного и общественного строя, этот коллектив может оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей». А причин для того, чтобы разъярить миллионы рабочих, хватало.

Средняя продолжительность жизни имперских рабочих была 32 года. Россия занимала первое место в мире по их производственному травматизму. Многие владельцы заводов и фабрик сами были выходцами из крестьян и рабочих и считались в обществе самыми зверскими эксплуататорами, не желавшими идти ни на какие разумные уступки рабочим. Квалифицированные мастера и рабочие получали хорошее жалование, но их было мало. Основной рабочей массе заработка с трудом хватало на еду и оплату жилья и дров, которые стоили очень дорого. Чернорабочие вообще получали заработную плату меньше прожиточного минимума. Рабочие массово чувствовали ущербность и отверженность своей жизни. Обычно в одной квартире жили двадцать рабочих в комнате, в которой стояли длинный стол с двумя лавками и матрасами на полу. В прихожей-кухне за занавеской жила артельная кухарка. Семейная жизнь рабочих в городах была почти невозможна, и большинство рабочих не видели своих деревенских жен и детей годами. Половина рабочих была жената вот таким образом, а вторая половина не могла себе позволить даже этого. Бывшие крестьяне посылали своим семьям заработанные потом рубли, которые часто шли не на детей и жену, а на долги семейства перед общиной, связанной круговой порукой. Если городские рабочие отказывались платить по долгам нерадивых или ленивых крестьянских общин, в ответ они отменяли выданные рабочим паспорта, что лишало пролетариев правового статуса. Доходило до того, что некоторые общины рассматривали отпущенных на заработки своих крестьян, как источник дохода. Рабочих, как и крестьян, справедливо считали в обществе наиболее бесправными подданными, и они это хорошо понимали. Имперские писатели и журналисты подробно описывали скучную, нездоровую, бесхозяйную жизнь рабочих монархии: «Бывали ли вы, читатель, когда-нибудь в крупных фабричных селах средней России? Голая, ровная местность, не паханные и не сеянные, поросшие сорной травой голые поля; тихо протекающая в берегах без кустика вонючая речка – вот обычный ландшафт, среди которого вы видите высокие трубы и громадные корпуса фабричных зданий. Вы увидите здесь длинные ряды маленьких избушек без всяких признаков хозяйственных построек, утопающих в убийственной грязи и нечистотах, развешенное на веревках и кольях тряпье, представляющее одежду обитателей этих лачуг».

Рабочие с 1895 года проводили массовые забастовки, требуя отмены штрафов, с помощью которых хозяева, инженеры и мастера глумились над ними, забирая каждый десятый заработанный рубль. Рабочие требовали ненавистных мастеров и восстановления на работе уволенных товарищей. Они хотели остановить произвол начальства протестуя против собственного

бесправия, социальной униженности, наглости и жадности фабрикантов, особенно молодых, борясь за собственное человеческое достоинство. Фабрична инспекция и заводская полиция всегда была, само собой, на стороне хозяев: «нанялся – продался, а закон барину не указ». За десять последних лет XIX века имперская промышленность выросла чуть ли не втрое и тут же стала зоной наибольшего социального напряжения. Еще агитаторы «Народной воли» во главе с Андреем Желябовым создавали в 1880 году рабочие кружки, но были выбиты Департаментом полиции. Теперь, на переломе венков, сотни революционных пропагандистов пробуждали и раскрепощали самосознание массового пролетариата. В ответ хозяева фабрик и заводов старались в ущерб производству брать на работу не опытных рабочих, которые могли за себя постоять, а женщин и подростков, которым платили втрое меньше.

Зубатов понимал, что с рабочим движением нельзя бороться только полицейскими мерами. Он заявил монархии, что если рабочими завладеют социалисты, то революция в России неизбежна. Нужно создавать легальные рабочие организации во главе с секретными сотрудниками охранки и внушать рабочим идею, что во всех их бедах виноват совсем не император, а плохие заводчики и фабриканты. Царь, конечно, делает все возможное, чтобы уменьшить эксплуатацию рабочих и улучшить их положение. Нужно просить Его Императорское Величество, чтобы он получил от хозяев фабрик и заводов экономические уступки рабочим, которые могут получить все, что им нужно, через царя. Лучшее этому доказательство – освобождение крестьян в 1861 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.